Кн. Евгеній Трубецкой.

ФИЛОСОФІЯ НИЦШЕ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**, Пименовская ул., соб. д.
1904.

Дэ-3

Дозволено цензурою. Москва, 12 декабря 1903 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый трудъ, какъ видно изъ самаго его заглавія, представляетъ собою не историческое изслѣдованіе, а «критическій очеркъ». Я не задавался вопросомъ о происхожденіи философіи Ницше, моя задача заключалась единственно въ томъ, чтобы выяснить, *что даетъ намъ эта философія*. Ограничивъ такимъ образомъ мою тему, я оставилъ въ сторонѣ какъ біографическій элементъ, такъ и вопросъ объ отношеніи Ницше къ многочисленнымъ его предшественникамъ. Равнымъ образомъ, я считаю необходимымъ заранѣе отстранить упрекъ въ неполнотѣ библіографическихъ указаній. Моя книга несомнѣнно выиграла бы въ томъ случаѣ, если бы она заключала въ себѣ подробную оцѣнку критическихъ сужденій о Ницше, высказанныхъ въ обширной современной литературѣ о немъ. Но въ такомъ случаѣ она разрослась бы въ обширное изслѣдованіе и уже не соотвѣтствовала бы своему скромному заглавію «очерка».

Кн. Евгеній Трубецкой.

Философія Ницше.

„Въ наше время случается иногда,—говоритъ Ницше,—что человѣкъ вообще мягкій, умѣренный и сдержанный, внезапно приходитъ въ ярость, бьетъ посуду, опрокидываетъ накрытый столъ, кричитъ, неистовствуетъ, оскорбляетъ всѣхъ и вся и, наконецъ, отходитъ въ сторону, стыдясь и злобствуя на самого себя. Для чего, зачѣмъ? Для того ли, чтобы голодать на сторонѣ или чтобы задохнуться въ собственныхъ воспоминаніяхъ? Для человѣка, обладающаго потребностями возвышенной, разборчивой души, который рѣдко находитъ свой столъ накрытымъ и пищу готовою, опасность всегда велика; но въ наши дни она чрезвычайна. Заброшенный посреди шумнаго и вульгарнаго вѣка, съ которымъ онъ не въ состояніи дѣлить трапезы, онъ легко можетъ погибнуть отъ голода и жажды, или же отъ внезапной тошноты, если онъ все-таки рѣшится ѣсть съ общаго блюда. По всей вѣроятности каждому изъ насъ приходилось сидѣть не на своемъ мѣстѣ за общимъ столомъ; и какъ разъ наиболѣе одаренные изъ насъ, тѣ, кого всего труднѣе насытить, знаютъ эту опасную *диспепсію*, которая возникаетъ вслѣдствіе внезапнаго прозрѣнія и разочарованія въ пищѣ или въ сосѣдяхъ по столу—послѣобѣденную тошноту“ [1]).

Здѣсь Ницше описываетъ собственную свою ссору съ

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 282, B. VII, 264. (Цитирую по изданію 1899 года).

вѣкомъ, собственное свое разочарованіе и уходъ отъ современнаго общества. Въ трапезѣ современной цивилизаціи все внушаетъ ему отвращеніе, какъ сотрапезники, такъ и ихъ духовная пища, какъ человѣкъ, такъ и его идеалы. „Бываютъ дни,—говоритъ онъ,—когда меня посѣщаетъ чувство, мрачнѣе самой мрачной меланхоліи—презрѣніе къ человѣку. И чтобы разсѣять всякія сомнѣнія въ томъ, кого и что я презираю, скажу прямо: я презираю нынѣшняго человѣка, съ которымъ я роковымъ образомъ связанъ, какъ современникъ. Нынѣшній человѣкъ! Я задыхаюсь отъ его нечистаго дыханія!“ [1]) Тутъ рѣчь идетъ не о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ современнаго человѣчества: философія Ницше есть дерзкій вызовъ современности вообще, протестъ противъ всего того, чѣмъ живетъ современный человѣкъ, противъ его религіозныхъ вѣрованій и философскихъ идей, противъ нашихъ идеаловъ, соціальныхъ и этическихъ, противъ современной науки и искусства. „Моя философія,—говоритъ онъ,—заключаетъ въ себѣ побѣдоносную мысль, которая должна погубить всякій другой образъ мысли“ [2]). Это прежде всего разрушительная критика, которая не хочетъ оставить камня на камнѣ въ зданіи современной культуры.

Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности Ницше не ограничивается одною современностью. Заявляя себя во всѣхъ отношеніяхъ „несвоевременнымъ человѣкомъ“, онъ относится со сравнительною терпимостью къ временамъ прошедшимъ; но и эта терпимость дается ему цѣною усилій надъ собой: исторія человѣчества для него—исторія душевныхъ болѣзней, и самыя занятія исторіей онъ сравниваетъ со странствованіемъ въ домѣ умалишенныхъ [3]). Какъ плодъ всего предшествующаго развитія человѣчества, нашъ вѣкъ заключаетъ въ себѣ элементы средневѣковья и древности, обломки всѣхъ до него быв-

[1]) Der Wille zur Macht, § 38, B. VIII, 263.
[2]) Der Wille zur Macht, § 375, B. XV, 403.
[3]) Der Wille zur Macht, § 38, B. VIII, 263.

шихъ культуръ. А потому всестороннее отрицаніе современности у Ницше обращается въ отрицаніе человѣка и человѣчества вообще. Среди людей онъ не находитъ человѣка, который бы оправдывалъ существованіе человѣка и нашу вѣру въ него [1]).

И не одинъ только человѣкъ служитъ для него предметомъ отрицанія. Человѣкъ—частичное явленіе мірозданія, слѣдовательно, частное проявленіе того всеобщаго неустройства, той всеобщей безсмыслицы, которую нашъ философъ усматриваетъ во всемъ существующемъ. Поэтому для Ницше недостаточно „преодолѣть человѣка“ [2]), онъ видитъ задачу своей мысли въ томъ, чтобы „преодолѣть вселенную“ [3]).

Этимъ отрицаніемъ не исчерпывается философія Ницше: отрицаніе составляетъ одну лишь сторону, одну изъ тенденцій его мысли. Отрицать дѣйствительность возможно только съ точки зрѣнія какого-либо положительнаго идеала, который противополагается существующему какъ нѣчто желательное, должное. „Когда мы отрицаемъ,—говоритъ Ницше,—это значитъ, что въ насъ есть нѣчто такое, что хочетъ жить и утверждать себя, нѣчто такое, чего мы, можетъ быть, еще не видимъ и не знаемъ“ [4]). Ниспровергая „идоловъ“ современнаго человѣчества и „разрушая его капища“, философъ хочетъ на развалинахъ „воздвигнуть новую святыню“ [5]). Его философская задача опредѣляется имъ самимъ какъ „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“: она сводится къ замѣнѣ всего того, что доселѣ считалось благимъ и цѣннымъ—новыми „истинными“ цѣнностями.

Философія Ницше, какъ видно отсюда, есть попытка разсчитаться со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ человѣчества. Попытка эта во всякомъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго

---

[1]) Zur Genealogie der Moral, § 12, B. VII, 325.
[2]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 13.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 227, B. VII, 182.
[4]) Die fröhliche Wissenschaft, § 307, B. V, 236.
[5]) Zur Genealogie der Moral, § 24, B. VII, 394.

вниманія. Если Ницше удалось взволновать свою эпоху, если въ настоящее время имя его на устахъ у каждаго образованнаго человѣка, то это обусловливается не прихотливымъ и случайнымъ увлеченіемъ, не однимъ только капризомъ моды, а главнымъ образомъ, серьезностью поставленныхъ имъ вопросовъ и необычайностью его дарованій.

Запросы и сомнѣнія Ницше пріобрѣли всеобщій интересъ, и это одно уже доказываетъ, что въ нихъ скрывается нѣчто бо́льшее, чѣмъ простое чудачество. „Когда человѣкъ оказываетъ сопротивленіе всему своему времени, преграждаетъ ему путь и требуетъ у него отчета, это должно оказать вліяніе. Безразлично, хочетъ или не хочетъ онъ этого, важно то, что онъ это можетъ“ [1]). Этими словами Ницше всего лучше выражается то значеніе, какое можетъ имѣть для насъ его философія. Онъ выставилъ рядъ тезисовъ противъ современнаго человѣка и противъ современной культуры. Вѣрны или невѣрны эти тезисы, во всякомъ случаѣ они не могутъ остаться безъ вліянія на насъ уже потому, что они вынуждаютъ насъ къ самопровѣркѣ, къ критическому пересмотру всего того, что въ наше время считается истиннымъ и цѣннымъ. Если этотъ пересмотръ и не приведетъ насъ къ „переоцѣнкѣ всѣхъ нашихъ цѣнностей“, то во всякомъ случаѣ онъ поможетъ намъ отвѣять въ нихъ зерно отъ мякины: цѣнности мнимыя, призрачныя, не выдержатъ философской критики и отпадутъ; то же, что есть въ современной философской мысли дѣйствительно цѣннаго, получитъ для насъ болѣе глубокое и прочное обоснованіе.

Критическая оцѣнка ученія Ницше можетъ оказать намъ и другую не менѣе важную услугу. Въ этой философіи съ необычайной силой высказалась неудовлетворенность современнаго человѣчества его настоящимъ и мучительная тревога за будущее. Въ ницшеанствѣ выразился острый

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 156, B. V, 182.

кризисъ европейской мысли и предчувствіе опасности, грозящей человѣчеству въ будущемъ. „Уже съ давнихъ поръ,— говоритъ Ницше,—развитіе нашей европейской культуры совершается среди напряженія и муки, которая возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ и словно близится къ катастрофѣ". На рубежѣ двухъ столѣтій философія Ницше звучитъ какъ мрачное пророчество. Пророческія личности, говоритъ онъ, суть прежде всего страждущія личности: ихъ даръ предсказывать будущее служитъ для нихъ источникомъ мученій. Мысль эта тутъ же поясняется сравненіемъ: иныя животныя сильно страдаютъ отъ атмосфернаго электричества. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, обезьяны, обладаютъ способностью предвѣщать грозу. Еще задолго до появленія облаковъ они ощущаютъ скопленіе электричества въ окружающей атмосферѣ и, предчувствуя перемѣну погоды, ведутъ себя такъ, какъ будто ожидаютъ врага, готовятся къ защитѣ или бѣгству. Думаемъ ли мы о томъ, что ихъ страданія—пророческія страданія [1]).

Въ страданіяхъ Ницше выразилось состояніе современной общественной атмосферы, насыщенной электричествомъ. Они интересны для насъ, какъ симптомы общественнаго недуга, которымъ заражено современное человѣчество, и какъ явленіе пророческое.

I.

Міросозерцаніе Ницше въ первый періодъ его литературной дѣятельности.

Въ философской дѣятельности Ницше принято различать три періода: 1) періодъ увлеченія идеями Шопенгауэра и Вагнера; 2) періодъ позитивизма и 3) періодъ собственно ницшеанскій (періодъ Заратустризма, по выраженію Гаста) [2]).

---

1) Die fröhliche Wissenschaft, 376, B. V, 241.

2) Объ этомъ дѣленіи на періоды ср. *Riehl*, Friedrich Nietzsche, der Künstler und der Denker. *Vaihinger*, Nietzsche als Philosoph, стр. 44 и слѣд., *Peter Gast* Einführung in den Gedankengang von «Also sprach Zarathustra», Nietzsche, B. VI, 486.

Присматриваясь ближе къ этому дѣленію на періоды, мы убѣдимся, что оно нѣсколько произвольно и искусственно. Не подлежитъ сомнѣнію, что эпоха увлеченія идеями Шопенгауэра и Вагнера составляетъ особый, рѣзко очерченный періодъ философскаго развитія Ницше. Переходъ отъ метафизики Шопенгауэра къ позитивизму, т. е. къ принципіальному отрицанію всякой метафизики былъ, дѣйствительно, кореннымъ переломомъ въ его міровоззрѣніи. Самаго поверхностнаго сопоставленія раннихъ произведеній нашего автора съ той серіей его трудовъ, которая начинается книгою „Человѣческое, черезчуръ человѣческое“ (1876—1879) достаточно, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя принципіально различными и даже противоположными философскими ученіями. Напротивъ, между произведеніями Ницше, относимыми ко второму и третьему періоду его философскаго развитія, такого принципіальнаго различія не существуетъ; нельзя указать того философскаго принципа, который обозначалъ бы собою грань между этими двумя періодами. Отрицательное отношеніе къ метафизикѣ представляется характернымъ не только для серединной эпохи дѣятельности Ницше, но для всѣхъ вообще его произведеній, написанныхъ послѣ 1876 года; въ этомъ смыслѣ онъ оставался позитивистомъ до конца своихъ дней; поэтому врядъ ли можно говорить о какомъ-то третьемъ періодѣ его творчества, будто бы смѣнившемъ его „позитивный“ періодъ. Риль характеризуетъ этотъ третій періодъ какъ союзъ позитивизма съ романтикою (68); здѣсь, слѣдовательно, рѣчь идетъ не объ измѣненіи основныхъ принциповъ философскаго ученія Ницше, а только о восполненіи его позитивизма новыми началами; новымъ тутъ, повидимому, является культурно-этическій идеалъ „сверхчеловѣка“, который составляетъ сущность ученія Заратустры. Нетрудно убѣдиться, однако, что новизна этого основного догмата „заратустризма“ по сравненію съ болѣе ранними произведеніями Ницше, заключается главнымъ образомъ въ названіи. Уже въ книгѣ „Человѣческое, черезчуръ человѣческое“

ясно обрисовываются основныя черты „имморализма“ нашего философа; уже здѣсь передъ нимъ носится идеалъ личности, возвысившейся надъ противоположностью добра и зла, „свободно и безстрашно парящей надъ людьми, нравами, законами и обычными оцѣнками вещей“ [1]; здѣсь мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ идеаломъ „сверхчеловѣка“, хотя и безъ этого названія. Гастъ признаетъ, что основные принципы ученія Заратустры заключаются уже въ произведеніяхъ перваго періода Ницше, въ его „Происхожденіи трагедіи“ и въ „Несвоевременныхъ размышленіяхъ“ [2]. „Заратустризмъ“ представляетъ собою вообще не болѣе какъ дальнѣйшее развитіе и обработку началъ, высказанныхъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, обыкновенно относимыхъ ко второму или даже къ первому періоду литературной дѣятельности Ницше; вотъ почему въ немъ врядъ ли можно видѣть какой-либо особый, третій періодъ философскаго творчества нашего автора.

Въ числѣ признаковъ, отличающихъ второй періодъ отъ третьяго, изслѣдователи обыкновенно указываютъ на *интеллектуализмъ* второго періода Ницше: въ серединную эпоху своей дѣятельности онъ видѣлъ въ жизни „экспериментъ познающаго“, тогда какъ впослѣдствіи онъ полагалъ цѣль жизни въ проявленіи могущества личности, въ господствѣ ея воли; въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, по словамъ Риля, онъ признавалъ „жизнь для познанія“ проявленіемъ ложнаго аскетизма [3]. Съ этой точки зрѣнія характернымъ для третьяго періода представляется возвращеніе Ницше къ *волюнтаризму* Шопенгауэра.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отличіями мнимыми, кажущимися. Прежде всего самое пониманіе жизни какъ „эксперимента познающаго“ выражено Ницше въ его „Радостной наукѣ“, т. е. какъ разъ въ произведеніи, относимомъ обыкновенно къ третьему пе-

[1] Menschliches, Allzumenschliches, § 34, B. II, 51.
[2] Nietzsche, B. VI, 489.
[3] Цит. соч., стр. 67—68.

ріоду его дѣятельности [1]). Далѣе, самое выраженіе „интеллектуализмъ“ въ примѣненіи къ серединной эпохѣ дѣятельности нашего автора требуетъ существенныхъ оговорокъ; въ эту эпоху, какъ и въ послѣдующую, въ его мысли боролись два противоположныя теченія—вѣра въ разумъ и отрицаніе разума. Какъ разъ книга „Человѣческое черезчуръ человѣческое“, т. е. главное произведеніе такъ называемой серединной эпохи дѣятельности Ницше, проникнута скептическимъ отношеніемъ къ разуму; именно здѣсь пространно развивается тема о нелогичности всей нашей жизни, о неспособности нашего разума къ познанію, вслѣдствіе чего, строго говоря, намъ слѣдовало бы воздерживаться отъ всякихъ сужденій [2]). Въ этой же книгѣ безсиліе человѣческаго разума объясняется тѣмъ, что онъ является орудіемъ нашей воли, нашихъ страстей [3]). Отсюда очевидно, что и здѣсь Ницше остается вѣрнымъ ученію Шопенгауэра о первенствѣ воли надъ разсудкомъ; поэтому и „волюнтаризмъ“ не составляетъ какого-либо отличія между вторымъ и третьимъ періодомъ его творчества. Несостоятельность дѣленія философіи Ницше на три періода обусловливаетъ между прочимъ нѣкоторые курьезы въ изложеніи тѣхъ изслѣдователей, которые придерживаются этого дѣленія. Такъ, напримѣръ, Файгингеръ относитъ книгу „Утренняя заря“ только „отчасти“ ко второму періоду развитія нашего философа [4])!

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній мнѣ кажется, что въ творчествѣ Ницше слѣдуетъ различать не три, а только два ясно очерченныхъ періода, при чемъ гранью между этими двумя періодами служитъ 1876 годъ, когда Ницше окончательно разочаровался въ Шопенгауэрѣ и Вагнерѣ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что развитіе нашего мыслителя не прекращается и послѣ 1876 года; но

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 324, B. V, 245; сравн. § 110, стр. 151—152.
[2]) Menschliches, Allzumenschliches, §§ 31, 32, B. II, 48—49.
[3]) См. напр. §§ 9, 16, 18, 32, B. II, 23—24, 32, 34—36, 49.
[4]) Цит. соч., стр. 49.

оно выражается уже не въ измѣненіи основныхъ началъ его ученія, а въ восполненіи и усовершенствованіи одной и той же точки зрѣнія, которой философъ остается вѣренъ до конца своей дѣятельности.

II.

Вліяніе философіи Шопенгауэра и музыки Вагнера въ первый періодъ философско-литературной дѣятельности Ницше соотвѣтствовало двумъ основнымъ влеченіямъ его ума и сердца — его философскому отрицанію дѣйствительности и его стремленію къ обновленію жизни посредствомъ искусства. Изъ его собственныхъ признаній мы знаемъ, что значатъ для него эти два вліянія. Въ ту пору пессимизма одна только музыка Вагнера могла сдѣлать для него жизнь сносною. Поэтому въ 1876 году, когда Ницше разочаровался въ этой музыкѣ, онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Утрата была для него незамѣнимою; онъ мучительнѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ пустоту и безцѣльность своего существованія [1]).

О томъ, что значилъ для него въ то время Шопенгауэръ, мы узнаемъ преимущественно изъ раннихъ его произведеній. Въ статьѣ „Объ отношеніи Шопенгауэра къ нѣмецкой культурѣ“, написанной въ 1872 году, онъ называетъ великаго пессимиста единственнымъ нѣмецкимъ философомъ XIX столѣтія: во всей нѣмецкой культурѣ онъ признаетъ цѣннымъ только то, что Шопенгауэръ могъ бы назвать своимъ [2]). То вліяніе, какое имѣлъ на него Шопенгауэръ, обусловливается, по словамъ Ницше, тремя качествами этого философа—его честностью, его радостностью и его постоянствомъ; онъ честенъ, ибо, не заботясь о внѣшнемъ успѣхѣ, онъ въ своихъ произведеніяхъ обращается только къ самому себѣ, пишетъ только для себя; онъ радостенъ, ибо онъ преодолѣлъ мыслью величайшія трудности; наконецъ, онъ постояненъ, потому что такова его природа [3]).

---

[1]) Der Wille zur Macht § 460, B. XV, 469.

[2]) B. IX, 369.

[3]) Schopenhauer als Erzieher. B. I, 402.

Шопенгауэръ искалъ въ философіи не самоуспокоенія, а истины. Въ немъ правдолюбіе взяло верхъ надъ низменными наклонностями, надъ животнымъ стремленіемъ къ счастію. Поставивши вопросъ о цѣли и смыслѣ существованія, тотъ философскій вопросъ, который Ницше справедливо считаетъ центральнымъ, онъ не побоялся разрѣшить его въ отрицательномъ смыслѣ и разрушить иллюзію счастія. Поэтому Ницше видитъ въ Шопенгауэрѣ величайшій типъ философа; онъ чтитъ въ немъ *героизмъ мысли*, не пугающейся никакихъ выводовъ.

Исканіе смысла жизни было изначала основнымъ стремленіемъ Ницше и руководящимъ мотивомъ его философствованія. Уже самый фактъ такого исканія воздвигаетъ цѣлую пропасть между философомъ и прочими людьми, осуждаетъ его на одиночество и отшельничество. Среди людей, говоритъ онъ, необычны вопросы о томъ, „для чего я живу, какой урокъ даетъ мнѣ жизнь, какимъ образомъ я сталъ тѣмъ, что я есмь, и почему я страдаю отъ жизни". Въ жизни все направлено къ тому, чтобы отвлечь человѣка отъ этой важнѣйшей задачи въ область будничныхъ, повседневныхъ интересовъ. На вопросъ о томъ, „зачѣмъ я живу", большинство людей не обинуясь отвѣчаютъ: „для того, чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, ученымъ, государственнымъ человѣкомъ". Словомъ, люди въ огромномъ большинствѣ поглощены тѣми временными, преходящими задачами, которыя ставятъ передъ ними ихъ государство, семья, церковь, общество: вся дѣятельность ихъ направлена къ тому, чтобы заглушить въ себѣ высшее сознаніе, забыться въ погонѣ за счастіемъ и въ слѣпомъ влеченіи къ жизни, для жизни. Они прилѣпляются сердцемъ къ государству, къ деньгамъ, къ служенію наукѣ или къ обществу только для того, чтобы не обладать этимъ сознаніемъ; многіе изъ нихъ предаются тяжелой будничной работѣ—въ большей мѣрѣ,—чѣмъ это нужно для поддержанія ихъ существованія, единственно для того, чтобы не придти въ себя [1]). Исключенія изъ общаго пра-

[1]) Schopenhauer als Erzieher. B I, 430—431.

вила не составляютъ и тѣ, кому по самому свойству ихъ дѣятельности слѣдовало бы быть носителями высшаго культурнаго идеала—ученые. Ученые нашихъ дней представляютъ собою странное, парадоксальное явленіе. Ихъ алчность въ накопленіи знаній безпредѣльна; она не даетъ имъ покоя ни днемъ, ни ночью; для нихъ занятія наукой — нѣчто вродѣ работы на фабрикѣ, гдѣ малѣйшая потеря времени влечетъ за собою наказаніе; они готовы затратить цѣлую жизнь на мелкія, частныя задачи изслѣдованія. Между тѣмъ, имъ не приходитъ въ голову важнѣйшій общій вопросъ, *для чего нуженъ ихъ трудъ,* ихъ торопливость, ихъ суетливая погоня за знаніемъ, въ чемъ заключается та культура, которой должна служить ихъ наука. Отъ нихъ ускользаютъ именно тѣ наиболѣе существенные вопросы, на которые наталкиваетъ каждый шагъ научнаго изслѣдованія, *для чего, зачѣмъ, откуда?* [1]).

Для философа такое самоусыпленіе сознанія представляется невыносимымъ. Онъ хочетъ прослѣдить жизнь въ ея источникѣ и въ ея стремленіи. Но это значитъ для него—страдать отъ жизни. Въ мірѣ становящемся, въ потокѣ безпрерывно мѣняющихся явленій все пусто, обманчиво и плоско, все достойно нашего презрѣнія. Разгадка той тайны, которую стремится познать философъ, лежитъ не въ этой области измѣнчиваго и движущагося, а *въ бытіи вѣчномъ, непреходящемъ, не могущемъ быть иначе* [2]).

Въ философскомъ созерцаніи человѣкъ возвышается надъ временемъ; только въ такомъ созерцаніи жизнь пріобрѣтаетъ смыслъ и цѣну. Тотъ, кто связываетъ свое существованіе съ какой-либо временной и преходящей цѣлью, кто хочетъ быть моментомъ въ развитіи какого-либо человѣческаго общества, государства или науки и желаетъ такимъ образомъ всецѣло принадлежать къ области преходящаго, тотъ не понялъ урока, преподаннаго жизнью и долженъ учиться отъ нея сызнова [3]).

---

[1]) David Strauss, der Bekenner und der Schriftsteller. B. I, 229—231.

[2]) Schopenhauer als Erzieher. B. I, 430—431.

[3]) Ibid.

На этой ступени своего развитія философія Ницше проявляется прежде всего какъ *исканіе безусловнаго*: „всякое существованіе,—говоритъ онъ,—которое можетъ быть отрицаемо, по тому самому заслуживаетъ отрицанія. Быть правдивымъ—значитъ вѣрить въ такое существованіе, которое вообще не можетъ быть отрицаемо, которое само истинно и не имѣетъ въ себѣ лжи". Поэтому человѣкъ правдивый сознаетъ смыслъ своей дѣятельности какъ смыслъ метафизическій, который находитъ себѣ объясненіе въ законахъ высшей жизни. Здѣсь философское созерцаніе уже перестаетъ быть отрицаніемъ и обращается въ утвержденіе [1]). Истинный философъ отрицаетъ будничные интересы, которыми живутъ прочіе люди, потому что онъ утверждаетъ высшія цѣли человѣческой жизни: онъ осуждаетъ окружающую дѣйствительность, отрицательно относится ко всему, что протекаетъ во времени, потому что истинный смыслъ существованія для него—внѣ времени, въ томъ, что пребываетъ вѣчно [2]).

Иначе говоря, отрицательное отношеніе философа къ окружающей дѣйствительности обусловливается тѣмъ, что онъ стоитъ на *сверхъисторической точкѣ зрѣнія:* онъ ждетъ спасенія человѣка не отъ процесса, а отъ того, что пребываетъ внѣ процесса; для него міръ завершенъ и законченъ въ каждый данный моментъ своего существованія, прошедшее тождественно съ настоящимъ; ибо во всѣ вѣка существованія вселенной въ разнообразіи ея явленій воплощаются одни и тѣ же вѣчные, непреходящіе типы: процессъ не въ состояніи создать ничего новаго; міръ остается всегда одинаковымъ въ своей цѣнности и въ своемъ значеніи [3]).

Такая сверхъисторическая точка зрѣнія представляется чуждою массѣ людей; понятно, что въ глазахъ толпы вся дѣятельность философа—сплошное разрушеніе, нарушеніе

---

[1]) Ibid., 428.

[2]) Richard Wagner in Bayreuth. B. I, 514.

[3]) Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben. B. I, 291—292.

всѣхъ законовъ общепринятаго. На самомъ дѣлѣ, однако, она есть созиданіе новыхъ, достойныхъ человѣка условій существованія. Передъ философомъ ставится задача двоякаго рода—теоретическая и практическая: онъ долженъ познавать вселенную въ ея непреходящихъ формахъ, въ ея вѣчной сущности; по разрѣшеніи этой теоретической задачи, онъ долженъ съ безудержной отвагой работать надъ улучшеніемъ измѣнчивой дѣйствительности [1]).

Иными словами, задача философа заключается въ томъ, чтобы самому прозрѣть и внести смыслъ въ окружающее, освободить себя и другихъ отъ безсмысленнаго животнаго хотѣнья. Жизнь большинства людей есть продолженіе животной жизни. Тѣ люди, которые находятся во власти стаднаго инстинкта и живутъ, не отдавая себѣ отчета въ цѣляхъ своего существованія, еще не поднялись надъ уровнемъ животнаго міра. „Пока человѣкъ ищетъ въ жизни счастія, онъ еще не возвысился надъ кругозоромъ животнаго; вся разница въ томъ, что онъ съ большимъ сознаніемъ хочетъ того, чего животное ищетъ въ слѣпомъ стремленіи". Массовыя движенія людей, основаніе ими городовъ и государствъ, ихъ войны, накопленіе и расточеніе богатствъ, побѣдные клики и мольбы о помощи, все это — продолженіе животнаго въ человѣкѣ [2]). Цѣль истинной культуры именно въ томъ и заключается, чтобы замѣнить это слѣпое стремленіе сознательной волей философа [3]).

Философъ олицетворяетъ собою типъ истиннаго человѣка, *переставшаго быть животнымъ* (Nicht-mehr Thier). Онъ—та высшая ступень бытія, къ которой стремится исторія, которой безсознательно ищетъ природа въ своемъ слѣпомъ хотѣніи. Въ погонѣ за призрачными, суетными цѣлями міръ животный безпрерывно страдаетъ. Чтобы притупить жало страданія, надо освободиться отъ суеты животнаго суще-

---

[1]) Richard Wagner in Bayreuth. B. I, 514.

[2]) Schopenhauer als Erzieher. B. I, 435—436; Vom Nutzen und Nachtheil der Historie. B. I, 285.

[3]) Schopenhauer als Erzieher. B. I, 445—446.

ствованія; а для этого надо прозрѣть, придти къ ясному сознанію. Вотъ почему вся природа жаждетъ просвѣтлѣнія; вотъ почему она безсознательно тяготѣетъ къ человѣку, стремится произвести изъ себя типъ истиннаго, сознательнаго человѣка. Лучшіе представители человѣческаго рода—великіе художники, философы и святые озаряютъ темную глубину природы яркимъ свѣтомъ сознанія. Вотъ почему они олицетворяютъ собою тайную надежду всей твари: ихъ появленіе—какъ бы радостный скачокъ природы, осмыслившей себя и достигшей своей цѣли [1]).

Этимъ опредѣляются задачи истинной культуры. Смыслъ исторіи человѣчества—не въ довольствѣ массъ, не въ счастіи всѣхъ или большинства человѣческаго рода, а въ тѣхъ геніальныхъ, „сверхъисторическихъ“ личностяхъ, которыя составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Цѣль исторіи заключается не въ томъ, чтобы создать возможно большее количество экземпляровъ человѣка стаднаго, ходячаго, а въ томъ, чтобы произвести на свѣтъ великихъ художниковъ, философовъ и святыхъ. Цѣль развитія человѣчества, какъ и всякаго животнаго или растительнаго вида выражается не въ массѣ, а въ тѣхъ единичныхъ экземплярахъ, которые возвышаются надъ общимъ уровнемъ, а потому знаменуютъ собою переходъ къ высшему типу. Массы заслуживаютъ вниманія въ троякомъ отношеніи: какъ расплывчатыя копіи великихъ людей, отпечатанныя на плохой бумагѣ, стертыми клише, какъ сила, противодѣйствующая великимъ людямъ и, наконецъ, какъ орудіе великихъ людей. Обыденный человѣкъ представляетъ собою лишь стадію во всеобщемъ стремленіи къ типу *истиннаго человѣка*: онъ долженъ разсматривать себя какъ неудачную попытку природы и какъ свидѣтельство о ея высшихъ намѣреніяхъ. Онъ долженъ полагать свою цѣль въ томъ, чтобы способствовать произведенію тѣхъ великихъ личностей, которыя обладаютъ высшими человѣческими качествами—полнотою познанія любви и мо-

---

[1]) Schopenhauer als Erzieher, 434, 438.

гущества [1]). Появленіе великаго философа на землѣ имѣетъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ существованіе того или другого университета или государства [2]), ибо въ немъ достигается высочайшая цѣль — искупленіе и очеловѣченіе природы [3]).

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе Ницше въ первый періодъ его философскаго творчества. Нетрудно убѣдиться, что въ основѣ этого міросозерцанія лежитъ глубокое противорѣчіе: въ немъ сочетаются двѣ непримиримыя крайности—пессимизмъ и оптимистическая вѣра въ смыслъ жизни, въ высшее назначеніе человѣка. Съ одной стороны Ницше проникнутъ сознаніемъ безцѣльности бытія, безсмыслицы мірового процесса: „въ безконечномъ времени и въ безконечномъ пространствѣ, — говоритъ онъ, — нѣтъ никакихъ цѣлей“ [4]). Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, „нельзя доказать ни метафизической, ни нравственной, ни эстетической цѣнности существованія“ [5]). Съ другой стороны — великій человѣкъ для него — цѣль природы и цѣль историческаго развитія человѣчества; произведеніе великихъ людей есть *тайное намѣреніе* природы. Съ одной стороны цѣль, съ точки зрѣнія Ницше, есть нѣчто чуждое природѣ, вымышленное человѣкомъ, результатъ его субъективнаго творчества; съ другой стороны великій человѣкъ есть какъ бы завершеніе цѣлесообразнаго процесса развитія, высшая ступень въ объективномъ царствѣ цѣлей.

Съ этимъ связывается у Ницше противорѣчивая оцѣнка значенія индивида: съ одной стороны въ основу индивидуальнаго существованія не положено, повидимому, никакой объективной цѣли. „Если никто не сможетъ отвѣтить тебѣ на вопросъ, для чего ты существуешь?—говоритъ Ницше,— то попытайся наконецъ оправдать смыслъ твоего существо-

[1]) Ibid., 438—445; Vom Nutzen und Nachtheil der Historie. B. I, 319, 322, 364, 367.
[2]) Schopenhauer als Erzieher, 491.
[3]) Ibid., 440.
[4]) Der Philosoph. B. X, 210.
[5]) Ibid., 211.

ванія, такъ сказать a posteriori и для этого поставь себѣ задачу и цѣль, нѣкоторое „для чего“, возвышенное и благородное „для чего“. Погибни ради этой цѣли; я не знаю лучшей жизненной задачи, чѣмъ погибнуть ради чего-либо великаго, невозможнаго“ [1]). Тутъ идетъ рѣчь о цѣли чисто субъективной, вымышленной индивидомъ для собственнаго употребленія. Но спрашивается, какъ согласить такое пониманіе значенія индивида съ тѣми приведенными выше мѣстами, гдѣ о величайшихъ представителяхъ человѣческаго рода говорится какъ о спасителяхъ и искупителяхъ, олицетворяющихъ надежду всей твари? Если наши цѣли только индивидуальны, только субъективны, то какъ можно говорить объ общемъ стремленіи, объ общихъ надеждахъ и, слѣдовательно, общихъ цѣляхъ всѣхъ существъ? Какъ можетъ при этихъ условіяхъ появленіе великаго человѣка быть „радостнымъ скачкомъ природы, достигшей цѣли?“ Если, наконецъ, смыслъ существующаго—въ томъ, что пребываетъ внѣ времени, внѣ разнообразія индивидуальныхъ существъ, то какъ могутъ быть оправданы усилія индивида во времени? Возможно ли говорить хотя бы даже объ индивидуальныхъ, субъективныхъ цѣляхъ существованія, если все существующее во времени, все индивидуальное, какъ такое—безсмысленно.

Съ противорѣчивой оцѣнкой значенія индивида связана противорѣчивая оцѣнка мірового процесса. Если міръ въ каждый данный моментъ своего существованія завершенъ и законченъ, то міровой процессъ ни въ какомъ случаѣ не есть движеніе прогрессивное: процессъ въ такомъ случаѣ не только безцѣленъ въ своемъ источникѣ, но не можетъ быть оправданъ и a posteriori: нельзя внести смыслъ въ то, что по самой природѣ своей безсмысленно. Между тѣмъ задача великаго человѣка по Ницше именно и состоитъ въ томъ, чтобы *осмыслить* міровой процессъ, озарить яркимъ свѣтомъ сознанія темную глубину природы.

---

1) Vom Nutzen und Nachtheil der Historie. B. I, 366.

III.

Тѣ же противорѣчія лежатъ въ основѣ воззрѣній Ницше на искусство, высказанное въ ту же пору. Искусство является для человѣка источникомъ утѣшенія въ двоякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, въ немъ раскрывается метафизическое единство всѣхъ существъ, единство вѣчной основы мірозданія; во-вторыхъ, оно создаетъ міръ прекрасныхъ образовъ, которые отвлекаютъ человѣка отъ его страданій и заставляютъ его любить жизнь. Въ произведеніяхъ искусства мы созерцаемъ вѣчные, непреходящіе типы существующаго. Въ страданіяхъ и радостяхъ отдѣльнаго индивида, въ движеніяхъ его мысли и чувства искусство отмѣчаетъ *то, что типично*, тѣ вѣчныя проявленія жизни, которыя общи данному индивиду съ другими индивидами того же рода. Страданія и радости какого-нибудь трагическаго героя, напримѣръ Гамлета, переживаютъ самого Гамлета, потому что въ нихъ выражается *общая міровая жизнь*, нѣчто такое, что живетъ во всѣхъ людяхъ и пребываетъ въ рядѣ смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Въ эстетическомъ созерцаніи мы ощущаемъ чужія волненія, чужія страданія и радости какъ свои собственныя; мы проникаемся чувствомъ солидарности съ героемъ какого-либо романа или трагедіи, потому что мы чувствуемъ, что въ насъ и въ немъ проявляется одна и та же сущность, единый источникъ міровой жизни, который во всѣхъ отдѣльныхъ индивидахъ страдаетъ и радуется. Въ этомъ заключается тайна того наслажденія, которое доставляетъ намъ трагедія. Трагедія кончается обыкновенно смертью героя; и тѣмъ не менѣе мы выносимъ изъ нея отрадное чувство примиренія и успокоенія: мы чувствуемъ, что то, что умерло въ героѣ, продолжаетъ жить въ насъ: мы проникаемся сознаніемъ вѣчной жизни, которая безпрестанно торжествуетъ надъ смертью и послѣ гибели одного индивида обновляется, воскресаетъ въ другихъ. „Метафизическое утѣшеніе всякой истинной трагедіи,—говоритъ Ницше,—заключается въ томъ, что, вопреки безпре-

рывной смѣнѣ явленій, міровая жизнь несокрушимо могущественна и радостна“ [1]). Трагедія возвышаетъ насъ надъ нашей личностью, надо всѣмъ, что преходяще и ограничено: тѣмъ самымъ она побѣждаетъ присущій индивиду страхъ времени и страхъ смерти [2]). Такое значеніе трагедіи какъ нельзя лучше сознавалось древними греками: для нихъ духъ трагедіи воплощался въ образѣ бога Діонисія-Вакха, вѣчно умирающаго и вѣчно воскресающаго. Представленіе о единствѣ и вѣчности міровой жизни, первоначально выразившееся въ торжествахъ Діонисія, впослѣдствіи залегло въ основу всѣхъ греческихъ трагедій, какъ общая ихъ сущность.

Этотъ діонисіевскій мотивъ, однако, не исчерпываетъ собою содержанія искусства вообще и греческаго искусства въ частности. Въ искусствѣ мы не только прозрѣваемъ тайну единства міровой сущности: мы радуемся тому безконечному разнообразію индивидуальныхъ формъ, конкретныхъ образовъ, въ которыхъ эта сущность воплощается. Въ волнахъ безконечной міровой жизни отдѣльные индивиды безпрестанно нарождаются и исчезаютъ. Жизнь каждаго изъ насъ—преходящій мигъ; надъ нами тяготѣетъ трагическій рокъ смерти; по сравненію съ міровою жизнью наше существованіе — призракъ, обманчивое сновидѣніе. Истинно существуетъ не индивидуальное, а только единое и безконечное. И тѣмъ не менѣе искусство заставляетъ радоваться нашему существованію, желать его продолженія. Какъ объяснить это магическое дѣйствіе искусства?

Нѣчто подобное бываетъ съ нами во снѣ: во снѣ мы нерѣдко сознаемъ, что грезимъ, но не хотимъ проснуться, потому что сонъ прекрасенъ. Таково же дѣйствіе на насъ искусства: оно создаетъ для насъ міръ прекрасныхъ грезъ, чарующихъ образовъ; и мы хотимъ продолженія нашей жизни; мы не желаемъ очнуться отъ лжи нашего индиви-

---

[1]) Die Geburt der Tragödie, I, 55.

[2]) Richard Wagner in Bayreuth, B. I, 523.

дуальнаго существованія, потому что мы находимся подъ очарованіемъ. Мы какъ бы говоримъ нашей жизни: ты лжива, но мы хотимъ тебя, потому что ты прекрасна. Въ этомъ заключается тотъ мотивъ искусства, который Ницше называетъ аполлоновскимъ. Свѣтозарный Аполлонъ—богъ пѣсенъ и пляски—въ глазахъ древнихъ грековъ олицетворяетъ собою тотъ міръ прекрасныхъ грёзъ, ради котораго стóитъ жить и радоваться. Аполлонъ выражаетъ собою основную идею всего греческаго Олимпа. Въ созерцаніи прекрасныхъ боговъ древній грекъ забываетъ страданія и спасается отъ страха смерти. Безъ этихъ боговъ жизнь была бы нестерпимою. Въ глазахъ грека эти боги оправдываютъ его существованіе тѣмъ, что сами они живутъ и радуются жизни [1]). Говоря словами Ницше, сущность аполлоновской тенденціи искусства сводится къ тому, чтобы „вылгать прочь страданіе изъ природы“ [2]).

Такимъ образомъ въ искусствѣ, какъ его понимаетъ Ницше, сочетаются два противоложныя, болѣе того, два противорѣчивыя стремленія. Въ трагедіи искусство разоблачаетъ ложь индивидуальнаго существованія и заставляетъ насъ радоваться самой гибели героя; въ этомъ заключается діонисіевская тенденція искусства; съ другой стороны аполлоновская тенденція искусства убаюкиваетъ насъ красивою ложью, привлекаетъ насъ чарами волшебства къ жизни обманчивой и ничтожной. Діонисіевская тенденція искусства выражается преимущественно въ музыкѣ, которая заставляетъ насъ проникать въ сокровенный мотивъ единой въ себѣ міровой воли, аполлоновская тенденція находитъ себѣ выраженіе въ пластикѣ, которая увѣковѣчиваетъ красоту разнообразныхъ явленій [3]).

Въ такомъ пониманіи искусства выразилась борьба двухъ противоположныхъ тенденцій философіи Ницше и вмѣстѣ съ тѣмъ двухъ основныхъ стремленій его существа: это—

[1]) Die Geburt der Tragödie, B. I, въ особенности стр. 31—32.
[2]) Ibid., 116.
[3]) Ibid., 116.

борьба между пессимизмомъ мыслителя и оптимистическими грезами поэта, между философскимъ отрицаніемъ смысла жизни и стремленіемъ оправдать ее хотя бы „какъ эстетическій феноменъ“.

Вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ Ницше видѣлъ высшее выраженіе искусства въ музыкѣ; ибо въ музыкѣ мы отвлекаемся отъ всякаго внѣшняго образа, поднимаемся надъ областью призрачныхъ явленій, чтобы созерцать единую сущность міровой воли, внимать той единой мелодіи, которая звучитъ во всемъ. Высшимъ же воплощеніемъ музыки были для Ницше до 1876 года творенія Вагнера. Во всемъ существующемъ, говоритъ онъ, Вагнеръ подмѣтилъ единую міровую жизнь: у него все говоритъ и нѣтъ ничего нѣмого. „Проникнувъ въ тайну утренней зари, облаковъ и лѣса, горныхъ вершинъ и бездны, ночного мрака и луннаго сіянія, онъ во всѣхъ этихъ явленіяхъ подмѣтилъ ихъ общее желаніе: они такъ же, какъ и мы, хотятъ выразиться въ звукѣ. Если философъ (Шопенгауэръ) говоритъ, что существуетъ единая міровая воля, которая стремится къ бытію въ одушевленной и неодушевленной природѣ, то музыкантъ къ этому прибавляетъ: и эта воля на всѣхъ ступеняхъ своего бытія хочетъ вылиться въ звукѣ“ [1]).

Въ музыкѣ Вагнера для Ницше открывалась тайна бытія, и все существующее озарялось высшимъ смысломъ. Понятно, что должна была значить для него утрата этой музыки, и что онъ долженъ былъ почувствовать, когда въ 1876 году она перестала его радовать. То было впечатлѣніе ужаса; разочарованіе въ Вагнерѣ было для Ницше вмѣстѣ съ тѣмъ и разочарованіемъ въ самомъ себѣ, во всемъ томъ, что было до того времени его завѣтною мечтою [2]). Впослѣдствіи онъ видѣлъ въ разрывѣ съ Вагнеромъ начало своего выздоровленія. „Вагнеръ,—говоритъ онъ,—былъ моею болѣзнью“; насколько болѣзнь была серьезною, видно изъ того, что

[1]) Richard Wagner in Bayreuth, B. I, 567.

[2]) Der Wille zur Macht, § 460, B. XV, 469; Der Fall Wagner, Vorwort, B. VIII, 1.

Ницше признаетъ выздоровленіе отъ нея „величайшимъ событіемъ своей жизни“ [1]).

Съ этого момента наступаетъ переломъ въ философскомъ міросозерцаніи Ницше. Разочаровавшись въ Вагнерѣ, онъ почувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ Шопенгауэру, который дотолѣ былъ главнымъ его наставникомъ въ философіи [2]). Причина этого перелома коренится въ недостаткахъ и противорѣчіяхъ той первоначальной точки зрѣнія нашего философа, съ которой мы только что познакомились. Эта точка зрѣнія выражаетъ собою переходное состояніе мысли, еще не вполнѣ опредѣлившейся и колеблющейся. Ницше не могъ долго оставаться при той двойственной оцѣнкѣ значенія мірового процесса и значенія индивида, которая была имъ дана въ статьѣ „Шопенгауэръ какъ воспитатель“ и въ другихъ произведеніяхъ той же эпохи. Его колебанія по вопросу о цѣлесообразности міровой эволюціи разрѣшились въ смыслѣ болѣе яснаго и болѣе рѣшительнаго отрицанія какихъ бы то ни было объективныхъ цѣлей въ мірѣ, хотя въ мысли его, какъ мы увидимъ, сохранились слѣды противорѣчиваго отношенія къ телеологіи. Съ ученіемъ Шопенгауэра онъ разстался потому, что оно не могло дать отвѣта на вопросъ о смыслѣ жизни индивида, т.-е. именно на тотъ вопросъ, который съ самаго начала былъ для него центральнымъ. Въ философіи Ницше искалъ прежде всего оправданія индивида, его дѣятельнаго участія въ міровомъ процессѣ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія Шопенгауэра, все индивидуальное вообще и всякій процессъ вообще есть ложь, нѣчто существовать не долженствующее и подлежащее упраздненію. Разочаровавшись въ Шопенгауэрѣ, Ницше почувствовалъ шаткость того „метафизическаго утѣшенія“, которое онъ дотолѣ искалъ въ философіи и въ искусствѣ. Если философія и искусство свидѣтельствуютъ только о безсодержательности и пустотѣ индиви-

---

[1]) Der Fall Wagner, Vorwort, B. VIII, 2.

[2]) Der Wille zur Macht, § 460, B. XV, 470.

дуальнаго существованія, если они осуждаютъ нашу жизнь, какъ ложь, то они не могутъ послужить для насъ источникомъ утѣшенія. Главный упрекъ Ницше музыкѣ Вагнера вскорѣ послѣ разочарованія въ ней сводится къ слѣдующему: это „искусство, которое отрицаетъ гармонію существованія и видитъ ее за предѣлами міра“ [1]), т.-е. въ той таинственной области „вещи въ себѣ“, гдѣ все существующее сливается въ безразличное единство; тамъ нѣтъ мѣста для разнообразія и множества индивидуальныхъ существъ.

Чтобы отогнать отъ насъ страданія и вдохнуть въ насъ бодрость, нужны иныя мысли и иныя пѣсни.

IV.

Ницше въ процессѣ философскаго исканія.

Съ 1876 года открывается для Ницше періодъ новыхъ странствованій мысли. Мы видимъ его снова въ поискахъ за идеаломъ „истиннаго человѣка“, за такимъ содержаніемъ, которое бы наполнило смысломъ его существованіе. На пути онъ испытываетъ радости творчества. Но эти преходящія радости не заглушаютъ въ немъ тревоги и тоски по безконечному.

„Однажды,—говоритъ онъ,—странникъ захлопнулъ за собою дверь, остановился и заплакалъ. Потомъ онъ сказалъ самому себѣ: эта жажда истиннаго, дѣйствительнаго, подлиннаго и достовѣрнаго! Какъ я на нее золъ! Почему меня преслѣдуетъ именно этотъ мрачный и страстный гонитель! Я жажду успокоенія, но онъ этого не допускаетъ. Сколь многое въ жизни влечетъ меня къ отдыху! Всюду ожидаютъ меня на пути сады Армиды, стало быть новыя муки разставанія и новыя горечи сердца. Я долженъ снова напрягать мою усталую, израненную ногу. И, такъ какъ я вѣчно долженъ идти далѣе, я часто злобно оглядываюсь на прекраснѣйшее изъ того, что меня не удержало, потому что оно не могло меня приковать“ [2]).

[1]) Aus der Zeit des Menschlichen, Allzumenschlichen, B. XI, 85.

[2]) Die fröhliche Wissenschaft, § 309, B. V, 237.

Въ процессѣ исканія истины мыслитель отрѣшается отъ всего обычнаго и общепринятаго, отъ всего, что ограничиваетъ и сковываетъ мысль. Передъ нимъ открывается широкій горизонтъ, безконечный путь странствованія. Эта безконечность внушаетъ ему радость и страхъ, влечетъ его къ себѣ, какъ неразгаданная тайна, и давитъ неизвѣстностью. Это тѣ самыя чувства, которыя испытываетъ путникъ въ океанѣ. „Мы покинули сушу и сѣли на корабль. Мостикъ снятъ, и мы оттолкнулись отъ берега. Теперь, корабль, устреми взоръ твой въ даль. Вокругъ тебя—океанъ. Правда, онъ не всегда бушуетъ и подчасъ покоится словно въ прекрасномъ сновидѣніи—въ шелку и въ золотѣ. Но придетъ часъ, и ты поймешь, что нѣтъ ничего страшнѣе безконечности. Горе той несчастной птицѣ, которая почувствовала себя свободною, чтобы затѣмъ снова наткнуться на стѣны своей клѣтки! Горе тебѣ, если среди океана на тебя нападетъ тоска по берегу, какъ будто тамъ больше свободы, а берега нѣтъ болѣе“ [1]).

То, что описываетъ здѣсь Ницше, неизбѣжно для всякаго, кто вкусилъ прелестей свободной мысли. Мы всего мучительнѣе чувствуемъ нашу человѣческую ограниченность именно въ тотъ моментъ, когда, порвавши съ традиціонными воззрѣніями, становимся лицомъ къ лицу съ бездною, измѣряемъ взоромъ предстоящую намъ безконечную задачу изслѣдованія. И тоска по берегу заставляетъ многихъ возвратиться вспять къ пережитому. Не останавливаются только безстрашные и сильные, тѣ, кого не пугаютъ бури, опасности одинокаго странствованія.

Тревоженъ и труденъ путь мыслителя; великаго можетъ достигнуть только тотъ, кто способенъ перенести сильныя страданія. Въ большинствѣ людей страданія убиваютъ энергію. „Въ страданіи,—говоритъ Ницше,—я какъ бы слышу команду капитана—убрать паруса!“ Есть минуты, когда страданіе подаетъ намъ сигналъ о приближающейся бурѣ;

---

[1]) Ibid., § 124; B. V, 162.

въ эти минуты мы должны умѣть жить съ уменьшенной энергіей, плыть со спущенными парусами. Есть однако люди, которымъ въ страданіи слышится противоположная команда, въ коихъ именно приближеніе бури вызываетъ приливъ гордости, избытокъ воинственной энергіи и счастія. Въ страданіи они переживаютъ величайшія свои минуты. Это—героическія личности, великіе мучители человѣчества, тѣ немногіе, рѣдкіе люди, которые являютъ въ своемъ лицѣ какъ бы апологію страданія [1]).

Только тому, кто извѣдалъ величайшія муки, открываются высшія радости, восторги вдохновенія. Въ автобіографическихъ замѣткахъ Ницше имѣется краснорѣчивое описаніе того восторженнаго состоянія, которое онъ пережилъ, создавая своего „Заратустру“, то изъ его произведеній, которое самъ онъ считалъ наилучшимъ. Это, по его словамъ, въ полномъ смыслѣ слова переживаніе какого-то внутренняго откровенія: „вдругъ съ необычайной силой и ясностью для васъ становится видимымъ и осязаемымъ нѣчто такое, что васъ захватываетъ и переворачиваетъ всю глубину вашего существа“. „Вы уже не ищете, а только слушаете; вы берете не спрашивая, кто вамъ даетъ. Мысль сверкаетъ, какъ молнія, сразу отливаясь въ необходимыя для нея формы; мнѣ никогда не приходилось задумываться надъ выборомъ. Это состояніе восторга, коего невѣроятное напряженіе иногда разрѣшается потоками слезъ“ [2]). Такія минуты, однако, составляютъ рѣдкое исключеніе даже въ жизни избранныхъ душъ, людей исключительно одаренныхъ. Тотъ типъ человѣка, для котораго высшее настроеніе является постояннымъ состояніемъ, въ настоящее время отсутствуетъ и можетъ народиться только въ будущемъ. „Для такихъ людей,—говоритъ Ницше,—вся жизнь превратится въ непрестанное движеніе между высотой и глубиной и будетъ непрестаннымъ ощущеніемъ высоты и глубины: они будутъ

---

[1]) Ibid., § 318, B. V, 242—243.

[2]) См. статью г-жи Förster Nietzsche (Nietzsch's Werke), B. VI, 482—483.

испытывать чувство непрерывнаго восхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ словно покоиться на облакахъ“ [1]).

Во всемъ, что пишетъ Ницше, насъ поражаетъ его пылкій темпераментъ, необыкновенная сила жизни, бьющей ключомъ. И страданіе, и радость ощущаются имъ съ удвоенной энергіей [2]). Къ жизни онъ предъявляетъ такія повышенныя требованія, которыхъ ничто не въ состояніи удовлетворить. Его страсть къ познанію переходитъ въ алчность. Самъ онъ говоритъ о себѣ, что у него—ненасытная душа, „которая хочетъ всѣмъ обладать, смотрѣть глазами множества индивидовъ и схватывать ихъ руками какъ своими собственными, простирать свое господство даже на времена прошедшія; она ничего не желаетъ утратить изъ того, что только можетъ ей принадлежать. О пламя моей алчности! О если бы я могъ возродиться въ сотняхъ существъ! Кто на собственномъ опытѣ не испыталъ силы этого вздоха, тотъ не знаетъ, что такое страсть къ познанію!“ [3]).

Оборотную сторону этой жажды жизни и познанія составляетъ вѣчная неудовлетворенность. Преходящія радости творчества появляются и исчезаютъ какъ молніи, и въ этомъ непрестанномъ горѣніи жизни философъ не можетъ найти ни спокойствія, ни прочнаго счастія. Сквозь жизнерадостность Ницше просвѣчиваетъ глубокая грусть, которая составляетъ основу его настроенія. Уже въ 1874 году онъ повторяетъ за Шопенгауэромъ: „счастіе въ жизни невозможно; высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, есть существованіе, преисполненное героизма“ [4]). Въ ту пору музыка скрашиваетъ для Ницше страданія жизни и служитъ для него источникомъ утѣшенія. Впослѣдствіи, черезъ пять лѣтъ послѣ разочарованія въ Вагнерѣ, онъ пишетъ: „вели-

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 288, B. V, 217—218.

[2]) Объ этой его чертѣ ср. біографію, составленную его сестрой: Elisabeth Förster-Nietzsche, B. II, 47.

[3]) Die fröhliche Wissenschaft, § 249, B. V, 201.

[4]) Schopenhauer als Erzieher, B. I, 429.

чайшій музыкантъ для меня—тотъ, кто знаетъ одну только грусть,—грусть высочайшаго счастія; такихъ музыкантовъ доселѣ еще не рождалось“ [1]).

Отдѣльныя минуты счастія не уничтожаютъ той глубокой скорби, которая составляетъ самую основу нашего существованія. Отсюда—своеобразное отношеніе избранныхъ личностей къ счастію. „Люди глубокой грусти выдаютъ себя въ счастіи. Они относятся къ нему такъ, какъ будто они хотѣли бы его задавить и задушить—изъ ревности: они слишкомъ хорошо знаютъ, что оно вскорѣ имъ измѣнитъ“ [2]).

Въ непостоянствѣ счастія выражается общая печать всего того, что во времени: все въ мірѣ—процессъ, все въ немъ течетъ, и ничто не пребываетъ. Наше несчастіе коренится въ несоотвѣтствіи нашей воли съ условіями нашего существованія. Наша жизнь достигаетъ высшаго своего выраженія въ нашемъ стремленіи — *запечатлѣть характеръ постоянства во всеобщемъ теченіи вещей, сохранить бытіе* въ потокѣ явленій [3]). Но мы безсильны остановить время и въ этомъ—источникъ нашихъ страданій. „Я далъ имя моему страданію,—говоритъ Ницше,—и называю его собакою: оно такъ же вѣрно, такъ же неотвязчиво, безстыдно, умно и такъ же развлекаетъ, какъ и всякая другая собака. Я могу господствовать надъ нимъ и изливать на него мою досаду: это то самое, что другіе продѣлываютъ надъ собаками, слугами и женщинами“ [4]). При невозможности достигнуть счастія въ жизни, ея высшимъ правиломъ долженъ быть героизмъ личности, идущей наперекоръ высшему своему страданію и высшей своей надеждѣ [5]). При этомъ, печать истиннаго величія заключается не въ той способности переносить страданія, которая доведена до совершенства даже у женщинъ и рабовъ, а въ томъ, чтобы не поглощаться имъ, не

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 183, B. V, 188.
[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 279, B. VII, 262--263.
[3]) Der Wille zur Macht, § 286, B. XV, 296.
[4]) Die fröhliche Wissenschaft, § 312, B. V, 239—240.
[5]) Ibid., § 268, 204.

уничтожаться въ немъ [1]). Этотъ подвигъ въ особенности труденъ для тѣхъ немногихъ, которые отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что они переживаютъ, а потому обладаютъ утонченною чувствительностью ко всякимъ уколамъ жизни.

Большинство людей проносится черезъ жизнь въ какомъ-то опьянѣніи и словно мчится внизъ по лѣстницѣ, безпрестанно спотыкаясь и падая. „Благодаря вашему опьянѣнію,—говоритъ Ницше,—вы при этомъ не ломаете себѣ членовъ: ваши мускулы такъ вялы и ваше сознаніе настолько помрачено, что вы не чувствуете, подобно намъ, всей жесткости этихъ каменныхъ ступеней. Для насъ жизнь представляетъ большую опасность: мы сдѣланы изъ стекла; горе намъ, когда мы стукаемся, и все для насъ пропало, когда мы падаемъ“ [2]). Съ этой точки зрѣнія Ницше понимаетъ прелесть того добровольнаго ослѣпленія, которое подчасъ удерживаетъ насъ отъ заглядыванія въ будущее. Объ этомъ говоритъ слѣдующій его афоризмъ: „мои мысли, — сказалъ странникъ своей тѣни,—должны показывать мнѣ, гдѣ я стою; но онѣ не должны проговариваться о томъ, куда я иду. Я люблю неизвѣстность будущаго и не хочу страдать отъ нетерпѣнія и отъ предвкушенія вещей обѣтованныхъ“ [3]).

Всего тяжелѣе для мыслителя тѣ минуты, когда онъ готовъ утратить вѣру въ себя, когда на него нападаетъ сомнѣніе въ той истинѣ, которую онъ ищетъ, въ предметѣ его исканія и въ цѣли его жизни. У Ницше есть прекрасный афоризмъ—одинъ изъ перловъ его поэтическаго творчества, гдѣ онъ сравниваетъ высшее стремленіе своей и всякой вообще человѣческой жизни съ безсмысленной игрою морскихъ волнъ.

„Съ какою яростью катится эта волна: словно она надѣется чего-то достигнуть! Съ какою ужасающей поспѣшностью она вползаетъ въ каждую расщелину прибрежныхъ скалъ, точно хочетъ кого-то предупредить, точно тамъ со-

---

[1]) Ibib., § 325, 245—246.
[2]) Ibid., § 153, 181.
[3]) Die fröhliche Wissenschaft, § 287, B. V, 217.

крыто что-то цѣнное, очень цѣнное. Вотъ она возвращается назадъ нѣсколько медленнѣе, но все еще пѣнясь отъ возбужденія. Постигло ли ее разочарованіе? Нашла ли она то, чего искала? Или она только прикидывается разочарованною? Но вотъ приближается другая волна, еще страшнѣе и яростнѣе первой; она также, повидимому, преисполнена тайнами и страстью исканія сокровищъ. Такъ живутъ волны и такъ живемъ мы, хотящіе, — къ этому мнѣ нечего прибавить. Такъ ли? Вы мнѣ не довѣряете? Вы сердитесь, прекрасныя чудовища! Боитесь ли вы, что я выдамъ вашу тайну? Пусть же! Сердитесь на меня, поднимайте ваши зеленыя и страшныя громады такъ высоко, какъ вы можете; воздвигните стѣну между мною и солнцемъ, вотъ такъ, какъ теперь. Вотъ уже весь міръ утопаетъ въ зеленомъ мерцаніи и въ зеленыхъ молніяхъ. Продолжайте сколько угодно, вы гордыя, ревите страстью и злобою, погружайтесь снова въ глубину, разсыпайте вашъ изумрудъ въ бездну, перебрасывайте безъ конца брызги и всклоченную пѣну; для меня все хорошо, ибо всячески вы хороши, и все меня къ вамъ располагаетъ. И какъ мнѣ выдать вашу тайну! Ибо, слушайте меня внимательно, — я знаю васъ и вашу тайну, я знаю вашъ родъ. Вы и я принадлежимъ къ одному и тому же роду; у васъ и у меня—одна общая тайна“ [1]).

При чтеніи этого афоризма невольно возникаетъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ, столь яркими красками изобразившій безплодность всякаго исканія, вѣрить въ собственную свою жизненную задачу и въ истину своего ученія? Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Ницше — слишкомъ сложная природа, и въ душѣ его сталкиваются противоположныя стремленія. Пламенная вѣра въ себя и въ то новое слово, которое онъ призванъ сказать человѣчеству, воодушевляетъ его въ минуты его творчества и даетъ ему силу жить; но эта вѣра безпрестанно сталкивается въ немъ съ мучительными

---

[1]) Ibid., § 310, B. V, 237—238.

сомнѣніями. Рядомъ съ текстами, свидѣтельствующими о силѣ его вѣры въ разумъ, въ его сочиненіяхъ попадаются и такіе, гдѣ онъ глумится надъ разумомъ. Въ пылу полемики противъ современныхъ идоловъ на него вдругъ нападаетъ сомнѣніе въ собственномъ отрицаніи, онъ останавливается и спрашиваетъ себя: да не есть ли и моя точка зрѣнія только способъ самоуспокоенія? [1]). Онъ, проповѣдникъ новаго жизненнаго идеала, минутами спрашиваетъ себя, существуетъ ли противоположность между убѣжденіемъ и ложью? [2]). Въ своемъ исканіи истиннаго и достовѣрнаго онъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, приходитъ между прочимъ къ софистическому отрицанію истиннаго и достовѣрнаго вообще. Какую цѣну можетъ имѣть при этихъ условіяхъ какое бы то ни было ученіе и учительство? Ницше прямо заявляетъ, что настоящій учитель тотъ, кто принимаетъ въ серьезъ вещи, въ томъ числѣ и самого себя только въ отношеніи къ своимъ ученикамъ [3]).

Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Ницше не даромъ признаетъ себя продолжателемъ и преемникомъ талантливѣйшаго изъ древнихъ софистовъ — Протагора [4]). Но его сомнѣнія въ самомъ себѣ коренятся въ источникѣ болѣе глубокомъ и серьезномъ, нежели софистика. Онъ обладаетъ крупнымъ, очень крупнымъ художественнымъ дарованіемъ, и иногда художникъ беретъ въ немъ верхъ надъ философомъ. Въ эти минуты онъ возвышается надъ собственнымъ ученіемъ, мучительно сознавая безсиліе всякаго слова и всякой мысли выразить ту великую тайну, которую онъ инстинктивно чувствуетъ въ нѣмомъ величіи природы и въ ея красотѣ.

Никакой переводъ не въ состояніи передать дивной прелести того описанія вечера надъ моремъ, которое мы находимъ въ его „Утренней зарѣ“. Ницше изображаетъ здѣсь картину всеобщаго молчанія природы послѣ захода солнца

---

1) Götzen-Dämmerung, Moral als Wiedernatur, § 3, B. VIII, 87.
2) Der Wille zur Macht, § 55, B. VIII, 295—296.
3) Jenseits von Gut und Böse, § 63, B. VII, 92.
4) Der Wille zur Macht, § 233, B. XV, 234.

надъ моремъ. Умолкаетъ море, сіяя бѣловатымъ отблескомъ. Молчитъ и небо, играя вѣчною игрою радужныхъ красокъ вечерней зари; молчатъ прибрежные камни и скалы, которые вдаются въ середину моря, какъ бы ища въ немъ мѣста для уединенія. Это величественное молчаніе стихій прекрасно и грозно; нѣмая красота природы словно глумится надъ мыслью и посрамляетъ слово. Тишина переполняетъ сердце: „оно съ ужасомъ воспринимаетъ откровеніе новой истины: оно также усмѣхается, когда уста что-либо изрекаютъ среди этой красоты; для него становится сладостнымъ коварство молчанія. Рѣчь и даже мысль становится мнѣ ненавистною: развѣ я не слышу въ каждомъ словѣ заблужденіе, самообольщеніе, обманъ!—О вечеръ, о море! Вы, злые учителя! Вы учите человѣка, чтобы онъ пересталъ быть человѣкомъ. Долженъ ли онъ отдаться вамъ и стать подобно вамъ блѣднымъ, сіяющимъ, нѣмымъ и величественнымъ? Долженъ ли онъ найти успокоеніе надъ собою и возвыситься надъ самимъ собою?“ [1]).

Ницше какъ художникъ чувствуетъ въ красотѣ міроздания какую-то тайну, которая превышаетъ все человѣческое, изобличая въ пошлости всякое наше слово, и онъ неудовлетворенъ своими философскими произведеніями. Всякая высказанная мысль, всякое написанное слово тотчасъ утрачиваетъ для него свою прелесть, становится безжизненнымъ и вялымъ, отзывается ходячею истиною и общимъ мѣстомъ. Любопытнѣе всего, какъ онъ объясняетъ это явленіе. Наше человѣческое слово, говоритъ онъ, какъ и кисть живописца, можетъ схватывать и изображать только то, что поддается нашему изображенію. Мы вѣчно пишемъ только то, что уже начинаетъ увядать и утрачивать свой ароматъ; въ наши руки попадаются только птицы, уже утомившіяся отъ полета, тѣ, которыхъ можно ловить руками, *нашими руками*. Мы можемъ увѣковѣчивать только то, что уже не можетъ долго жить, все то, что уже стало дряб-

---

[1]) Morgenröthe, § 423, B. IV, 291—292.

лымъ и усталымъ [1]). Надъ творчествомъ Ницше тяготѣетъ то настроеніе, которое самъ онъ называетъ „меланхоліей всего законченнаго: закончивъ постройку, мы неожиданно замѣчаемъ, что научились при этомъ чему-то такому, что мы непремѣнно должны были знать еще раньше, чѣмъ приступить къ постройкѣ. Это вѣчное и нестерпимое „слишкомъ поздно“ [2]).

Сказанному о значеніи грусти какъ основѣ настроенія Ницше какъ будто противорѣчитъ тотъ фактъ, что онъ является проповѣдникомъ жизнерадостнаго настроенія; онъ хочетъ внушить читателю веселость, бодрость, и намъ еще придется посчитаться съ этой проповѣдью. Но эта „радость жизни“ въ его устахъ—скорѣе предписанье, совѣтъ самому себѣ и другимъ, нежели изображеніе дѣйствительнаго настроенія. Сквозь эту „радость жизни“ чувствуется *тоска по недосягаемому идеалу истинной жизни.* Это—веселость человѣка, который *хочетъ быть веселымъ,* чтобы скрыть отъ себя и отъ другихъ глубочайшую тайну своихъ страданій. Это—комедія, которую трудно выдерживать въ теченіе цѣлой жизни, и Ницше въ концѣ концовъ выдаетъ себя. Есть, говоритъ онъ, „веселые люди“, которые пользуются веселостью, чтобы ввести въ заблужденіе другихъ: они не хотятъ быть понятыми. Въ этихъ случаяхъ веселость есть маска, и „другіе“ должны избѣгать нескромнаго любопытства, уважать „чужую маску“ [3]). Все глубокое чуждается нескромныхъ взоровъ и „любитъ маску“ [4]). „Всякій глубокій мыслитель,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—больше опасается быть понятымъ, чѣмъ непонятымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, страдаетъ его тщеславіе, а въ первомъ—его сочувствіе къ другимъ, которое всегда говоритъ: „ахъ, зачѣмъ вамъ терпѣть то, что я перетерпѣлъ!“ [5]) Вотъ

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 294, B. VII, 274.
[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 277, B. VII, 262.
[3]) Ibid., § 270, стр. 259.
[4]) Ibid., § 40, стр. 61.
[5]) Ibid., § 290, стр. 268.

почему въ самомъ процессѣ писанія Ницше видитъ способъ сокрытія своей сущности, ту „маску", въ которой онъ усматриваетъ необходимую принадлежность всякой философіи [1]). Насъ, конечно, всего больше интересуетъ не маска Ницше, а именно то, что онъ ею прикрываетъ: это—тотъ образъ странника, безпріютнаго скитальца мысли, который обошелъ вселенную, не нашелъ того, что онъ искалъ, и не имѣетъ, гдѣ преклонить голову. Въ этомъ образѣ, который безпрестанно возвращается въ его сочиненіяхъ, нетрудно узнать самого Ницше.

„Странникъ, кто ты таковъ?! Я вижу тебя свершающимъ путь безъ презрѣнія, безъ любви; съ неразгаданнымъ взоромъ, грустнымъ и влажнымъ, ты подобенъ свинцовому грузу, вновь вынырнувшему на свѣтъ изъ глубины. Чего искалъ ты тамъ, ненасытный? Я вижу грудь твою, которая не вздыхаетъ, твои уста, скрывающія отвращеніе, и руку, медленно схватывающую. Кто ты таковъ и что ты дѣлалъ? Успокойся здѣсь! Это мѣсто для всѣхъ гостепріимно. Отдохни и, кто бы ты ни былъ, скажи, чего ты теперь желаешь; чего тебѣ нужно для отдыха? Ты только назови, я предлагаю тебѣ все, что я имѣю. „Для отдыха, для отдыха?! Какое слово сказалъ ты, любопытный! Но дай мнѣ, однако, прошу тебя..." „Чего, чего, говори же наконецъ!" „Маску, другую маску" [2])".

V.

Маска въ глазахъ Ницше выражаетъ собою потребность въ уединеніи, присущую истинному философу: онъ хочетъ остаться одинъ съ своей думой и цѣнитъ маску именно потому, что она разъединяетъ, устанавливаетъ разстояніе [3]) между нимъ и ближнимъ. Что можетъ дать ему ближній со своимъ страданіемъ: что толку въ состраданіи тѣхъ, которые сами страждутъ? [4]) Въ концѣ концовъ всѣ люди за-

[1]) Ibid., §§ 40, 289, стр. 61—62, 268.
[2]) Ibid., § 278, стр. 262.
[3]) Ibid., § 270, стр. 258—259.
[4]) Jenseits von Gut und Böse, § 273, B. VII, 270.

ражены немощью всеобщей суеты, а потому участіе ихъ можетъ не облегчить, а только усугубить муку „странника". Уединеніе, учитъ Заратустра, бываетъ двоякаго рода: оно есть или бѣгство больного, или бѣгство отъ больныхъ [1]). Бѣгство Ницше отъ общества было обусловлено какъ тѣмъ, что самъ онъ былъ боленъ, такъ и тѣмъ, что онъ другихъ считалъ больными. Въ процессѣ исканія истины ближній для него не помощникъ, а препятствіе или, въ лучшемъ случаѣ, „мягкое ложе"—способъ временнаго самоуспокоенія [2]). Истинный философъ рисуется Ницше въ образѣ отшельника—Заратустры, который живетъ въ пещерѣ на недоступныхъ для людей горныхъ высотахъ. Это изгнанникъ, который ни въ какомъ „отечествѣ" не чувствуетъ себя дома и любитъ какъ родину только міръ будущаго человѣчества, не „страну отцовъ", а не открытую еще „страну дѣтей" [3]). Въ „странѣ отцовъ", въ современномъ человѣчествѣ, его отталкиваетъ низменный общій уровень: „всюду,—говоритъ онъ,—я вижу низкія ворота: кто подобенъ мнѣ, тотъ можетъ пройти, но онъ долженъ вѣчно пригибаться" [4]). Массѣ его интересы безусловно чужды, а потому онъ чувствуетъ себя еще болѣе одинокимъ среди людей, чѣмъ вдали отъ нихъ: уединеніе для него—далеко не то же, что одиночество [5]).

Чуждаясь людей, философъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нуждается. Въ своемъ отношеніи къ людямъ онъ испытываетъ безпрестанное колебаніе между отвращеніемъ и влеченіемъ. Ибо все философствованіе Ницше есть, во-первыхъ, тоска по достовѣрному и истинному, которое должно наполнить жизнь содержаніемъ, а во-вторыхъ, исканіе истиннаго человѣка. Вотъ почему Заратустра не можетъ долго оставаться въ уединеніи своей пещеры. Онъ то поднимается на

---

[1]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 257.
[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 273, B. VII, 260.
[3]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 177.
[4]) Ibid., 246.
[5]) Ibid., 269.

заоблачныя горныя вершины, то спускается въ заселенныя людьми равнины и, разочарованный, вновь возвращается въ свою пещеру. Въ этихъ безпрерывныхъ восхожденіяхъ и спускахъ проходитъ вся жизнь Заратустры: его странствованія должны продолжаться безъ конца, потому что они не могутъ достигнуть цѣли. Трагизмъ его положенія заключается въ томъ, что, презирая человѣка, онъ вынужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ искать въ немъ опоры для своей надежды.

Достигнувъ высшей вершины въ своемъ странствованіи, Заратустра видитъ, что передъ нимъ внезапно разверзается бездна. Голова его кружится, и въ сердцѣ его борются два влеченія: страхъ крутизны и стремленіе вверхъ: не высота страшна, страшенъ обрывъ.

„Ахъ друзья,—говоритъ онъ,—угадываете ли вы двоякую волю моего сердца? Мой обрывъ и моя опасность заключаются въ томъ, что взоръ мой устремляется вверхъ, а рука хочетъ придерживаться и опираться на бездну.

За людей цѣпляется моя воля; я приковывалъ себя цѣпями къ людямъ, ибо я испытываю влеченіе вверхъ, къ сверхчеловѣку: туда стремится моя вторая воля. И для того я живу слѣпо среди людей, такъ, какъ будто я ихъ не знаю, чтобы рука моя не вполнѣ утратила ихъ вѣру въ незыблемое“ [1]).

Въ исканіи незыблемаго Ницше цѣпляется за человѣка; но въ жизни человѣчества, подвижной и текучей, онъ находитъ одно только незыблемое и достовѣрное—*смерть*, которая гонится за нами по пятамъ. „Со счастіемъ, смѣшаннымъ съ грустью,—говоритъ онъ,—живу я среди переполняющей улицы сумятицы человѣческихъ голосовъ и желаній: сколько въ каждую минуту дня проявляется радости, нетерпѣнія, желаній, сколько жажды жизни и опьянѣнія ею. И однако, какая тишина ждетъ въ скоромъ времени всѣхъ этихъ шумящихъ и жаждущихъ жизни! За спиною каждаго стоитъ его тѣнь, его мрачный спутникъ жизни. Все здѣсь

---

[1]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 210.

происходитъ такъ, какъ въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ корабля въ океанъ. Мы имѣемъ сообщить другъ другу больше, чѣмъ когда-либо. Океанъ, безмолвный какъ пустыня, нетерпѣливо ждетъ среди общаго шума, столь жадный и увѣренный въ своей добычѣ. И всѣ до одного думаютъ, что все бывшее доселѣ или вовсе ничтожно, или малозначительно, а ближайшее будущее есть все! Каждый хочетъ быть первымъ въ этомъ будущемъ, и, однако, смерть и спокойствіе могилы есть единственно достовѣрное и общее, что ждетъ всѣхъ. Какъ странно, что это единственно достовѣрное не оказываетъ почти никакого вліянія на людей, и мысль о томъ, что всѣ они связаны братствомъ смерти, отстоитъ отъ нихъ всего дальше. Я счастливъ видѣть, что люди вовсе не хотятъ продумывать мысли о смерти. Я охотно что-нибудь сдѣлалъ бы для того, чтобы мысль о жизни представлялась имъ еще во сто кратъ болѣе достойною мышленія“ [1]).

Обыденный человѣкъ не задумывается надъ своей кончиной, а просто-напросто отстраняетъ мысль о ней, направляя вниманіе на другіе предметы. Но для философа, который видитъ въ вопросѣ о цѣли и смыслѣ существованія основную свою задачу, мысль о смерти пріобрѣтаетъ центральное значеніе. Вся философія Ницше есть въ сущности попытка преодолѣть страхъ смерти и отвѣтить на вопросъ, стоитъ ли жить вообще. Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, какъ онъ справился съ этой задачей.

VI.

Ученіе Ницше въ послѣдней стадіи его развитія: его взглядъ на сущность мірового процесса.

Философія Ницше есть прежде всего совершенный атеизмъ; но своеобразная особенность ея заключается не въ этомъ, а въ томъ, что онъ рѣшился до конца продумать свой атеизмъ, вывести изъ него всѣ его логическія послѣдствія.

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 278, B. V, 211—212.

Онъ не принадлежитъ къ тому ходячему типу философовъ нашего времени, для которыхъ вопросы, связанные съ религіей, отпадаютъ, какъ разъ навсегда покончeнные. Напротивъ того, вопросы эти составляютъ тотъ центръ, вокругъ котораго вращается его мысль. Самая интересная сторона его философіи заключается въ томъ, *что онъ понялъ атеизмъ какъ основную проблему* всей своей жизни и мысли. Подвергнувъ критическому анализу современную культуру, умственную и нравственную жизнь современнаго человѣчества, онъ убѣдился прежде всего въ поверхностности современнаго безвѣрья: съ одной стороны современная мысль представляется по существу иррелигіозной; съ другой стороны современное человѣчество не въ состояніи отрѣшиться отъ старой традиціонной оцѣнки жизни, отъ цѣлаго ряда этическихъ формулъ, неразрывно связанныхъ съ вѣрой. Въ своемъ отрицаніи религіи нашъ вѣкъ остался на полдорогѣ: вся наша жизнь покоится попрежнему на религіозныхъ предположеніяхъ, на безсознательныхъ вѣрованіяхъ. И вотъ Ницше рѣшился прослѣдить и отвергнуть эти предположенія, выкинуть за бортъ все то, что такъ или иначе связано съ ними.

Задача ставится для него такимъ образомъ: „Богъ умеръ“, но люди продолжаютъ жить такъ, какъ будто извѣстіе о Его смерти еще не дошло до ихъ сознанія: «послѣ смерти Будды его послѣдователи въ теченіе ряда столѣтій показывали въ пещерѣ его тѣнь, огромную, страшную тѣнь. Богъ умеръ, но родъ людской таковъ, что еще, можетъ быть, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій просуществуютъ пещеры, гдѣ будетъ показываться Его тѣнь. А намъ—намъ предстоитъ еще побѣдить эту тѣнь» [1]).

Съ этой точки зрѣнія весь міръ долженъ представиться въ новомъ освѣщеніи. Послѣдовательный атеизмъ долженъ прежде всего отказаться отъ телеологіи: всякое ученіе, пытающееся объяснить развитіе природы и человѣчества съ

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 109, B. V, 147—149.

точки зрѣнія какихъ-либо конечныхъ цѣлей, должно быть отвергнуто какъ остатокъ пережитыхъ вѣрованій [1]). Понятіе цѣли есть первое, въ чемъ Ницше видитъ *тѣнь Бога*; оно не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью, а представляетъ собою всецѣло наше изобрѣтеніе.

Кто станетъ на эту точку зрѣнія, тотъ долженъ будетъ признать, что „міръ есть хаосъ". Философія нашихъ дней любитъ изображать міръ какъ „организмъ", какъ „живое цѣлое"; но такое пониманіе вселенной заключаетъ въ себѣ остатокъ представленія о ея цѣлесообразности. Гдѣ есть организмъ, тамъ есть и цѣлесообразность. Но что можетъ быть общаго между вселенной и организмомъ! Отличительная черта всего органическаго есть питаніе, ростъ и размноженіе. Но какъ можетъ вселенная расти, какъ можетъ она размножаться! По отношенію къ міровому цѣлому организмъ—нѣчто производное и позднее, случайное и рѣдкое; это—плѣснь земли, наростъ на земной корѣ; и мы хотимъ видѣть въ этомъ наростѣ сущность вселенной, нѣчто всеобщее и вѣчное?

Весь органическій міръ—не болѣе, какъ счастливая случайность, преходящее явленіе нашей земной планеты; а по отношенію къ міровому цѣлому сама наша планета и вся наша астральная система—не болѣе какъ случайность. Правильное періодическое круговращеніе свѣтилъ вовсе не есть всеобщій законъ движенія вещества: при одномъ взглядѣ на млечный путь возникаетъ вопросъ, не есть ли движеніе безпорядочное, безформенное общее правило?

Та астральная система, въ которой мы живемъ—не болѣе какъ исключеніе; между тѣмъ, она-то именно и дѣлаетъ возможнымъ нашъ органическій міръ — исключеніе изъ исключеній. Въ міровомъ процессѣ какъ цѣломъ отсутствуютъ красота, порядокъ и форма: это — процессъ безсмысленный и безумный. Говорить, что въ природѣ жизнь—существенна — значитъ неправильно уподоблять природу человѣку: природа не имѣетъ никакихъ стремленій, ника-

[1]) Götzen-Dämmerung, Die Verbesserer der Menschheit, § 1, B. VIII, 104.

кихъ идеаловъ; для нея жизнь не отличается отъ смерти; въ ней живое—не болѣе, какъ разновидность мертваго и притомъ очень рѣдкая разновидность. Не будемъ говорить о совершенствѣ природы, о ея мудрости и благости или, наоборотъ, о ея злобѣ и неразуміи. Природѣ вообще чужды наши противоположности добра и зла, разумнаго и безсмысленнаго: ей чуждо все человѣческое, и она вовсе не хочетъ подражать человѣку.

Раньше Ницше видѣлъ въ человѣкѣ конечную цѣль природы, ея надежду и спасеніе. Теперь онъ отвергаетъ эту мысль, какъ ложную попытку очеловѣчить природу, помрачить ее „тѣнью Бога“. Среди всеобщаго неустройства вселенной что такое человѣкъ съ его разумомъ? Небольшая, эксцентрическая разновидность животнаго, обреченная, какъ и все живущее, на непродолжительный срокъ существованія; жизнь этой разновидности — краткій мигъ, приключеніе земной планеты, не оставляющее въ ней сколько-нибудь замѣтнаго слѣда; сама земная планета—промежутокъ между двумя состояніями ничтожества,—событіе безъ плана, безъ разума, самосознанія и воли, проявленіе худшаго рода необходимости,—*глупой необходимости*. Напрасно было бы думать, что человѣкъ—вѣнецъ творенья: если мы скажемъ, что всѣ прочія твари стоятъ на одинаковой съ нимъ ступени совершенства, то даже и этимъ мы, пожалуй, припишемъ ему слишкомъ много; по сравненію съ другими созданіями человѣкъ — неудачнѣйшее изъ животныхъ, — самое болѣзненное, наиболѣе отклонившееся отъ своихъ инстинктовъ, хотя, быть можетъ, и самое интересное.

Человѣчество не есть усовершенствованіе природы, не есть шагъ впередъ въ ея развитіи, потому что въ мірѣ, какъ цѣломъ, нѣтъ вообще движенія впередъ, нѣтъ ни прогресса, ни регресса въ смыслѣ измѣненія къ лучшему или худшему [1]). Иллюзія мірового прогресса покоится на иллю-

[1]) См. для всего предыдущаго: Die fröhliche Wissenschaft, §§ 109, 322, 1, B. VII, 147—149, 244—235, 33—37, Der Wille zur Macht, § 14, B. VIII, 229:

зіи міровой цѣли. Наша привычка предполагать цѣль въ основѣ существующаго вѣчно заставляетъ насъ думать, что міръ близится къ какому-то состоянію совершенства, что настоящее существуетъ только для будущаго. Но если бы міръ имѣлъ какую-нибудь цѣль, она уже была бы достигнута; если бы онъ былъ способенъ къ „конечному состоянію" совершенства, оно уже давно бы наступило, ибо міровое движеніе совершалось уже въ теченіе безконечнаго времени. Самый фактъ безпрерывнаго теченія явленій доказываетъ, что міръ не имѣетъ цѣли, а слѣдовательно, не имѣетъ и конца: онъ безпрестанно умираетъ и безпрерывно нарождается, питаясь своими экскрементами; онъ вѣчно течетъ и неспособенъ застыть въ какомъ-либо состояніи; въ немъ нѣтъ ничего непреходящаго, ничего вѣчнаго, кромѣ самаго процесса безконечнаго теченія. Ошибочно было бы думать, что въ своемъ развитіи міръ не повторяется: отсутствіе повтореній предполагало бы въ міровой жизни цѣль, намѣреніе. Если бы міровой процессъ былъ процессомъ сознательнымъ, осмысленнымъ, то каждая стадія его выражала бы собою извѣстную ступень по пути къ совершенству, достигнутый результатъ, не подлежащій повторенію.

Но такъ какъ міровой процессъ вообще не есть стремленіе къ цѣли, то онъ представляетъ собою движеніе круговращательное, а не поступательное. Достигнувъ извѣстнаго предѣла въ своемъ развитіи, міръ снова возвращается къ своей исходной точкѣ. Онъ представляетъ собою картину безпрерывнаго и безконечнаго повторенія.

Здѣсь Ницше проповѣдуетъ то самое, что въ извѣстномъ романѣ Достоевскаго говоритъ чортъ, приснившійся больному Ивану Карамазову.

„Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю. Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну, отживала, леденѣла, трескалась, разсыпалась, разлагалась на составныя начала; опять вода, яже

Der Wille zur Macht, B. XV. §§ 384, 461, 173, стр. 408, 471, 174—175. Der Wille zur Macht, §§ 316, 323, B. XV, 332, 344—345.

бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая"...

Что Достоевскій изображаетъ какъ кошмарическій бредъ больного Ивана Ѳедоровича, то для Ницше носитъ на себѣ печать самой подлинной дѣйствительности. И онъ, подобно чорту Достоевскаго, учитъ, что все въ мірѣ повторяется, до черточки, и Сиріусъ, и паукъ и каждое событіе нашей жизни въ каждую данную минуту. Но въ отличіе отъ чорта Ницше не считаетъ возможнымъ называть этотъ круговоротъ жизни „скучнымъ" или „глупымъ", такъ какъ наши человѣческія понятія о разумномъ или глупомъ вообще не могутъ послужить характеристиками для мірового цѣлаго. Статья Ницше „О вѣчномъ возвращеніи вещей" была написана въ 1881 году, т.-е. тотчасъ послѣ окончанія Достоевскимъ „Братьевъ Карамазовыхъ". Совпаденіе въ мысляхъ и даже въ выраженіяхъ здѣсь, впрочемъ, случайное, такъ какъ въ то время Ницше не могъ ознакомиться съ романомъ Достоевскаго, еще не переведеннымъ на какой-либо иностранный языкъ.

Ницше пытается доказать ученіе о всеобщемъ возвращеніи. Онъ видитъ въ немъ необходимое послѣдствіе закона сохраненія энергіи. Законъ этотъ заключается въ томъ, что энергія или сила вообще не возникаетъ и не уничтожается. Міровая энергія не убываетъ и не увеличивается; слѣдовательно, она — навѣки опредѣленная, неизмѣнная и, значитъ, ограниченная величина. Но разъ міровая энергія— величина количественно опредѣленная, то самое количество ея проявленій, тѣхъ комбинацій, въ которыхъ она является, не можетъ быть безпредѣльнымъ. Если этотъ міръ представляетъ собою вообще опредѣленное количество силъ и опредѣленное количество центровъ силы, то въ процессѣ своего движенія онъ долженъ повторять опредѣленное и, стало быть, исчислимое количество комбинацій. Количество это можетъ быть огромнымъ и съ нашей, человѣ-

ческой, точки зрѣнія — необозримымъ; но въ безконечномъ времени всѣ возможныя комбинаціи должны быть исчерпаны; слѣдовательно, въ теченіе безконечнаго времени всякая изъ возможныхъ комбинацій должна повторяться; мало того, она должна повторяться безконечное число разъ; а такъ какъ въ каждый данный моментъ существованія мірозданія безконечное время уже протекло, то, стало быть, всѣ возможныя комбинаціи міровыхъ силъ уже безконечное число разъ повторялись и столь же безконечно будутъ повторяться. Но такъ какъ между каждой данной комбинаціей и ближайшимъ ея возвращеніемъ въ будущемъ должны пройти всѣ вообще возможныя комбинаціи міровыхъ силъ, и такъ какъ каждая данная комбинація необходимо обусловливаетъ весь рядъ послѣдующихъ комбинацій, то міровой процессъ представляется въ видѣ круговорота, въ которомъ вѣчно возвращаются абсолютно тожественные ряды явленій и событій. Это—вѣчно вращающееся колесо, игра силъ, продолжающаяся въ безконечность. Допустимъ, что въ извѣстный моментъ времени внезапно появляется въ мірѣ абсолютно новая, доселѣ небывшая комбинація, или что какая-нибудь изъ бывшихъ уже комбинацій больше не возвратится. Это значило бы, что въ общемъ количествѣ міровой энергіи произошелъ приростъ или убыль; но какъ то, такъ и другое противорѣчило бы закону сохраненія или постоянства міровой энергіи; слѣдовательно, ни то, ни другое—невозможно.

Ницше сравниваетъ жизнь мірозданія и нашу человѣческую жизнь съ процессомъ, который происходитъ въ песочныхъ часахъ; когда весь песокъ перешелъ изъ одной чашечки въ другую, часы переворачиваются, и весь процессъ начинается сызнова и такъ далѣе до безконечности. Когда въ этомъ круговращеніи возстановится наша жизнь, мы найдемъ въ ней ту же печаль и ту же радость, встрѣтимъ на томъ же мѣстѣ того же друга и недруга, тотъ же солнечный лучъ и ту же былинку въ полѣ. Каждая наша мысль была уже билліоны разъ продумана и каждое наше

чувство—билліоны разъ прочувствовано. Между нашей настоящей жизнью и возвращеніемъ ея въ будущемъ пройдутъ билліоны и билліоны лѣтъ, но, по сравненію съ безконечнымъ временемъ, эти билліоны—то же, что секунда, а мы даже не замѣтимъ перерыва, такъ какъ въ антрактѣ между двумя нашими существованіями погаснетъ наше сознаніе.

„Вы думаете, что вамъ придется надолго успокоиться до вашего возрожденія—говоритъ Ницше. „Не обманывайтесь, между послѣднимъ мгновеніемъ вашего сознанія и первымъ проблескомъ новой жизни не протечетъ никакого времени; смѣна происходитъ съ быстротою молніи, хотя живыя существа измѣряютъ ее билліонами лѣтъ, или даже вовсе не могутъ ее измѣрить. Какъ только нѣтъ интеллекта, чередованіе во времени и отсутствіе времени—одно и тоже“ [1]).

Ницше подчеркиваетъ ту мысль, что его пониманіе мірового процесса составляетъ необходимое послѣдствіе атеистической точки зрѣнія: если надъ міромъ нѣтъ иной,—высшей силы, направляющей его къ цѣли, если надъ нимъ нѣтъ божественнаго произвола, то міровое движеніе не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ процесса круговращенія... [2]).

VII.

Строй вселенной въ его отношеніи къ человѣку.

О чемъ бы ни говорилъ Ницше, человѣкъ, его задача и цѣль всегда стоятъ для него на первомъ планѣ.

Главный интересъ ученія о всеобщемъ возвращеніи съ самаго начала заключается для него въ вопросѣ, что новаго вноситъ это ученіе въ человѣческую жизнь? Какъ должно оно отразиться на нашемъ настроеніи и дѣятельности, въ чемъ заключаются его практическія послѣдствія?

---

[1]) Для всего предшествующаго о всеобщемъ круговращеніи см. Die ewige Wiederkunft, B. XII, 51—69; Der Wille zur Macht, B. XV, §§ 375—381, 323, стр. 403—412, 338, 344—345, Nachträge zum Zarathustra, §§ 719—731, B. XII, 369—371; Die fröhliche Wissenschaft, § 341, B. V, 265—266.

[2]) Die ewige Wiederkunft, § 104, B. XII, 57.

Послѣдствія эти представляются необозримыми: съ того момента, говоритъ Ницше, когда впервые мелькнула эта мысль, мѣняются всѣ краски, все освѣщеніе нашей жизни, и начинается новая эпоха исторіи [1]).

Прежде всего для человѣка всеобщее возвращеніе означаетъ своего рода безсмертіе, вѣчную жизнь. Но это—вѣчная жизнь не въ иномъ и лучшемъ мірѣ, а именно,—*въ этомъ мірѣ*, въ которомъ мы теперь томимся и страдаемъ. Можетъ ли такое безсмертіе послужить для человѣка источникомъ утѣшенія и радости? Ницше справедливо видитъ въ немъ новое испытаніе и новую муку: „высшее, что для насъ возможно,—говоритъ онъ,—это—быть въ состояніи перенести наше безсмертіе“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, безсмертіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, означаетъ прежде всего вѣчность страданія, безплодность всякихъ попытокъ улучшить окружающее и усовершенствовать самихъ себя. Вся человѣческая жизнь есть стремленіе подняться надъ настоящей минутой, исканіе иныхъ и лучшихъ цѣнностей, чѣмъ тѣ, которыми мы обладаемъ; при этихъ условіяхъ, что можетъ быть для насъ ужаснѣе сознанія, что настоящей минутѣ суждено безконечное число разъ повторяться, что все время, имѣющее пройти между настоящею минутой и возвращеніемъ ея въ будущемъ, пролетитъ какъ молнія! Можемъ ли мы радоваться тому, что вся наша жизнь есть безпрерывное и вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее? Не должно ли новое ученіе въ концѣ концовъ убить въ насъ всякую энергію?

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ говоритъ между прочимъ, что для человѣка нѣтъ ничего мучительнѣе безцѣльной работы: если бы мы были вынуждены въ теченіе долгаго времени повторять одинъ и тотъ же рядъ безсмысленныхъ дѣйствій, напримѣръ, переносить кучу песку съ мѣста на мѣсто, это было бы для насъ сво-

---

1) Die ewige Wiederkunft, § 120, B. XII, 65.

2) Nachträge zum Zarathustra, § 721, B XII, 369.

его рода адской мукой. Ницше, сравнивающій наше существованіе съ процессомъ въ песочныхъ часахъ, утверждаетъ въ сущности, что вся наша жизнь такова. Если прибавить къ этому, что самая наша смерть должна несчетное число разъ повториться, то возвращеніе всего существующаго окажется для насъ тѣмъ вѣчнымъ адомъ, отъ котораго не спасаетъ даже самоубійство.

Самъ Ницше опасается возможныхъ послѣдствій своего ученія: быть можетъ,—говоритъ онъ,—оно окажется убійственнымъ именно для лучшихъ людей, для тѣхъ, которые предъявляютъ къ жизни наивысшія требованія! Не будетъ ли оно служить утѣшеніемъ для худшихъ? Вѣдь въ концѣ концовъ оно можетъ льстить плоскимъ инстинктамъ массы, которая мирится съ обыденнымъ, животнымъ существованіемъ. Высшіе, лучшіе люди всѣхъ позже примирятся съ вновь открытою истиною: въ этомъ, говоритъ Ницше, заключается страданіе тѣхъ, кто любитъ истину [1]).

Человѣкъ хочетъ жить осмысленно, разумно; въ этомъ заключается то специфически-человѣческое, что отличаетъ насъ отъ прочихъ тварей. „Человѣкъ,—говоритъ Ницше,—„мало-по-малу сталъ фантастическимъ животнымъ, для котораго сверхъ того, въ чемъ нуждаются прочія животныя, необходимо еще одно условіе существованія: человѣкъ долженъ отъ времени до времени знать, почему онъ существуетъ; его родъ не можетъ процвѣтать безъ періодически возникающаго довѣрія къ жизни. И родъ человѣческій будетъ всегда отъ времени до времени постановлять: „есть нѣчто такое, чего уже безусловно нельзя высмѣять“ [2]). Этимъ Ницше объясняетъ безпрестанное возрожденіе ученія *о цѣли существованія* въ религіяхъ и философскихъ системахъ; въ ученіи этомъ онъ видитъ *„заблужденіе*, необходимое для сохраненія человѣческаго рода“ [3]).

Убейте въ человѣкѣ вѣру въ его цѣль, и вы убьете въ

[1]) Nachträge zum Zarathustra, §§ 729, 730, B. XII, 370—371.
[2]) Die fröhliche Wissenschaft, § 1, B. V. 37.
[3]) Ibid, 33—37.

немъ человѣка. Примириться съ существованіемъ, въ которомъ не видишь цѣли и смысла, значитъ въ концѣ концовъ отречься отъ разума, ибо всякое движеніе нашего разума предполагаетъ цѣль, къ которой оно направлено: безцѣльное — то же, что неразумное. На томъ же предположеніи покоится вся наша воля: хотѣть сознательно—значитъ предполагать, что есть нѣчто безусловно цѣнное, безусловно достойное желанія. Вѣра въ цѣль жизни, — это то солнце, которое озаряетъ наше существованіе; но вѣрить въ цѣль — значить вѣрить въ разумъ какъ начало и конецъ существующаго, т. е., въ концѣ концовъ, вѣрить въ Бога. Ницше чувствуетъ, что религіозная потребность лежитъ въ корнѣ нашего существа, и въ этомъ — тайная мука его атеизма. Въ своемъ отрицаніи цѣли онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что значитъ для человѣка утрата Бога.

„Слыхали ли вы,—говоритъ онъ,—о томъ сумасшедшемъ, который въ ясное утро зажегъ фонарь и побѣжалъ на площадь, безъ умолка крича: „я ищу Бога, я ищу Бога!“ Такъ какъ тамъ толпилось множество невѣрующихъ, то онъ вызвалъ громкій смѣхъ. Не пропалъ ли онъ? сказалъ одинъ. Или онъ сбѣжалъ какъ ребенокъ? сказалъ другой. Можетъ быть, онъ спрятался? Боится насъ? Скрылся на корабль, выселился?—такъ кричали и смѣялись они всѣ вмѣстѣ. Безумный бросился въ середину толпы, пронзая ихъ взоромъ. Куда дѣвался Богъ, воскликнулъ онъ, это я вамъ сейчасъ скажу! Мы его убили, я и вы, мы всѣ его убійцы. Но какъ мы это сдѣлали? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли испить океанъ? Что мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она, куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы безпрерывно назадъ, впередъ, въ сторону, во всѣ стороны? Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объяты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли постепенно мракъ ночи надъ нами? Не должны ли мы

зажигать фонарей утромъ? Развѣ вы не слышите, какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу? Или вы не ощущаете запаха божественнаго тлѣнья? И боги тлѣютъ! Богъ умеръ, Богъ пребываетъ мертвымъ!"

Всего поразительнѣе въ этихъ строкахъ то, что атеистъ Ницше видимо сочувствуетъ безумному. Безумный, для котораго утрата Бога есть утрата солнца, а жизнь безъ Бога—блужданіе во мракѣ вѣчной ночи, посрамляетъ толпу равнодушныхъ и легкомысленныхъ, которые не сознаютъ значенія и послѣдствій своего отрицанія.

Среди молчанія изумленной толпы сумасшедшій въ концѣ концовъ бросилъ на землю свой фонарь, разбилъ его на куски и сказалъ: „я явился слишкомъ рано, мое время еще не настало. Это великое событіе еще въ пути; оно еще не достигло до человѣческаго слуха. Молнія и громъ требуютъ времени, свѣтъ небесныхъ свѣтилъ требуетъ времени, дѣянія требуютъ времени уже послѣ того, какъ они совершены, чтобы стать доступными зрѣнію и слуху людей. Это дѣяніе—отъ нихъ дальше самыхъ отдаленныхъ созвѣздій, и, однако,—они его совершили" [1]).

VIII.

Если религіозная по самой природѣ своей вѣра въ „цѣль жизни" составляетъ необходимое условіе существованія человѣческаго рода, то для Ницше это значитъ, что въ этихъ условіяхъ скрывается ошибка и что надо создать для человѣка новыя условія существованія. То солнце, которое наполняетъ жизнь людей тепломъ и свѣтомъ, для него померкло; но какъ ему жить безъ солнца! Гдѣ ему найти покой и какъ оправдать свое существованіе. „Я уже ничего не ищу,—говоритъ онъ,—я самъ хочу создать для себя солнце" [2]).

Въ ранній періодъ своей философской дѣятельности Ниц-

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 125, B. V, 163—164.

[2]) Ibid., § 320, стр. 244.

ше искалъ метафизическаго утѣшенія и находилъ его въ созерцаніи единой вѣчной сущности, того безусловнаго, подлиннаго бытія, которое уже „не можетъ быть отрицаемо“. Теперь онъ приходитъ къ тому заключенію, что надъ міромъ явленій нѣтъ ничего безусловнаго, „ничего такого, чего бы нельзя было высмѣять“. Для него нѣтъ болѣе утѣшенія метафизическаго. И онъ ищетъ утѣшенія уже *не по ту сторону, а по сю сторону мірозданія* [1]), въ области движущагося, измѣнчиваго.

Онъ хочетъ найти утѣшеніе въ той самой мысли о всеобщемъ возвращеніи, которую онъ считаетъ роковой для человѣка и человѣчества. Но, чтобы принять эту мысль какъ утѣшеніе, нужно измѣнить всѣ наши воззрѣнія на жизнь и ея задачи: для этого необходима „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ и прежде всего—отреченіе отъ всякой морали.

Та пессимистическая или, какъ говоритъ Ницше, та „нигилистическая“ точка зрѣнія, которая осуждаетъ міръ и считаетъ жизнь невыносимою, есть результатъ неправильнаго примѣненія требованій разума и въ особенности — нашихъ нравственныхъ требованій къ міровому цѣлому. Нашъ разумъ всюду ищетъ цѣли и смысла, и вотъ мы осуждаемъ міръ, потому что въ немъ нѣтъ смысла, потому что наша категорія *цѣли* къ нему неприложима. Мы ищемъ въ міровомъ цѣломъ *единства* и опять-таки осуждаемъ его, потому что не находимъ въ немъ ничего, кромѣ безпорядочной множественности явленій, ничего соотвѣтствующаго нашей идеѣ единства. Мы предъявляемъ къ жизни наши требованія правды, добра и въ результатѣ—обезцѣниваемъ жизнь, потому что окружающая дѣйствительность полна неправды и зла, потому что она оказывается въ полномъ несоотвѣтствіи съ *нашими* нравственными требованіями. Словомъ, пессимизмъ осуждаетъ вселенную, потому что она не выдерживаетъ критики *нашихъ* идеаловъ, противорѣчитъ *нашимъ* цѣнностямъ [2]).

---

[1]) Versuch einer Selbstkritik, B. I, 13—14.

[2]) Menschliches, Allzumenschliches, § 28, B. II, 46; Der Wille zur Macht, §§ 59—, B. XV, 14—19.

Отсюда вытекаетъ такой выводъ: чтобы преодолѣть пессимизмъ, мы должны отрѣшиться отъ нашихъ лживыхъ категорій разума; чтобы полюбить жизнь, мы должны сами подобно внѣшней природѣ, стать „по ту сторону добра и зла“, разбить скрижали нашихъ цѣнностей.

Съ христіанской точки зрѣнія, весь міръ во злѣ лежитъ: онъ осужденъ, потому что онъ находится во власти грѣха. Первый результатъ отрицанія цѣлей въ мірѣ есть отрицаніе грѣха, оправданіе міра. Разъ надъ вселенной нѣтъ высшей воли, и, слѣдовательно, высшаго идеала и критерія, то въ ней *нѣтъ грѣха*: все существующее безгрѣшно и невинно. Разъ въ нашей оцѣнкѣ природы мы возвысились надъ противоположностью добра и зла, всякое негодованіе противъ неустройства мірозданія, всякое осужденіе жизни само собою падаетъ. Всѣ вещи „крещены въ источникѣ вѣчности“, всѣ онѣ пребываютъ „по ту сторону добра и зла“. Наши понятія о добрѣ и злѣ — какъ бы облака, помрачающія наше зрѣніе; поднимемся надъ этими облаками! Тогда ничто не помѣшаетъ намъ созерцать ясное, чистое небо и наслаждаться имъ. Проклятіе, тяготѣющее надъ жизнью, для насъ превратится въ благословеніе [1]), зло перестанетъ вызывать въ насъ отвращеніе, — оно уже не будетъ нуждаться въ оправданіи. Жестокость природы, дикія проявленія животной страсти въ ней и въ человѣкѣ уже не будутъ для насъ предметомъ ужаса [2]).

Такое отношеніе ко внѣшней природѣ съ точки зрѣнія Ницше не есть актъ выраженія покорности или смиренія. Смиреніе есть актъ самоотрицанія человѣческой воли: оно предполагаетъ высшую волю надъ нами, которой мы подчиняемся. Если такой высшей воли не существуетъ, то намъ некому покоряться, не передъ кѣмъ смиряться. Становясь по ту сторону добра и зла, мы тѣмъ самымъ признаемъ себя частью всемогущей природы. Это уже не са-

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 280, B. XV, 288; Götzen-Dämmerung, B. VIII, 90; Also sprach Zarathustra, B. VI, 240—244.

[2]) Der Wille zur Macht, § 461, B. XV, 471—472.

моотрицаніе, а, напротивъ того, высшій актъ самоутвержденія воли, жаждущей жизни.

Признавая, что нѣтъ ничего высшаго надъ міромъ, мы тѣмъ самымъ обожествляемъ природу и самихъ себя. Отрицая какую бы то ни было жизнь по ту сторону мірозданія, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ, что именно *этотъ* міръ, именно *эта* жизнь божественна. Мы благословляемъ существующее, изрекаемъ ему наше „аминь", „да будетъ" [1]).

Такое отношеніе къ вселенной носитъ на себѣ печать своего рода религіозности, но религіозности уже не христіанской, а языческой. Ницше прямо заявляетъ себя язычникомъ и противополагаетъ Христу греческаго бога Діонисія — Вакха. Христосъ, распятый на крестѣ, — символъ самоотрицанія жизни. Напротивъ, Діонисій являетъ въ себѣ опьяненіе жизнью, восхищеніе ею. Это—та же мысль, которая была выражена Ницше еще въ юношескомъ его произведеніи—„Происхожденіе трагедіи". Теперь, какъ и тогда, образъ Діонисія олицетворяетъ собою для нашего философа его надежду и утѣшеніе. Діонисій для него — символъ вѣчнаго круговращенія міровой жизни, вѣчнаго возвращенія всего существующаго, радостное явленіе всемогущей силы жизни, безпрестанно умирающей и воскресающей [2]).

Находить утѣшеніе въ культѣ Діонисія для Ницше значитъ радоваться самому неустройству мірового цѣлаго, его хаосу и безсмыслицѣ. Именно въ этомъ и заключается для нашего философа признакъ „высшаго человѣка" и высшаго настроенія. Ницше не только мирится съ жизнью въ томъ видѣ, какъ она была и есть: онъ хочетъ ее таковою навѣки вѣчные, требуетъ безконечнаго повторенія не только самого себя, не только отдѣльныхъ сценъ міровой комедіи, но всей этой комедіи отъ начала до конца [3]).

Частичное утвержденіе или отрицаніе міровой жизни

---

[1]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 242; Der Wille zur Macht, B. XV, §§ 362 365, 366, 374, стр. 387, 399, 390—392.

[2]) Der Wille zur Macht, §§ 385, 480, B. XV, 411, 485—486.

[3]) Ibid., § 461, 471—472; Jenseits von Gut und Böse, § 56, B. VII, 80.

представляется въ высшей степени нелогичнымъ. Всякое явленіе, всякое событіе необходимо обусловлено всѣмъ предшествующимъ рядомъ міровыхъ явленій и въ свою очередь опредѣляетъ какъ одно изъ условій весь послѣдующій рядъ. Поэтому, если мы хотимъ чего-либо въ жизни, мы тѣмъ самымъ хотимъ міровой жизни въ ея цѣломъ; напротивъ, если мы что-либо отрицаемъ, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ все [1]).

Желать жизни—значитъ, стало быть, желать и страданія, и неправды, которыя роковымъ образомъ съ нею связаны. Какимъ же образомъ все это можетъ стать для насъ желательнымъ? Это возможно только для тѣхъ избранныхъ, которые способны возвыситься до „трагическаго настроенія“. Сущность этого настроенія заключается въ томъ, что мы смотримъ на міръ какъ на прекрасное и занимательное зрѣлище: въ драмѣ необходимы опасности, страданія и даже самая смерть; все это сообщаетъ ей интересъ и служитъ источникомъ наслажденія.

Та красота мірового цѣлаго, которая насъ окрыляетъ и радуетъ, по Ницше не есть что-либо присущее природѣ вещей: сами по себѣ вещи не прекрасны и не безобразны; красота привносится въ нихъ *нашимъ* эстетическимъ созерцаніемъ, *нашимъ* художественнымъ творчествомъ. Но *безъ этой лжи искусства жизнь была бы невыносимою*: наше существованіе можетъ быть оправдано для насъ только какъ эстетическій феноменъ. Въ наукѣ дѣйствительность является передъ нами безо всякихъ прикрасъ, во всей своей наготѣ; научный анализъ убѣждаетъ насъ, что вся жизнь наша покоится на иллюзіи, что въ основѣ всѣхъ нашихъ чувствъ и нашего самосознанія лежитъ сплошное самообольщеніе; жить съ *этою* истиною для насъ было бы невозможно. Научное пониманіе міра повлекло бы за собою отвращеніе къ жизни и самоубійство, если бы оно не находило себѣ противовѣса въ искусствѣ. Искусство даетъ намъ силу отвле-

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 478, B. XV, 484.

каться отъ самихъ себя, смотрѣть на жизнь и на наше собственное существованіе какъ бы въ извѣстной перспективѣ, въ художественномъ отдаленіи; а издали оно кажется прекраснымъ; вся скорбь нашего бытія обращается въ эстетическій феноменъ; мы можемъ смѣяться, плакать и радоваться [1]).

Съ этой точки зрѣнія сама жизнь превращается въ своего рода искусство. Наше существованіе лишено объективной цѣли, но творчество — въ нашей власти: мы сами можемъ создать для себя цѣль и цѣнности, устроить нашу жизнь такъ, чтобы она производила впечатлѣніе прекраснаго, т.-е. была эстетическимъ явленіемъ. Намъ предстоитъ *жить вѣчно*, т.-е. вѣчно возвращаться въ періодическомъ возобновленіи всего существующаго. Будемъ же вести себя такъ, чтобы наша жизнь дѣйствительно носила на себѣ печать вѣчности, будемъ мыслить и чувствовать такъ, чтобы мы могли желать вѣчнаго повторенія каждой нашей мысли и каждаго нашего чувства: въ этомъ именно и состоитъ *искусство жить*.

Разъ человѣкъ становится творцомъ своей жизни, вѣсть о всеобщемъ возвращеніи вещей звучитъ для него какъ великое утѣшеніе и радость: онъ сознаетъ, что онъ творитъ нѣчто *непреходящее, вѣчное;* онъ чувствуетъ себя такимъ образомъ *спасеннымъ отъ закона всеобщаго теченія вещей и всеобщаго умиранія* [2]). Безсмертна та минута, говоритъ Ницше, когда я создалъ ученіе о всеобщемъ возвращеніи: ради этой минуты я могу вынести всеобщее возвращеніе [3]).

Чтобы вынести эту мысль, требуется вообще сверхчеловѣческая сила. Поэтому Ницше думаетъ, что ей суждено произвести переворотъ въ исторіи человѣчества: тѣ расы, для которыхъ ученіе о всеобщемъ возвращеніи окажется невыносимымъ, заранѣе обречены на гибель; напротивъ, тѣ, которыя примутъ его какъ благую вѣсть, предназначены

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, §§ 107, 299, B. V, 142—143, 228—229.

[2]) Ibid., § 373, стр. 330—331: Die ewige Wiederkunft, §§ 116, 117, 121, 124, 125, стр. 64—67; Nachträge zum Zarathustra, § 723, стр. 369—370.

[3]) Ibid., § 431, стр. 371.

къ господству [1]). Крушеніе религіи будетъ имѣть роковое значеніе для всѣхъ слабыхъ, вырождающихся человѣческихъ типовъ: утративъ вѣру въ цѣль существованія, большинство людей мало-по-малу погрузятся въ апатію, перестанутъ стремиться къ чему бы то ни было и начнутъ вымирать. Въ концѣ концовъ останутся на сценѣ только тѣ люди крѣпкаго закала, которые способны радоваться вѣчному повторенію своего существованія; среди этихъ людей возможно такое общественное состояніе, о которомъ доселѣ не смѣлъ мечтать ни одинъ утопистъ [2]).

Такимъ образомъ, ученіе о всеобщемъ возвращеніи подготовляетъ переходъ человѣчества къ новому типу *сверхчеловѣка*, коему суждено восторжествовать въ будущемъ; въ этомъ заключается для Ницше источникъ новой радости. Съ этой точки зрѣнія онъ привѣтствуетъ появленіе тѣхъ пессимистическихъ ученій, которыя отнимаютъ у людей слабыхъ охоту жить. Пессимизмъ, говоритъ онъ,—полезное и мощное орудіе въ рукахъ философа; это — тотъ молотъ, который раздробляетъ все неспособное къ жизни, устраняетъ съ дороги выродившіяся и вымирающія расы, прокладывая путь для новаго порядка жизни [3]).

IX.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ отдѣловъ ученій Ницше, необходимо оглянуться на пройденный путь и подвергнуть критическому разбору то, что уже было здѣсь изложено. Мы видѣли, что исходная точка философіи Ницше есть атеизмъ; ея конечный результатъ есть *отрицаніе человѣка*, которое выражается въ двоякой формѣ—теоретическаго сужденія и практическаго предписанія.

Теоретическое отрицаніе сводится къ констатированію факта. Если этотъ чувственно воспринимаемый міръ пред-

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 375, B. XV, 403.
[2]) Die ewige Wiederkunft, §§ 115, 121, B. XII, 63, 65—66.
[3]) Der Wille zur Macht, § 376, B. XV, 403.

ставляетъ собою единственную реальность, если надъ нимъ нѣтъ иной, высшей дѣйствительности, то нѣтъ вообще ничего такого, что возвышало бы человѣка надъ окружающей его средой: онъ—не болѣе, какъ *явленіе природы*, равноцѣнное другимъ ея явленіямъ, или, точнѣе говоря, одинаково съ ними безцѣнное. Изъ того, что надъ міромъ нѣтъ Бога, Ницше заключаетъ, что въ немъ нѣтъ ни верха, ни низа; съ этой точки зрѣнія, разумѣется, нелѣпо видѣть въ человѣкѣ нѣчто „высшее“ по сравненію съ прочими тварями: одинаково съ ними онъ—проявленіе всеобщей безсмыслицы.

Смыслъ этихъ теоретическихъ сужденій, такимъ образомъ, сводится къ отрицанію человѣка, какъ чего-то *особеннаго* среди внѣшней природы и противоположнаго ей. Но отрицаніе человѣка является у Ницше еще и въ формѣ практическаго требованія, *императива*. Человѣкъ *долженъ* отрѣшиться отъ религіозныхъ предположеній своего сознанія, отъ иллюзіи цѣли, отъ всего вообще специфически человѣческаго и стать *подобно внѣшней природѣ* „по ту сторону добра и зла“.

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ кореннымъ противорѣчіемъ въ точкѣ зрѣнія Ницше. Противоположность между человѣкомъ и внѣшней природой представляется ему одновременно и какъ нѣчто *несуществующее* и какъ нѣчто *существующее, но недолжное*, подлежащее устраненію.

Если человѣкъ есть явленіе природы столь же необходимое, какъ и всѣ прочія явленія міровой энергіи, то обращаться къ нему съ какими бы то ни было требованіями столь же нелѣпо, какъ проповѣдовать камнямъ. Въ особенности нелѣпо требовать отъ него уподобленія природѣ, возвращенія къ ней, если онъ по существу является частью этой природы.

Ницше многократно высказывается въ этомъ смыслѣ: онъ смѣется надъ тѣми моралистами, которые хотятъ улучшить человѣчество. Невѣроятно комическимъ, говоритъ онъ, представляется ихъ требованіе, чтобы человѣкъ сталъ инымъ, чѣмъ онъ есть; вѣдь человѣкъ—частичное проявле-

ніе „всеобщаго фатума“. Сказать ему—„ты долженъ измѣниться“ —значитъ требовать измѣненія мірового цѣлаго и не въ настоящемъ только, а въ прошедшемъ, ибо „настоящее“ человѣка есть результатъ всего прошлаго вселенной. Если надъ мірозданіемъ и надъ человѣкомъ нѣтъ никакой цѣли, то нѣтъ никакого масштаба, съ точки зрѣнія котораго можно было бы что-либо осуждать, и направлять жизнь человѣка къ чему-то лучшему [1]).

Такова точка зрѣнія послѣдовательнаго имморализма; но все дѣло въ томъ, что въ своемъ имморализмѣ Ницше не остается, да и не можетъ оставаться послѣдовательнымъ. Одна изъ наиболѣе опредѣленныхъ тенденцій его философіи выражается именно въ осужденіи человѣка и въ рядѣ требованій, къ нему обращенныхъ. Человѣкъ для него — „существо съ извращенными инстинктами“, „неудачное созданіе“, на которомъ нельзя успокоиться. Все назначеніе философа заключается въ томъ, чтобы „пересоздать“ человѣческій типъ. „Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей—не болѣе и не менѣе, какъ требованіе, чтобы человѣкъ *сталъ другимъ*, чтобы онъ отвергъ тѣ именно цѣнности, которыя доселѣ опредѣляли все направленіе его жизни. Болѣе того, философъ будущаго призванъ пересоздать не только отдѣльныхъ людей, но измѣнить цѣлое направленіе исторіи [2]). И это измѣненіе должно совершиться именно въ смыслѣ *возвращенія человѣка къ природѣ*. Критикуя Руссо, Ницше говоритъ между прочимъ: „я также говорю о возвращеніи къ природѣ, хотя это, собственно говоря, не движеніе назадъ, а восхожденіе къ свободной, даже страшной природѣ и естественности, къ той естественности, которая играетъ великими задачами, дерзаетъ играть ими“ [3]). Природа съ ея равнодушіемъ къ добру и злу представляется здѣсь уже не какъ нѣчто тожественное съ человѣкомъ, а какъ нѣчто стоящее *надъ нимъ*, какъ *идеалъ*, который можетъ быть достигнутъ лишь немногими

1) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 88—90, 100—101.
2) Jenseits von Gut und Böse, § 203 B. VII, 137—139.
3) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 161.

(классическимъ образцомъ возвращенія человѣка къ природѣ въ желательномъ смыслѣ является для Ницше Наполеонъ).

Послѣдовательный имморализмъ есть прежде всего отрицаніе всякаго долженствованія и всякаго вообще идеала. И дѣйствительно, Ницше многократно высказывается въ этомъ смыслѣ. О долгѣ, учитъ онъ, можно говорить только въ предположеніи общей всему человѣчеству и общепризнанной цѣли; но такой цѣли не существуетъ: правда, можно рекомендовать человѣчеству цѣль, но въ такомъ случаѣ цѣль не обязательна: каждый можетъ по своему усмотрѣнію ею руководствоваться или не руководствоваться [1]). И, однако, отъ того же Ницше мы узнаемъ, что имморалисты суть также „люди долга", что и у нихъ есть священныя обязанности, отъ которыхъ они не могутъ уклониться, напримѣръ, обязанность правдолюбія и непримиримой вражды противъ пережитыхъ воззрѣній [2]). Все вообще ученіе Ницше о цѣнностяхъ есть безпрерывное колебаніе между признаніемъ и отрицаніемъ объективныхъ нормъ долженствованія, независящихъ отъ человѣческаго произвола.

Въ этомъ ученіи сталкиваются два противоположные тезиса. Первый изъ нихъ сводится къ тому, что въ природѣ нѣтъ вообще никакихъ цѣнностей. Всякая цѣнность предполагаетъ какую-нибудь цѣль, а такъ какъ въ природѣ нѣтъ никакихъ цѣлей, и, слѣдовательно, никакого масштаба для оцѣнки существующаго, то въ ней нѣтъ и никакихъ цѣнностей: въ нашемъ понятіи „цѣнности" выражается помраченіе нашей мысли: оно есть чисто человѣческое измышленіе и иллюзія, нѣчто такое, что человѣкъ привноситъ въ жизнь [3]). Противоположный тезисъ, однако, гласитъ, что въ жизни *есть* объективныя цѣнности, что человѣкъ дол-

---

1) Morgenröthe, § 108, B. IV, 103; Menschliches, Allzumenschliches, § 34, B. II, 51—52.

2) Morgenröthe, Vorrede, § 4. B. IV, 8: Jenseits von Gut und Böse, § 226, B. VII, 181—182.

3) Menschliches, Allzumenschliches, § 33, B. II, 50—51; Der Wille zur Macht § 383, B. XV, 408.

женъ отрѣшиться отъ своихъ субъективныхъ иллюзій, чтобы принять тѣ цѣнности, которыя даны самой природой.

Въ этомъ противорѣчіи обнаруживается основной грѣхъ всей попытки Ницше оправдать жизнь. Если бы наши сужденія о цѣнности или безцѣнности жизни были дѣломъ личнаго вкуса, субъективнаго произвола, то самая попытка оправдать жизнь была бы излишнею и нелѣпою. Ибо оправдать жизнь,—значитъ защитить ее доводами, убѣдительными не для меня только, но и для другихъ: это значитъ — открыть въ ней такія цѣнности, которыя не зависятъ отъ прихоти, а имѣютъ значеніе объективное, представляются желательными для всѣхъ вообще, а не для меня только. И Ницше дѣйствительно находитъ въ мірѣ нѣчто такое, что представляется ему объективно цѣннымъ: *силу жизни*, безпрестанно обновляющейся и торжествующей надъ смертью, величіе и красоту внѣшней природы.

Но философскій анализъ тотчасъ изобличаетъ мнимый характеръ этихъ цѣнностей. Если въ природѣ нѣтъ цѣлей, то цѣнность, точно такъ же какъ и красота природы есть оптическій обманъ, нѣчто такое, что существуетъ только для несовершеннаго глаза зрителя. И опять мы слышимъ отъ Ницше, что жизнь сама по себѣ невыносима, что сдѣлать ее сносною можетъ только „ложь искусства“, что надо быть поэтомъ, чтобы изобрѣсти для себя утѣшеніе [1]).

Стало быть, тѣ „новыя скрижали цѣнностей“, которыми Ницше хочетъ оправдать жизнь, суть не болѣе, какъ обольстительная ложь?! Но если такъ, то почему же ихъ слѣдуетъ предпочесть тѣмъ старымъ скрижалямъ, которыя Ницше хочетъ разбить? Вѣдь и они—обольстительны; вѣдь традиціонныя вѣрованія также украшаютъ жизнь! „Мы окрасили вещи новыми красками,— говоритъ Ницше,—и мы непрестанно продолжаемъ нашу живопись; но что значитъ наше искусство въ сравненіи съ вѣликолѣпіемъ красокъ стараго мастера,—я разумѣю старое человѣчество“ [2]). Ниц-

[1]) Menschliches, Allzumenschliches, § 33, II, 51.
[2]) Die fröhliche Wissenschaft, § 152, B. V, 180.

ше возстаетъ противъ христіанскаго оправданія жизни потому, что онъ видитъ въ немъ ложь и потому, что его правдолюбіе не хочетъ мириться съ тѣмъ, что онъ считаетъ обольстительнымъ обманомъ. Но что же даетъ намъ Ницше взамѣнъ отвергнутаго? Такое оправданіе жизни, которое покоится на „лжи искусства“!

Но, спрашивается, можемъ ли мы успокоиться на сознательной лжи? Можетъ ли красота вселенной насъ радовать, если мы сознаемъ, что вся это красота—сплошной обманъ нашего зрѣнія? Намъ предлагаютъ успокоиться въ мірѣ прекрасныхъ грезъ; но такое успокоеніе представляется невозможнымъ: красота можетъ насъ радовать до тѣхъ поръ, пока мы вѣримъ въ ея объективную дѣйствительность; какъ только мы начинаемъ сознавать, что она только—*нашъ сонъ*, мы освобождаемся отъ очарованія. И разочарованіе окончательнаго пробужденія будетъ для насъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ прекраснѣе было сновидѣніе: чѣмъ обольстительнѣе исчезающій миражъ, тѣмъ ощутительнѣе для путника страданія пустыни.

Къ чести Ницше надо сказать, что онъ всегда былъ выше своего ученія и никогда не находилъ въ немъ полнаго удовлетворенія. Послѣ всего сказаннаго имъ о цѣнности и радостности жизни не странно ли слышать отъ него такое признаніе: „мысль о самоубійствѣ—великое утѣшеніе; благодаря ей для насъ благополучно кончаются многія мучительныя ночи“ [1]). Тутъ мы имѣемъ такое „утѣшеніе“, которое разомъ ниспровергаетъ всѣ прочія утѣшенія философіи Ницше. Къ тому же изо всѣхъ этихъ утѣшеній не найдется, быть можетъ, ни одного, которое бы не было разоблачено и осмѣяно самимъ авторомъ „Заратустры“. Послушаемъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о красотѣ вселенной: „человѣкъ думаетъ, что сама вселенная преисполнена красоты, но онъ забываетъ *себя*, какъ причину этой красоты! Онъ одинъ надѣлилъ ее красотою, увы! — человѣче-

---

1) Jenseits von Gut und Böse, § 157, B. VII, 107.

скою, черезчуръ человѣческою красотою; въ сущности, здѣсь человѣкъ любуется собственнымъ своимъ отраженіемъ въ вещахъ: онъ находитъ прекраснымъ все то, что отражаетъ его образъ: въ сужденіяхъ о красотѣ выражается *тщеславіе человѣческаго рода*“ [1]) (курсивъ мой). Трудно въ большей степени развѣнчать ту красоту, въ которой Ницше видитъ оправданіе человѣческаго существованія!

Мы видѣли, что для нашего философа—высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, есть „трагическое настроеніе“, которое выражается въ „любви къ фатуму [2]). Любовь эта обнаруживается въ томъ, что человѣкъ хочетъ вселенной, изрекаетъ свое „аминь“ роковому сцѣпленію ея событій. Интереснѣе всего то, что и это „трагическое настроеніе“ было опять-таки разоблачено и осмѣяно самимъ Ницше. „Мы смѣемся, — говоритъ онъ, — надъ тѣмъ, кто, выходя изъ своей комнаты во время солнечнаго восхода, говоритъ: „я хочу, чтобы солнце взошло“. Мы смѣемся также и надъ тѣмъ, кто, не будучи въ состояніи остановить вращающагося колеса, говоритъ: „я хочу, чтобы оно вращалось“. Смѣшонъ для насъ и тотъ, кто, будучи поверженъ на землю въ борьбѣ, говоритъ: „здѣсь я лежу, ибо я хочу здѣсь лежать“. Но, шутки въ сторону! Поступаемъ ли мы когда-нибудь иначе, чѣмъ эти трое, когда мы произносимъ наше „я хочу“? [3]). Этотъ краткій афоризмъ заключаетъ въ себѣ злую насмѣшку надъ философіей Ницше: тутъ все его „оправданіе жизни“ разоблачается какъ выраженіе комическаго безсилія.

Философія для Ницше есть прежде всего экспериментъ надъ собственною жизнью. Онъ чувствуетъ, что его мысль подкашиваетъ основныя предположенія его существованія и спрашиваетъ себя: *возможно ли жить съ истиною“?* [4]). Мы знаемъ, что этотъ экспериментъ окончился для Ницше умо-

---

[1]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 131.
[2]) Die fröhliche Wissenchaft, § 276, B. V, 209.
[3]) Morgenröthe, § 124, B. IV, 125.
[4]) Die fröhliche Wissenschaft, § 11, B. V, 152.

помѣшательствомъ. Да иначе оно и быть не могло. Онъ вложилъ всю свою душу въ ученіе, которое отрицаетъ цѣль жизни. Но вѣдь это значитъ отрицать именно то, что обусловливаетъ всю нашу жизнь и все наше сознаніе: всякое наше желаніе, всякое движеніе нашей мысли направлено къ цѣли, и всякая наша цѣль предполагаетъ *цѣль безусловную*, на которой покоится весь нашъ рядъ цѣлей,—предѣлъ и оправданіе всякаго хотѣнія. Ницше отвергаетъ безусловное, отвергаетъ конечную цѣль, признавая въ ней „тѣнь Бога". И, однако, что такое его философія, какъ не исканіе цѣли! Онъ остается религіознымъ въ самомъ своемъ атеизмѣ: „тѣнь Бога" гонится за нимъ по пятамъ и не даетъ ему покоя.

X.

Оцѣнка человѣческаго разума.

Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей въ философіи Ницше выражается прежде всего въ новой оцѣнкѣ человѣческаго разума. Переходя къ этому отдѣлу его философіи, мы чувствуемъ, что у насъ колеблется почва подъ ногами. Передъ нами открывается цѣлый лабиринтъ противорѣчій. Здѣсь самоувѣренность разума, крайнее его самоутвержденіе вдругъ переходятъ въ скептицизмъ и отчаяніе. Съ одной стороны, Ницше проникнутъ радостнымъ сознаніемъ могущества человѣческой мысли; съ другой стороны, для него недостовѣрность составляетъ какъ бы общую печать всей нашей умственной дѣятельности. Въ жизни человѣка разумъ—самое цѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ—самое безцѣнное, достойное презрѣнія: онъ—источникъ высшихъ нашихъ радостей и вмѣстѣ съ тѣмъ—наша казнь, какъ бы проклятіе нашего существованія; онъ—цѣль нашей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ—злѣйшій ея врагъ.

Ницше видитъ логическое послѣдствіе атеистической точки зрѣнія въ томъ, что надъ нашею человѣческою мудростью нѣтъ иной, высшей мудрости. [1]) Нашъ человѣческій

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 285, B V, 216.

разумъ—высшій критерій истиннаго, добраго и прекраснаго: достовѣрнымъ должно быть признаваемо только то, что можетъ быть логически оправдано; всякое человѣческое вѣрованіе безотчетное, не провѣренное разумомъ, достойно презрѣнія, какъ результатъ умственной недобросовѣстности [1]) и обречено на погибель: ибо нѣтъ той вѣры, которая могла бы противостоять всесокрушающей силѣ логическаго анализа.

Въ глазахъ Ницше нашъ разумъ, умертвившій Бога, тѣмъ самымъ заявляетъ себя какъ высшую силу, никому не подчиненную и абсолютно свободную. Сознаніе этой силы сообщаетъ философу бодрость и счастіе: „для насъ философовъ и свободныхъ мыслителей",—говоритъ онъ,—„извѣстіе о смерти Бога—какъ бы проблескъ новой утренней зари; наше сердце преисполняется при этомъ благодарности, удивленія, ожиданія и надежды. Наконецъ-то передъ нами опять свободный, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ ясный горизонтъ; наконецъ-то наши корабли могутъ снова выйти на просторъ, навстрѣчу всякой опасности; всякая дерзость познающаго вновь становится дозволенною! Опять передъ нами открытое море, наше море; такого открытаго моря, быть можетъ, раньше никогда не существовало" [2]).

Для отмѣченной здѣсь черты настроенія Ницше типичны заглавія двухъ его сочиненій—„Утренняя заря" и „Веселая наука". Въ его глазахъ радости свободной мысли сообщаютъ новую цѣнность жизни. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—жизнь меня не разочаровала. Съ каждымъ годомъ она представляется мнѣ болѣе богатою, желательною и таинственною съ того дня, когда ко мнѣ явился великій освободитель—та мысль, что жизнь можетъ быть экспериментомъ познающаго, а не обязанностью, роковою случайностью или обманомъ. *Жизнь есть средство познанія* (курсивъ мой); съ этой вѣрой въ сердцѣ можно жить не только бодро, но и весело, и весело смѣяться" [3]).

---

[1]) Ibid. § 2, стр. 38.
[2]) Ibid., § 343, стр. 272.
[3]) Ibid., § 324, стр. 245.

Свободная мысль не влечетъ за собою, впрочемъ, счастія какъ неизбѣжнаго послѣдствія, ибо она пробуждаетъ человѣка отъ сна, лишаетъ его того спокойствія, которое составляетъ необходимое условіе счастія. Но она представляетъ собою то высшее сокровище, по сравненію съ которымъ блекнетъ самое счастіе. Почему мы такъ опасаемся возможнаго возвращенія человѣчества къ варварству? Потому ли, что варварство влечетъ за собою несчастіе? Нѣтъ, варвары всѣхъ временъ были счастливѣе насъ. „Но стремленіе къ познанію въ насъ слишкомъ сильно, чтобы мы могли цѣнить счастіе безъ познанія или примириться со счастіемъ безпрерывнаго самообмана". Стремленіе къ познанію, стало въ насъ преобладающею страстью отъ которой ничто не можетъ заставить насъ отказаться даже въ томъ случаѣ, если мы сознаемъ себя несчастными въ нашей любви [1]).

На этомъ пути самоутвержденія разума Ницше ждутъ новыя разочарованія. Какъ только онъ пытается осуществить права своей свободной мысли, философскій анализъ тотчасъ обнаруживаетъ, что *для человѣческаго разума нѣтъ мѣста въ строѣ вселенной.* Самоувѣренность и самодовольство улетучиваются какъ дымъ, уступая мѣсто сознанію безсилія и ничтожества.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть нашъ человѣческій разумъ среди безсмысленной вселенной? Частью всеобщей безсмыслицы, всеобщаго неразумія? Но можно ли говорить вообще о неразумномъ разумѣ? Не будетъ ли противорѣчіемъ сказать, что разумъ нашъ безсмысленъ въ основномъ своемъ стремленіи и источникѣ? Не значитъ ли это просто на-просто признать, что онъ есть нѣчто мнимое, кажущееся только! Или, быть можетъ, по отношенію къ міровому цѣлому разумъ представляетъ собою нѣкоторое *исключеніе*, нѣчто чуждое этому цѣлому? Но это противорѣчило бы основной точкѣ зрѣнія Ницше: она именно въ томъ и заключается, что разумъ не есть нѣчто особое и исключи-

---

1) Morgenröthe, § 429, B. IV, 296—297.

тельное въ мірѣ, а только частное проявленіе общаго порядка, точнѣе говоря, общаго безпорядка мірозданія.

Самой постановкой занимающаго насъ вопроса мысль Ницше обрекается на нескончаемыя блужданія: онъ безпрерывно колеблется между двумя діаметрально противоположными оцѣнками человѣческаго разума. Его Заратустра видитъ въ человѣческой мудрости своего рода *дурачество* міровой стихіи. „Во всемъ существующемъ“, говоритъ онъ, „одно представляется невозможнымъ, — разумность. Правда, по планетамъ разсѣяно немного разума, нѣкоторое сѣмя мудрости,—эта закваска примѣшана ко всѣмъ вещамъ: *дурачества ради* ко всѣмъ вещамъ примѣшана мудрость“ [1]).

Сознаніе, разумъ—не болѣе, какъ привилегія ничтожной разновидности органическаго міра—человѣчества. По отношенію къ міровому процессу въ его цѣломъ вся коллективная работа человѣчества не имѣетъ значенія; даже и по отношенію къ жизни человѣчества область сознательнаго, разумнаго, составляетъ весьма незначительный отдѣлъ: сознаніе — одна изъ функцій нашего организма, одно изъ средствъ для его развитія, для увеличенія общей суммы его могущества; поэтому разсматривать сознаніе или какую-либо область сознательнаго какъ высшую цѣнность—въ высокой степени наивно: это значитъ возводить средство въ цѣль, боготворить одно изъ орудій нашего ничтожнаго существованія [2]).

Жизнь человѣчества, какъ и все существующее, нелогична въ своемъ корнѣ, неразумна въ самой своей сущности: если наше сознаніе—не болѣе какъ орудіе этой жизни, то это значитъ, что и оно нелогично въ своемъ первоначальномъ источникѣ. Вся область логическаго первоначально произошла изъ нелогическаго; нашъ разумъ—плодъ и завершеніе инстинктовъ, направленныхъ къ сохраненію нашего организма и къ увеличенію его могущества. Можемъ ли мы быть увѣрены, что наше развитое сознаніе утратило

[1]) Also sprach Zarathustra, B., VI, 243.

[2]) Der Wille zur Macht, § 315, B. XV, 336—338.

печать своего первоначальнаго происхожденія, что оно съ теченіемъ времени *стало логичнымъ?* У Ницше этотъ вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ: нашъ разумъ теперь какъ и прежде является рабомъ нашихъ слѣпыхъ инстинктовъ. „Ходъ логическихъ мыслей и заключеній въ нашемъ теперешнемъ мозгу соотвѣтствуетъ процессу развитія и борьбы влеченій, изъ коихъ каждое весьма нелогично и неправдиво; обыкновенно мы узнаемъ только результатъ этой борьбы: такъ быстро и скрытно работаетъ въ насъ этотъ древнѣйшій механизмъ“ [1]). Нелогичное въ человѣкѣ—необходимо; въ этомъ заключается одно изъ тѣхъ открытій, которыя способны привести въ отчаяніе мыслителя [2]).

Если—такъ, то спрашивается, приспособленъ ли нашъ разумъ къ познанію истины, заслуживаетъ ли онъ вообще довѣрія? Очевидно, нѣтъ. Разъ назначеніе разума сводится къ тому, чтобы служить орудіемъ сохраненія человѣческаго рода, то все наше мышленіе представляется абсолютно недостовѣрнымъ: иныя истины для насъ гибельны; многія заблужденія необходимы въ интересахъ нашего процвѣтанія и могущества. Поэтому, чтобы исполнять свое назначеніе, разумъ долженъ оставаться сферою заблужденій, спасительныхъ для человѣческаго рода. „Въ концѣ-концовъ,—спрашиваетъ Ницше,—что такое истины человѣка? Это—его неопровержимыя заблужденія“ [3]).

Путемъ критическаго анализа Ницше пытается обнаружить ложь основныхъ предположеній нашего сознанія. Однимъ изъ этихъ предположеній является наша вѣра въ истину. Истинное—то же, что необходимое, постоянное въ

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 111, B. V, 152—153.

[2]) Menschliches, Allzumenschliches, § 31, 32, B. II, 48—49.

[3]) Die fröhliche Wissenschaft, § 265, B. V, 204. Обращаю вниманіе читателя на то, что отмѣченныя здѣсь противоположныя оцѣнки человѣческаго разума не могутъ быть относимы къ различнымъ періодамъ творчества Ницше, такъ какъ онѣ встрѣчаются *рядомъ* въ однихъ и тѣхъ же сочиненіяхъ. Знаменитый текстъ о жизни какъ *средствѣ познанія* находится въ томъ же сочиненіи Die fröhliche Wissenschaft (§ 324, стр. 245), гдѣ разумъ изображается какъ *орудіе* нелогическихъ, слѣпыхъ инстинктовъ (§ 111, стр. 152—153).

вещахъ: истинно—то, что не можетъ быть иначе; тѣ впечатлѣнія, на основаніи которыхъ мы составляемъ сужденія о внѣшнемъ мірѣ и о самихъ себѣ, смѣняютъ другъ друга; и вотъ мы предполагаемъ, что за этой безпрерывной смѣной нашихъ впечатлѣній скрывается нѣчто постоянное, нѣчто такое, что́ составляетъ подлинное бытіе вещей, непреходящую ихъ истину. Въ этомъ предположеніи заключается первая и основная ложь нашего сознанія, ибо все въ мірѣ течетъ и ничто не остается неизмѣннымъ. Предполагать, что въ мірѣ есть нѣчто пребывающее, неизмѣнное, значитъ предполагать въ немъ перерывъ, остановку; между тѣмъ существенное свойство мірового процесса заключается именно въ его безпрерывности, слѣдовательно, въ отсутствіи чего-либо пребывающаго, постояннаго.

Все наше познаніе сводится къ отыскиванію постоянныхъ свойствъ вещей, т.-е. именно того, чего нѣтъ въ вещахъ. Эта ложная вѣра въ постоянство сущаго коренится, какъ и всѣ прочіе предразсудки нашего разума, въ физіологическихъ потребностяхъ, въ присущемъ нашему организму стремленіи къ самосохраненію и росту: если-бы мы не вѣрили, напримѣръ, что огонь обладаетъ постояннымъ свойствомъ—жечь, что одни типы животныхъ для насъ постоянно полезны, другіе же—постоянно вредны, то нашъ родъ былъ бы осужденъ на скорую гибель. Наше постоянство въ вѣрѣ для насъ спасительно; и вотъ мы принимаемъ это постоянство за свойство самихъ вещей. Весь процессъ нашего познанія таковъ: *мы возводимъ условія сохраненія нашего существованія въ объективныя свойства вселенной* [1]).

„Что такое вообще категоріи нашего разума и наши логическіе законы? Это—такія представленія, которыя въ процессѣ развитія человѣчества оказались *полезными* для сохраненія человѣческаго рода. Вслѣдствіе своей полезности, они стали предметомъ постоянной вѣры, пріобрѣли для насъ

---

[1]) Der Wille zur Macht, §§ 269, 270, 283—285, B. XV, 274—275, 291—294; Die fröhliche Wissenschaft, § 111, B. V, 152—153.

значеніе непреложныхъ и апріорныхъ истинъ. Иначе говоря, познавательный процессъ покоится на томъ предположеніи, что полезное для насъ есть истинное" [1]).

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ постоянство нашихъ логическихъ законовъ, въ ихъ неизмѣнность какъ формъ *нашего* сознанія? Съ точки зрѣнія Ницше это представляется недопустимымъ. Самыя формы нашего сознанія представляютъ собою нѣчто возникшее во времени: онѣ свойственны тому человѣку, котораго мы знаемъ, т.-е. человѣку, какъ онъ существовалъ за послѣднія четыре тысячелѣтія: это не даетъ намъ права говорить о ихъ вѣчности; въ области человѣческаго сознанія, какъ и во всемъ существующемъ, нѣтъ вѣчныхъ фактовъ, нѣтъ абсолютныхъ истинъ [2]). Во всѣхъ человѣческихъ сужденіяхъ критеріемъ служитъ самъ человѣкъ, его польза, его стремленіе къ господству надъ вещами; но, такъ какъ человѣкъ безпрерывно измѣняется, у него не можетъ быть постояннаго критерія для сужденія о вещахъ; поэтому наши сужденія выражаютъ собою не истину, а только наше преходящее настроеніе. Съ этой точки зрѣнія, говоритъ Ницше, слѣдовало бы, собственно говоря, отказаться отъ всякихъ сужденій; но на это мы не способны: человѣкъ такъ устроенъ, что онъ непремѣнно долженъ чувствовать къ однимъ предметамъ влеченіе, къ другимъ—отвращеніе; онъ не можетъ обойтись безъ оцѣнки вещей, а потому—и безъ сужденія о нихъ [3]).

Вѣра въ разумъ связана съ критическимъ отношеніемъ къ свидѣтельствамъ нашихъ чувствъ: метафизика всѣхъ вѣковъ противополагала разумъ, какъ сферу достовѣрнаго и истиннаго, обманчивымъ чувствамъ; какъ бы ни были различны метафизическія системы, онѣ всегда сходились въ томъ, что истинное бытіе есть сверхчувственное; все то,

---

[1]) Der Wille zur Macht, §§ 269, 270, B. XV, 274—275.
[2]) Menschliches, Allzumenschliches, § 2, B. II, 18—19.
[3]) Ibid., § 32, стр. 49.

что доступно чувствамъ, есть, напротивъ, область бытія призрачнаго, кажущагося.

У Ницше—какъ разъ наоборотъ: отрицаніе разума связывается съ реабилитаціей чувствъ и съ глумленіемъ надъ всякой вообще метафизикой. Для него истиннымъ и достовѣрнымъ представляется только чувственно воспринимаемый міръ со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ и непостоянствомъ. Изъ древнихъ философовъ элеаты сомнѣвались въ достовѣрности нашихъ чувствъ, потому что чувства свидѣтельствуютъ о разнообразіи и измѣненіи вещей, между тѣмъ какъ истинно-сущее едино и неизмѣнно. Напротивъ, Гераклитъ полагалъ, что наши чувства лгутъ, потому что они свидѣтельствуютъ намъ о постоянствѣ и единствѣ вещей, котораго на самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ. Относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ Гераклиту, понимавшему сущее какъ безпрерывный процессъ, Ницше думаетъ однако, что и Гераклитъ былъ неправъ въ своемъ скептическомъ отношеніи къ чувствамъ. *Чувства наши вообще не лгутъ*, ни въ смыслѣ элеатовъ, ни въ смыслѣ Гераклита. Нашъ разумъ впервые фальсифицируетъ свидѣтельства чувствъ, привнося въ нихъ свои ложныя понятія единства, постоянства, вещности и т. п. Поскольку наши чувства свидѣтельствуютъ о безпрерывномъ теченіи, измѣненіи и уничтоженіи явленій, они не лгутъ. Лжетъ только нашъ разумъ, поскольку онъ утверждаетъ, что за предѣлами нашихъ чувствъ есть какой-то иной истинный міръ, сверхчувственный и вѣчный [1]).

Сущность мысли Ницше сводится къ тому, что міръ, доступный нашимъ чувствамъ, есть единственная реальность; сверхчувственное въ его глазахъ представляется остаткомъ божественнаго, „тѣнью Бога“; метафизика, проповѣдующая

---

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 77. Этотъ текстъ, написанный въ 1888 году, т.-е. почти въ самомъ концѣ литературной дѣятельности Ницше, наглядно показываетъ, какъ неосновательно противополагать послѣдній періодъ его творчества серединному, „позитивному“, періоду. ср. ibid., 83, Der Wille zur Macht, § 279, B.XV, 286.

существованіе истиннаго міра за предѣлами явленій, представляетъ собою пережитокъ богословія, слабую попытку замѣнить религію. Чтобы окончательно освободиться отъ религіи, нужно преодолѣть еще и метафизику. Для этого мало обнаружить недостатки отдѣльныхъ системъ: надо искоренить ту религіозную потребность, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ и метафизическихъ ученій [1]).

Въ своей борьбѣ противъ метафизики Ницше ясно сознаетъ, что метафизическія предположенія или, говоря иначе, представленія о сверхчувственномъ, лежатъ въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій. Въ основѣ всякой метафизики лежитъ противоположность истинно-сущаго и кажущагося, міра, какъ онъ есть самъ въ себѣ и какъ онъ намъ представляется,—вещи въ себѣ и явленія. Отвергая сверхчувственное, Ницше и слышать ничего не хочетъ о какихъ бы то ни было метафизическихъ „сущностяхъ“. Наши понятія „субстанціи“ и „вещи въ себѣ“, по его мнѣнію, достойны гомерическаго хохота [2]).

Но, спрашивается, можно ли съ этой точки зрѣнія говорить о явленіяхъ? Разсматривать міръ, доступный нашимъ чувствамъ, какъ область явленій значитъ признавать, что въ основѣ этого міра лежитъ нѣкоторая сущность, которая намъ является. Всякое явленіе есть явленіе *чего-нибудь* реальнаго, стало быть, проявленіе какой-нибудь сущности. Кто отвергаетъ сущность, или, что то же, „вещь въ себѣ“, тотъ, стало быть, долженъ отвергнуть и явленіе. Такъ именно и поступаетъ Ницше: если нѣтъ вещи въ себѣ, говоритъ онъ, то нѣтъ и ея противоположности, „нѣтъ явленія“ [3]) Если нѣтъ міра „истинно существующаго“, то нѣтъ и „кажущагося“ [4]). Нѣтъ вообще никакихъ „вещей“; ибо самое понятіе „вещи“ покоится на ложномъ предположеніи чего-то пребывающаго, чего-то неподвижнаго, чего нѣтъ въ нашихъ

---

1) Menschliches, Allzumenschliches, §§ 20, 27; B. II, 37—38, 45.
2) Ibid., § 17, стр. 33.
3) Der Wille zur Macht, § 279, XV, 286.
4) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 83.

чувствахъ; ложно, наконецъ, и самое понятіе „бытія“, которое покоится на той же фикціи. Истинно есть только вѣчное становленіе, безпрерывный процессъ [1]).

Тутъ возникаетъ вопросъ, возможно ли становленіе безъ становящагося? Всякій процессъ, всякое движеніе предполагаетъ *нѣчто движущееся*, то, что становится: повидимому, понятіе процесса предполагаетъ понятіе сущности, понятіе *субъекта*, который переживаетъ процессъ, по отношенію къ которому процессъ является *предикатомъ*. Съ точки зрѣнія Ницше, однако, это—не болѣе какъ предразсудокъ. Изъ того, что мы не можемъ представить себѣ сказуемаго безъ подлежащаго, по его мнѣнію вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ основѣ мірового процесса лежало реальное подлежащее, реальный субъектъ. Законы нашей грамматики не суть законы вселенной. Самое понятіе субъекта—*наше* изобрѣтеніе, наша фикція, посредствомъ которой мы мыслимъ существующее.

Идя шагъ за шагомъ въ этомъ направленіи, Ницше приходитъ къ тому заключенію, что самое наше „я“ есть фикція. Декартъ училъ: „я мыслю, слѣдовательно я есмь“; въ этихъ словахъ, по Ницше, выражается заключеніе отъ факта мысли къ существованію реальнаго субъекта или сущности, которая мыслитъ; въ этомъ умозаключеніи сказалась просто-напросто наша грамматическая привычка—приписывать всякое дѣйствіе какому-нибудь дѣятелю. На самомъ дѣлѣ изъ факта мысли мы не въ правѣ заключать къ реальности нашего „я“, ни даже какого-либо „нѣчто“, которое мыслитъ [2]).

На тѣхъ же основаніяхъ Ницше отрицаетъ понятіе причинности. Понятіе это, по его мнѣнію, коренится въ томъ же грамматическомъ предразсудкѣ: отъ всякаго происшествія мы тотчасъ заключаемъ къ дѣятелю, который его производитъ. Этотъ предполагаемый дѣятель, которому мы при-

---

[1]) Der Wille zur Macht, §§ 283—285, B. XV, 291—294; Götzen-Dämmerung, VIII, 77.

[2]) Der Wille zur Macht, § 260, B. XV, 265; cp. Jenseits von Gut und Böse, § 17, 27.

писываемъ то или другое изъ совершившагося, и есть то, что мы называемъ причиной. На самомъ дѣлѣ, „причинность"—не болѣе, какъ наша субъективная фикція: въ мірѣ нѣтъ сущностей, нѣтъ „дѣятелей", а, слѣдовательно, нѣтъ ни причинъ, ни дѣйствій: міровой процессъ не можетъ быть расчлененъ на причины и дѣйствія, потому что онъ вообще не расчленяется на отдѣльные, обособленные пункты, а течетъ безпрерывно [1]). Причинное объясненіе вселенной есть въ сущности попытка истолковать ее по аналогіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ; наблюдая движеніе нашихъ мускуловъ вслѣдъ за тѣмъ или другимъ актомъ нашей воли, мы воображаемъ себя причиною: мы думаемъ, что наша воля, какъ субъектъ, есть тотъ дѣятель, та *причина*, которая вызываетъ движеніе нашихъ мускуловъ: объясняя внѣшній міръ по аналогіи съ внутреннимъ, мы заключаемъ, что за каждымъ внѣшнимъ событіемъ стоитъ причина, дѣятель, который обусловливаетъ данное событіе совершенно такъ, какъ наша воля—движеніе нашихъ рукъ и ногъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ рядѣ умозаключеній все неправильно. Въ нашемъ внутреннемъ мірѣ мы не наблюдаемъ воли какъ субъекта, какъ дѣятеля: вмѣсто того мы находимъ здѣсь только послѣдовательность, смѣну отдѣльныхъ состояній. Мы видимъ, что за нашимъ хотѣніемъ слѣдуетъ движеніе, и совершенно ошибочно заключаемъ отсюда, что есть нѣкоторый метафизическій субъектъ, наша воля, который производитъ и то и другое. Дальнѣйшая неправильность заключается въ истолкованіи внѣшняго міра по аналогіи съ внутреннимъ. Это—совершенно произвольная попытка—очеловѣчить природу [2]).

Наше сознаніе вообще представляетъ собою сплошной міръ фикцій. Наши логическія аксіомы такъ же призрачны, какъ

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 280, B. XV, 286; Die fröhlihe Wissenschaft, § 112, B. V, 153—154.

[2]) Götzen-Dämmerung, VIII, 93—94; Der Wille zur Macht, §§ 296, 298, 280, B. XV, 333—316, 318—320, 286—287; Die fröhliche Wissenschaft, § 127, B. V, 165.

и категоріи нашего разсудка. Такъ, напримѣръ, знаменитый „законъ противорѣчія“ представляетъ собою чисто субъективное правило нашей мысли, которому мы не имѣемъ права придавать объективнаго значенія. Изъ того, что мы не можемъ одновременно утверждать и отрицать одного и того же, не слѣдуетъ, чтобы сущее не могло обладать противорѣчивыми свойствами. Законъ противорѣчія не есть свойство сущаго, а выраженіе нашей человѣческой неспособности. Мы вообще не знаемъ сущаго, а потому—не въ состояніи рѣшить вопроса о томъ, приложимы или неприложимы къ нему наши логическія аксіомы; послѣднія поэтому не суть критеріи истины, а только предписанія относительно того, что должно *считаться истиннымъ* [1]).

Спрашивается, можно ли говорить при такихъ условіяхъ о какомъ бы то ни было познаніи? Ницше прямо заявляетъ, что мы вообще можемъ не познавать, а только устанавливать наши отношенія къ вещамъ: самые точные пріемы научнаго изслѣдованія не могутъ дать намъ большаго [2]). Но большаго намъ и не нужно: что изъ того, что истина намъ недоступна! Думать, что истина для насъ цѣннѣе лжи—одинъ изъ величайшихъ предразсудковъ; заблужденія нерѣдко въ высшей степени способствуютъ сохраненію человѣческаго рода; напротивъ, многія „истины“ могутъ оказаться въ высшей степени для насъ гибельными; поэтому ложность того или другого сужденія еще не можетъ служить противъ него возраженіемъ: весь вопросъ въ томъ, насколько оно можетъ способствовать сохраненію и возрастанію нашей жизни [3]). Сообразно съ этимъ, предметомъ исканія Философіи во всѣ вѣка была вовсе не истина, а *здоровье*, т.-е. увеличеніе степени нашего могущества [4]).

---

1) Der Wille zur Macht, § 271, B. XV, 276.
2) Die fröhliche Wissenschaft, § 246, B. V, 200.
3) Jenseits von Gut und Böse, § 3, B. VII, 11—12.
4) Die fröhliche Wissenschaft, Vorrede § 2, B. V, 7.

XI.

Для того, кто знаетъ исторію философіи, весь изложенный только что рядъ отрицательныхъ тезисовъ не представляетъ чего-либо новаго. Изъ ученія Гераклита еще въ древности былъ сдѣланъ выводъ, что, разъ въ мірѣ нѣтъ ничего пребывающаго, постояннаго, въ немъ нѣтъ ничего истиннаго: на этомъ основаніи еще ученикъ Гераклита—Кратилъ—пришелъ къ убѣжденію, что всякое человѣческое сужденіе есть ложь. Наконецъ, у софистовъ мы находимъ въ связи съ элементами ученія Гераклита тѣ же положенія: отрицаніе истины, отрицаніе „бытія", отрицаніе возможности познанія, а также—передачи нашихъ понятій посредствомъ рѣчи и, наконецъ,—тоже подчиненіе теоріи практическимъ потребностямъ; съ этимъ связывается утвержденіе, что цѣль нашихъ сужденій—не истина, а увеличеніе нашего могущества.

Какъ сказано, Ницше вполнѣ сознаетъ свое сродство какъ съ Гераклитомъ, такъ и съ софистами: „нашъ нынѣшній образъ мысли,—говоритъ онъ,—является въ высокой степени Гераклитовскимъ, Демокритовскимъ и Протагоровскимъ; достаточно назвать его Протагоровскимъ, такъ какъ Протагоръ объединилъ въ себѣ Гераклита и Демокрита" [1]. Сочувствіе къ софистамъ усиливается здѣсь еще и тѣмъ, что Ницше видитъ въ нихъ не только провозвѣстниковъ истинной теоріи познанія, но и первыхъ имморалистовъ древности [2], предшественниковъ его собственнаго ученія о нравственности. Ученіе софистовъ вообще представляетъ для него высшую точку развитія греческой философіи: послѣ нихъ начинается эпоха упадка [3].

Понятно, что скептицизмъ, доведенный до такой крайности, не можетъ быть послѣдовательнымъ. Всякое логическое отрицаніе есть активное проявленіе нашего разума и по-

---

[1] Der Wille zur Macht, § 233, B. XV, 234.

[2] Ibid.

[3] Ibid, §§ 237, 240, стр. 239, 242.

стольку—самоутвержденіе разума. Когда предметомъ нашего отрицанія становится самый нашъ разумъ, самая наша логика, т.-е. *то самое, что отрицаетъ*, мы впадаемъ въ явное противорѣчіе. Наше сомнѣніе въ мысли изобличается самымъ движеніемъ нашей мысли, которая сомнѣвается. Если вообще всякое наше сужденіе есть ложь, то ложно и сужденіе скептика, который отрицаетъ возможность познанія. Абсолютное сомнѣніе должно въ концѣ концовъ перейти въ отрицаніе самаго сомнѣнія, или, что то же,—въ утвержденіе.

Въ разбираемомъ ученіи мы уже отмѣтили это сочетаніе противоположныхъ крайностей—отрицанія разума и вѣры въ него. Съ этимъ связывается у Ницше противорѣчивое отношеніе къ философіи. Онъ возстаетъ противъ всякаго догматизма, признавая во всякихъ догматахъ, религіозныхъ и философскихъ, проявленіе дѣтства мысли [1]). И, однако, въ его философіи мы находимъ рядъ догматовъ. Онъ признаетъ непознаваемость сущаго; самое понятіе объ „истинно сущемъ“ съ его точки зрѣнія есть иллюзія; и тѣмъ не менѣе мы находимъ у него рядъ положительныхъ утвержденій о сущемъ. Онъ заявляетъ себя врагомъ всякой метафизики; и, однако, не трудно доказать, что у него есть множество метафизическихъ построеній, притомъ—построеній довольно плохого качества.

Во-первыхъ, сущее, какъ мы уже видѣли, опредѣляется у Ницше рядомъ отрицательныхъ положеній: оно безсмысленно, безцѣльно, *въ немъ нѣтъ разума*. Кромѣ того Ницше даетъ ему рядъ положительныхъ опредѣленій: оно есть *безпрерывный процессъ*. Въ устахъ мыслителя, который отрицаетъ возможность познавать какія бы то ни было *вѣчныя истины*, въ особенности странно звучитъ признаніе *вѣчности мірового движенія*, вѣчности круговорота жизни. Вникая глубже въ его мысль, мы увидимъ, что для него вѣченъ не одинъ только процессъ: есть нѣчто пребывающее, что лежитъ въ основѣ самаго процесса и сохраняется во всѣхъ превра-

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse; Vorrede, B. VII, 3.

щеніяхъ вселенной: это—міровая энергія, которая, по ученію Ницше, не возрастаетъ, не уменьшается, *а пребываетъ вѣчно въ одномъ и томъ же количествѣ.* Самое ученіе о вѣчномъ круговоротѣ жизни, о періодическомъ возвращеніи всего существующаго, — одинъ изъ основныхъ тезисовъ философіи Ницше,—выводится имъ, какъ мы видѣли, *изъ закона постоянства или вѣчности міровой энергіи.* Отрицая причинность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пытается свести міровой процессъ къ его первоначальной, вѣчной причинѣ. Первоначальная причина всего мірового развитія, учитъ онъ, сама не подлежитъ развитію и не возникаетъ во времени [1]).

Въ этомъ различеніи между областью преходящаго, измѣнчиваго, съ одной стороны, и вѣчной основой вселенной, съ другой стороны, мы узнаемъ то самое противоположеніе явленія и вещи въ себѣ, которое самъ Ницше призналъ „достойнымъ гомерическаго хохота". Отвергнувши эту противоположность, онъ, однако, продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разсуждать о кажущейся, „феноменальной" сторонѣ мірозданія; при этомъ „феноменальное" онъ противополагаетъ тому, что „не феноменально". По его опредѣленію сущее есть „воля могущества". Всякому атому вещества присуще стремленіе утверждать себя въ пространствѣ, занимать въ немъ мѣсто, вытѣсняя оттуда всѣ прочія частицы вещества; всякому человѣку и всякому живому существу присуще стремленіе не только сохранить, но и умножить свое бытіе, пріобрѣсти возможно большій плюсъ энергіи. Все существующее *стремится къ могуществу.* Воля могущества и есть „сокровенная сущность существующаго" (das innerste Wesen des Seins). Все прочее—феноменально: феноменальны наши представленія о „субъектахъ", „вещахъ" и т. п. „Не феноменаленъ" только первоначальный источникъ всѣхъ міровыхъ явленій [2]). Мы видѣли, что Ницше считаетъ чувства

---

1) Der Wille zur Macht, § 317, B. XV, 339.

2) См. вообще Der Wille zur Macht, §§ 296—324, B. XV; 313—347, въ особенности же 316, 317, 339; ср. Jenseits von Gut und Böse, § 186, B. VII, 115. Опять таки мы имѣемъ здѣсь дѣло съ метафизикою *безсознательною;*

областью „единственно достовѣрнаго“, признавая вѣру въ сверхчувственное признакомъ упадка. И, однако, его метафизика вводитъ насъ всецѣло въ область сверхчувственнаго. Недоступна чувствамъ та міровая энергія, которая производитъ изъ себя все существующее; недоступна чувствамъ и вѣчность существующаго, то безконечное время, въ теченіе котораго совершается міровой процессъ, ибо чувства вообще могутъ воспринимать только ограниченное, преходящее, конечное. Казалось бы, что ученіе Ницше есть совершенный сенсуализмъ, и, однако, у него есть мѣсто, гдѣ онъ высказывается противъ сенсуализма, какъ міросозерцанія вульгарнаго, предостерегая при этомъ противъ безграничнаго довѣрія къ чувствамъ; здѣсь онъ заявляетъ, что наши чувства насъ обманываютъ, что истинно сущее не совпадаетъ со сферою видимаго и осязаемаго; онъ даже съ нѣкоторой симпатіей говоритъ о философіи Платона, которая была во всѣхъ отношеніяхъ аристократической реакціей противъ вульгарнаго культа осязаемаго [1]).

Однимъ словомъ, вся философія Ницше обусловлена примѣненіемъ къ сущему тѣхъ самыхъ категорій разума, которыя онъ отрицаетъ; все его ученіе о познаніи есть безпрерывная борьба между двумя исключающими другъ друга тенденціями. Чтобы вполнѣ понять это ученіе, недостаточно открыть въ немъ противорѣчія: нужно объяснить еще, какъ и почему возникли эти противорѣчія.

Прежде всего, какъ уже было сказано, отрицаніе человѣческаго разума составляетъ необходимое логическое послѣдствіе основныхъ началъ философіи Ницше. Понятно, что философія, которая отрицаетъ существованіе какихъ-либо универсальныхъ цѣлей въ основѣ вселенной, должна отрицать приспособленность человѣческаго разума къ уни-

---

цитированныя мѣста взяты изъ того же посмертнаго сочиненія Ницше, гдѣ онъ отрицаетъ противоположность между вещью въ себѣ и явленіемъ (Der Wille zur Macht, § 279, B. XV, 286); въ этомъ же сочиненіи пространно доказывается невозможность познанія.

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 14, B. VII, 24; ср. § 204, стр. 143—146.

версальной цѣли познанія истины. Вѣра въ человѣческій разумъ уже предполагаетъ *объективную телеологію*, т.-е. то самое, что отрицаетъ Ницше.

Далѣе, познаніе вообще возможно только при томъ условіи, *если сущее можетъ быть выражено въ понятіяхъ разума*. Если сущее представляетъ собою нѣчто безусловно противоположное и чуждое мысли, то оно не можетъ быть выражено въ терминахъ мысли, не можетъ быть познано и понято нами. Всякій актъ познанія предполагаетъ, что тѣ понятія, въ которыхъ оно выражается, не суть только наша субъективная иллюзія, а обладаютъ значеніемъ объективнымъ и всеобщимъ, суть формы самой дѣйствительности, т.-е. формы подлинныхъ явленій сущаго. Иначе говоря, познаніе предполагаетъ, что *мысль лежитъ въ основѣ существующаго*, выражаетъ собою его природу: иначе существующее не укладывалось бы въ формы мысли и было бы абсолютно недоступно познанію.

Наше человѣческое познаніе вообще возможно только въ предположеніи мысли универсальной, все въ себѣ объемлющей. Предположеніе это лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ сужденій, при чемъ безразлично, хотятъ или не хотятъ эти сужденія быть метафизическими, относятся ли они къ сущему или къ явленіямъ сущаго. Когда Кантъ сказалъ, что формы сознанія лежатъ въ основѣ міра явленій, какъ условія его возможности, онъ остановился на полдорогѣ. Нѣтъ явленія безъ сущности, которая является; поэтому, если мы скажемъ, что мысль есть всеобщая и необходимая форма явленій, мы неизбѣжно должны будемъ придти къ выводу, что мысль есть всеобщій предикатъ, всеобщее опредѣленіе сущаго.

Дилемма ставится такимъ образомъ: или существуетъ универсальная мысль, которая объемлетъ въ себѣ все существующее, или же познаніе—вообще невозможно. Ницше избралъ второй терминъ этой дилеммы: разъ онъ отвергъ существованіе универсальной мысли въ основѣ существующаго, онъ долженъ былъ признать и выводъ, необходимо выте-

кающій отсюда,—что всякое человѣческое сужденіе есть ложь.

Ницше понялъ, что вѣра въ человѣческій разумъ покоится на метафизическомъ предположеніи универсальнаго разума *надъ человѣкомъ*. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ отрекся какъ отъ того, такъ и отъ другого. Примѣръ Ницше поучителенъ для насъ и въ другомъ отношеніи: онъ доказываетъ, что въ насъ есть неистребимая, хотя и безотчетная метафизическая вѣра, которая смѣется надъ нашимъ отрицаніемъ. Отрицаніе разума, отрицаніе самой возможности сужденій есть все-таки *сужденіе;* какъ всякое сужденіе, какъ и всякій другой актъ разума, оно предполагаетъ *вѣру въ разумъ*, т.-е. въ то самое, что отрицается.

XII.

Критика современной морали.

Предшествовавшее изложеніе достаточно подготовило насъ къ пониманію того отдѣла ученія Ницше, который самъ онъ считалъ важнѣйшимъ, именно—ученіе о человѣкѣ и его практической задачѣ. „Во всякой философіи“,—говоритъ онъ,—„нравственныя или безнравственныя намѣренія составляютъ то жизненное зерно, изъ котораго выростаетъ все растеніе.“ Философія никогда не бываетъ результатомъ одного чисто теоретическаго интереса: она обусловливается борьбою самыхъ разнообразныхъ практическихъ влеченій въ душѣ философа, всею совокупностью тѣхъ жизненыхъ запросовъ, которые вызываются въ немъ этой борьбою. Поэтому центръ тяжести всякой философіи—въ ея морали, въ ея этикѣ [1]).

По отношенію къ философіи самого Ницше это—какъ нельзя болѣе вѣрно. Всѣ его разсужденія о Богѣ, о мірѣ, о религіи, метафизикѣ и теоріи познанія суть попытки разобраться въ цѣнностяхъ человѣка. *Судъ надъ человѣкомъ* составляетъ основную задачу его мысли.

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 6, B VII; 14—15.

Съ точки зрѣнія самого Ницше этотъ судъ не есть нравственная оцѣнка; ибо философія его, какъ мы уже видѣли, хочетъ быть прежде всего *имморализмомъ*, т. е. совершеннымъ отрицаніемъ нравственности. О нравственномъ долгѣ, всеобщемъ и безусловномъ, можно говорить только въ предположеніи *объективной цѣли*, лежащей въ основѣ развитія вселенной и человѣчества. Разъ такой цѣли нѣтъ, какой можетъ быть смыслъ въ нравственности? „Въ настоящее время“,—говоритъ Ницше, —„мы всюду слышимъ приблизительно слѣдующее опредѣленіе цѣли нравственности: она заключается въ томъ, чтобы сохранять человѣчество и двигать его впередъ; но говорить такъ—значитъ просто-напросто довольствоваться формулами, ибо тотчасъ возникаетъ вопросъ: сохранять *въ чемъ?* двигать впередъ, *куда*? Не опущено ли въ формулѣ самое существенное,—отвѣтъ на эти вопросы—въ чемъ и куда? Можно ли посредствомъ этой формулы установить для ученія объ обязанностяхъ что-нибудь, что не считалось бы уже заранѣе установленнымъ молчаливо и безотчетно? Можно ли усмотрѣть изъ нея съ достаточною ясностью, слѣдуетъ ли стремиться къ возможно продолжительному существованію человѣчества, или къ возможно большему отрѣшенію отъ животности? Какъ различны будутъ въ обоихъ этихъ случаяхъ средства, т. е. практическая мораль! Положимъ, что мы хотимъ сообщить человѣчеству возможно высшую для него разумность: это, конечно, не значило бы гарантировать ему возможно продолжительный срокъ существованія. Или допустимъ, что „высшее счастіе“ человѣчества служитъ для насъ послѣднею цѣлью! Но что подразумѣвать подъ этимъ, высшую ли ступень счастія, которой постепенно могутъ достигнуть отдѣльные люди, или возможно бо́льшее среднее счастіе всѣхъ, которое, впрочемъ, не поддается вычисленію? И почему именно нравственность должна привести къ этому? Вѣдь благодаря ей въ общемъ открылось такъ много источниковъ неудовольствія, что скорѣе можно было бы думать, что каждое усовершенствованіе нравственности до сихъ

поръ дѣлало человѣка менѣе довольнымъ собою, ближнимъ и своею участью въ жизни! Развѣ наиболѣе нравственные люди не думали до сихъ поръ, что глубокое несчастіе есть единственное состояніе человѣка, которое можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія нравственности?“ [1])

За отсутствіемъ у человѣчества безусловной цѣли нелѣпо говорить о долгѣ, обращаться къ людямъ съ какими бы то ни были нравственными требованіями [2])! Нѣтъ такихъ предписаній, которыя могли бы имѣть всеобщее значеніе [3]): разъ нѣтъ *всеобщей цѣли,* не можетъ быть и всеобщаго законодательства, *нѣтъ единаго пути* для всѣхъ людей. „Таковъ мой путь“, говоритъ Заратустра,—„а гдѣ же вашъ путь, такъ отвѣчалъ я вопрошавшимъ меня о пути. Того пути, о которомъ вы меня спрашиваете, нѣтъ вовсе“ [4]).

При этихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о какихъ бы то ни было *нравственныхъ фактахъ.* „Нравственное сужденіе“,—говоритъ Ницше,—„сходится съ сужденіемъ религіознымъ въ томъ, что оно вѣритъ въ несуществующія реальности. Мораль есть только истолкованіе опредѣленныхъ явленій, точнѣе говоря, ложное истолкованіе. Нравственное сужденіе, какъ и религіозное, относится къ той ступени невѣжества, когда отсутствуетъ самое понятіе реальнаго, самое различеніе между дѣйствительнымъ и воображаемымъ; такъ что на этой ступени развитія слово „истина“ обозначаетъ только то, что мы теперь называемъ „фантазіями“ [5]). Самыя наши нравственныя намѣренія покоятся на заблужденіи, а потому та традиціонная мораль, которая оцѣниваетъ человѣческія дѣйствія по вызвавшимъ ихъ намѣреніямъ—такой же предразсудокъ, какъ астрологія или алхимія [6]).

По Ницше коренное заблужденіе большинства современ-

---

[1]) Morgenröthe, § 106, B. IV, 100—101.

[2]) Morgenröthe, § 107, IV, 100—101.

[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 221, B. VII, 174—175; Der Wille zur Macht, § 11, VIII, 226.

[4]) Also sprach Zarathustra, VI, 286.

[5]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 102.

[6]) Jenseits von Gut und Böse, § 32, VII, 52—53.

ныхъ ученій о нравственности заключается въ томъ, что, отвергнувъ христіанство, они считаютъ возможнымъ оправдать христіанскую мораль. На самомъ дѣлѣ оно вовсе не такъ. „Отказываясь отъ христіанской вѣры, мы тѣмъ самымъ отнимаемъ у себя право на христіанскую мораль". „Христіанство представляетъ собою систему, продуманное и цѣлостное міровоззрѣніе. Если мы отбросимъ основное его понятіе—понятіе Бога, мы тѣмъ самымъ разрушимъ цѣлое: у насъ уже не останется ничего необходимаго подъ руками" [1]).

Въ этомъ замѣчаніи заключается руководящая нить всей критической работы Ницше въ области этики. Разбирая шагъ за шагомъ основныя понятія современной морали, онъ доказываетъ, что они ничѣмъ не могутъ быть оправданы въ эпоху, пережившую религіозныя вѣрованія.

Критика современной морали для него прежде всего—критика альтруизма. Нравственнымъ въ настоящее время признается человѣкъ, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится симпатическими влеченіями, состраданіемъ и безкорыстною любовью къ ближнему. При всемъ различіи въ способахъ обоснованія морали, большинство современныхъ моралистовъ приблизительно одинаково понимаетъ самое содержаніе основныхъ ея требованій: почти всѣ согласны въ томъ, что личность должна отречься отъ себя, жить для другихъ, для общества какъ цѣлаго. Счастіе индивида съ этой точки зрѣнія заключается въ наилучшемъ его приспособленіи къ общественнымъ потребностямъ, въ томъ, чтобы служить орудіемъ общаго благополучія: какъ будто основная задача нравственности заключается именно въ томъ, чтобы отнять у личности всякую самостоятельность" [2]).

Міровоззрѣніе самого Ницше первоначально сложилось подъ вліяніемъ Шопенгауэра, краснорѣчивѣйшаго изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ состраданія. Когда это вліяніе было имъ пережито, его возстаніе противъ альтруистиче-

[1]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 120.
[2]) Morgenröthe, § 132, B. IV, 133—135.

ской морали выразилось прежде всего въ полемикѣ противъ нравственнаго ученія Шопенгауэра [1]).

По Шопенгауэру сущность состраданія сводится къ самозабвенію личности. Въ состраданіи мы отождествляемъ себя съ другимъ страждущимъ существомъ; поэтому состраданіе есть какъ бы актъ прозрѣнія въ *единство* всего существующаго. Ощущая чужія страданія какъ свои собственныя, мы тѣмъ самымъ отрѣшаемся отъ границъ нашей индивидуальности, перестаемъ жить личною жизнью: мы чувствуемъ, что единая міровая сущность, единая воля во всѣхъ существахъ томится и страдаетъ.

Рядомъ аргументовъ Ницше доказываетъ несостоятельность всего этого психологическаго анализа состраданія. Въ состраданіи личность никогда не забывается. Между тѣмъ, что́ мы чувствуемъ при видѣ страданія и тѣмъ, что́ ощущаетъ нашъ страждущій ближній, нѣтъ ни тожества, ни даже однородности. „Чужая бѣда оскорбляетъ насъ; она изобличила бы насъ въ слабости, можетъ быть, и въ трусости, если бы мы не рѣшились ей помочь. Иногда она влечетъ за собою умаленіе нашей чести въ нашихъ собственныхъ глазахъ или въ глазахъ другихъ. Подчасъ въ чужомъ несчастіи и страданіи заключается указаніе на опасность, намъ угрожающую; и уже въ качествѣ доказательства непрочности и небезопасности человѣческой жизни вообще оно можетъ дѣйствовать на насъ подавляющимъ образомъ. Отдѣлываясь отъ этого рода тягостныхъ и оскорбительныхъ чувствъ, мы отплачиваемъ за нихъ дѣйствіемъ состраданія; въ немъ заключается утонченная самозащита или даже месть“.

---

[1]) Госпожа *Lou Andreas Salomé* (Friedrich Nietzsche in seinen Werken, стр. 130) находитъ, что серединный періодъ творчества Ницше въ отличіе отъ послѣдующаго характеризуется сочувствіемъ къ морали состраданія и прославленіемъ благожелательныхъ стремленій. Между тѣмъ самъ Ницше въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій говоритъ, что какъ разъ въ ту пору полемика противъ морали состраданія и развѣнчаніе альтруизма вообще было важнѣйшей его задачей. Доказательствомъ служатъ приводимыя тутъ же цитаты изъ обоихъ томовъ, „Menschliches“ и Morgenröthe. См. Zur Genealogie der Moral, §§ 4, 5, B. VII, стр. 291—293.

Словомъ, въ актѣ состраданія мы стремимся отдѣлаться отъ *собственнаго* нашего страданія, которое не имѣетъ ничего общаго съ чужимъ. Наконецъ, къ акту состраданія примѣшивается иногда еще и наше *удовольствіе*. Вопервыхъ, сильная эмоція уже сама по себѣ служитъ источникомъ наслажденія, что̀ сказывается, напримѣръ, въ томъ впечатлѣніи, которое производитъ на насъ трагедія; наконецъ, самый актъ помощи другому можетъ служить для насъ источникомъ разнообразныхъ удовольствій, потому ли, что онъ даетъ исходъ накопившемуся въ насъ избытку энергіи, или потому, что онъ льститъ нашему тщеславію или разгоняетъ нашу скуку. Что въ состраданіи мы не забываемъ себя, а, напротивъ, очень сильно о себѣ думаемъ, доказывается между прочимъ слѣдующимъ: во многихъ случаяхъ мы просто могли бы отвернуться отъ чужого страданія, уйти отъ него; если мы этого не дѣлаемъ, а, напротивъ того, бросаемся на помощь страждущему, мы тѣмъ самымъ доказываемъ, что помнимъ о себѣ, утверждаемъ себя [1])

Если бы въ состраданіи человѣкъ отрѣшался отъ всего личнаго, индивидуальнаго, то онъ возвышался бы до полнаго пониманія чужого страданія. Между тѣмъ, какъ разъ наоборотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ состраданіи обнаруживается грубое непониманіе. Непонятными и недоступными для другихъ остаются обыкновенно самыя глубокія, самыя личныя наши страданія. Когда наше страданіе замѣчается другими, оно обыкновенно самымъ плоскимъ образомъ истолковывается; „существенная черта сострадательной эмоціи заключается именно въ томъ, что она совлекаетъ съ чужого страданія все то, что въ немъ есть личнаго, особеннаго“. Отсюда—оскорбительность благодѣяній. Благодѣтели, которые не понимаютъ источника нашихъ страданій, оскорбляютъ и унижаютъ наше достоинство болѣе, нежели враги [2]).

[1]) Menschliches, Allzumenschliches, § 103 B. II, 105—106; Morgenröthe, § 133, B. IV, 135—138.

[2]) Die fröhliche Wissenschaft, § 338, B. V, 260.

Если, такимъ образомъ, состраданіе не есть проникновеніе въ чужое страданіе, то оно представляетъ собою простое *удвоеніе страданія* [1]). Когда мы возводимъ состраданіе въ основной принципъ нашей морали, мы тѣмъ самымъ превращаемъ его въ аффектъ, губительный для жизни. Поскольку состраданіе дѣйствительно является источникомъ страданія, оно вредно какъ всякая слабость; та польза, которую оно приноситъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, не можетъ оправдать его, ибо въ общемъ оно увеличиваетъ страданіе въ мірѣ. Если бы оно хоть на одинъ день стало господствующимъ чувствомъ, то человѣчество должно было бы тотчасъ же погибнуть. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы въ жизни господствовало такое правило: „ощущай страданія ближнаго такъ, какъ онъ самъ ихъ ощущаетъ.“ Если бы это правило стало для насъ дѣйствительностью, если бы мы въ самомъ дѣлѣ могли безпрерывно ощущать всю тяжесть страданій не только нашего, но и всякаго другого человѣческаго „я“, то мы не могли бы выдержать жизни даже въ теченіе самаго короткаго срока [2]).

Въ противоположность тѣмъ тоническимъ аффектамъ, которые повышаютъ жизненную энергію, состраданіе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на наше самочувствіе. Страданіе уже само по себѣ связано съ утратой жизненной силы; состраданіе влечетъ за собой новое и значительное увеличеніе этой утраты. Понятно, что проповѣдь состраданія соединилась съ пессимистическимъ ученіемъ Шопенгауэра: состраданіе есть *отрицаніе жизни*; оно представляетъ жизнь достойною отрицанія; оно убѣждаетъ насъ стремиться къ ея уничтоженію. Впрочемъ, всеобщее уничтоженіе рѣдко возводится въ принципъ съ полною откровенностью: обыкновенно оно прикрывается такими словами, какъ „Богъ“ „истинная жизнь“, „нирвана“, „спасеніе“, „блаженство“; по Ницше общій смыслъ всѣхъ этихъ утѣшительныхъ словъ религіи и морали есть осужденіе, отрицаніе жизни; корень

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 30, B. VII, 49—50.
[2]) Morgenröthe, §§ 134, 137, B. IV, 138—139, 141.

же всего этого враждебнаго жизни направленія заключается въ состраданіи.

Умножая страданіе въ мірѣ, состраданіе кромѣ того увеличиваетъ и самое количество страждущихъ: въ общемъ оно парализуетъ дѣйствіе основного закона развитія—закона естественнаго подбора. Оно сохраняетъ все то, что уже готово къ погибели: оно отдаляетъ конецъ обездоленныхъ и осужденныхъ жизнью; искусственно поддерживая существованіе всевозможныхъ неудачниковъ, оно тѣмъ самымъ придаетъ жизни болѣе мрачный и сомнительный видъ [1]).

Самый фактъ состраданія есть доказательство упадка, ослабленія жизненной энергіи. Разслабленный, выродившійся человѣкъ нашего времени не въ силахъ стоять на собственныхъ ногахъ, ему безконечно трудно поддерживать свое существованіе; и вотъ онъ нуждается въ „состраданіи“ ближняго. Всѣ мы помогаемъ другъ другу; каждый сталъ до извѣстной степени больнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—сидѣлкою у постели больного. И это называется „добродѣтелью“! Между людьми, которые знали жизнь иною—обильною, полною, расточительною, это называлось бы иначе—„трусостью“, или, быть можетъ,—„низостью“, „бабьей моралью“. Самое размягченіе нашихъ нравовъ есть послѣдствіе упадка. Напротивъ, жесткость и опасность нравовъ есть послѣдствіе избытка жизненной силы. Сильныя эпохи, благородныя культуры видятъ въ состраданіи, въ „любви къ ближнему“ въ отсутствіи самоутвержденія и самочувствія нѣчто достойное презрѣнія. Самая популярность Шопенгауэровой морали „состраданія“ есть доказательство характерическаго для нашей эпохи вырожденія человѣческаго типа [2]).

XIII.

Признакомъ упадка является не одна только мораль состраданія, но и всякая вообще мораль, поскольку она заклю-

[1]) Der Wille zur Macht, § 7, B. VIII, 221—223.
[2]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 146—147.

чаетъ въ себѣ долю альтруизма. Мораль всегда и вездѣ выражается въ той или другой оцѣнкѣ и, слѣдовательно, въ установленіи извѣстнаго іерархическаго порядка по отношенію къ человѣческимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ. Въ этихъ оцѣнкахъ сказываются потребности каждаго даннаго общества: то что полезно для него вопервыхъ, вовторыхъ и въ третьихъ, то и служитъ высшимъ критеріемъ для опредѣленія цѣнности каждаго отдѣльнаго человѣка. Мораль пріучаетъ личность быть *функціей стада* и цѣнить себя только въ качествѣ такой функціи. Такъ какъ условія сохраненія для различныхъ обществъ весьма различны, то существовало множество различныхъ моралей; въ виду предстоящихъ въ будущемъ превращеній человѣческихъ обществъ можно предсказать, что и впредь будетъ много отклоняющихся другъ отъ друга нравственныхъ воззрѣній [1]).

Соотвѣтственно съ этимъ нашъ современный культъ альтруизма выражаетъ собой не вѣчный нравственный принципъ, а специфическую стадію развитія, именно—состояніе общества извращеннаго, испорченнаго. Въ своихъ сужденіяхъ о человѣкѣ Ницше хочетъ стоять внѣ нравственной точки зрѣнія, а потому въ его устахъ такія слова какъ „извращеніе“, „упадокъ“, „порча“ и т. п. не означаютъ нравственнаго осужденія. „Я называю испорченнымъ,“ говоритъ онъ,—„всякое животное, родъ или индивидъ, когда онъ утратилъ свои инстинкты, когда онъ избираетъ то, что для него вредно“. Полезно для всякаго живого существа увеличеніе могущества, вредно—его уменьшеніе; когда въ индивидѣ слабѣетъ стремленіе къ могуществу, онъ находится на пути къ упадку [2]).

Съ этой точки зрѣнія Ницше возстаетъ противъ альтруистической морали: она осуждаетъ въ человѣкѣ именно то его стремленіе, которое служитъ залогомъ его преуспѣянія, его эгоизмъ, его себялюбіе. Напротивъ, она считаетъ достойнымъ похвалы все то, что вредитъ его развитію.

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 116, B. V, 156.
[2]) Der Wille zur Macht, VIII, 220—221.

Такъ, напримѣръ, мы хвалимъ прилежаніе, несмотря на то, что оно портитъ зрѣніе, повреждаетъ свѣжесть и воспріимчивость духа; мы уважаемъ того юношу, который заработался себѣ во вредъ; мы превозносимъ вообще всѣ тѣ дѣйствія и качества, которыя, будучи вредными для личности, создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ типъ, представляющійся намъ полезнымъ для общества; общественной пользой мы готовы оправдать всякія жертвы личности: мы желаемъ воспитать въ ней настроеніе жертвеннаго животнаго. Напротивъ того, мы съ ужасомъ смотримъ на всякаго человѣка, который хочетъ жить для себя, ставитъ свое сохраненіе и развитіе выше служенія обществу [1]).

Спрашивается, вытекаетъ ли, по крайней мѣрѣ, такая точка зрѣнія изъ принципа *общественной* пользы, необходима ли она въ интересахъ *сохраненія рода*? Знакомство съ исторіей убѣждаетъ въ противоположномъ: оно доказываетъ, что именно себялюбивыя стремленія были наиболѣе сильными двигателями человѣчества; чтобы человѣчество росло и крѣпло, для этого необходимо зло, тѣ опасности, которыя закаляютъ волю, тѣ сильныя страсти, безъ коихъ человѣкъ неспособенъ создать чего-либо великаго: властолюбіе, зависть, корыстолюбіе, насиліе, злоба,—все это качества, въ такой же мѣрѣ необходимыя для возвышенія человѣческаго рода, какъ и противоположныя имъ качества [2]). Всматриваясь въ жизнь лучшихъ людей и наиболѣе могущественныхъ народовъ, мы увидимъ, что самыя бури и непогоды необходимы для возрастанія ихъ величія и мощи [3]).

Наиболѣе сильные и злые люди всегда были главными

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 21, B. V, 58—59. Аналогичныя воззрѣнія высказываются уже въ произведеніяхъ, относимыхъ обыкновенно къ серединному періоду дѣятельности Ницше. См. напр. Menschliches Allzumenschliches, § 89, B. III, стр. 49; здѣсь ученіе, предпочитающее пользу общественную пользѣ личной, называется „философіей жертвеннаго животнаго". Можно и помимо этого привести много цитатъ въ опроверженіе высказываемаго иногда мнѣнія, будто въ эту эпоху Ницше сочувствовалъ утилитарной морали.

[2]) Jenseits von Gut und Böse, §§ 23, 44, стр. 36, 65.

[3]) Die fröhliche Wissenschaft, § 19, B. V, 57.

двигателями человѣчества. Они зажигали въ обществѣ уснувшія страсти, пробуждали въ немъ духъ сравненія и противорѣчія, борьбу мнѣній и идеаловъ, исканіе новаго и неиспытаннаго. Они дѣлали это, поднимая оружіе, опрокидывая пограничные камни, оскорбляя завѣтныя святыни. Та же „злоба“, которая дѣлаетъ ненавистнымъ завоевателя, есть и въ каждомъ учителѣ, въ каждомъ проповѣдникѣ новаго, хотя здѣсь ея проявленія болѣе утонченны. Новое при всякихъ условіяхъ есть злое: ибо оно есть именно то, что хочетъ завоевывать, опрокидывать старыя границы и святыни. Доказанная исторіей полезность зла служитъ, по Ницше, лучшимъ опроверженіемъ современной утилитарной морали: послѣдняя ошибочно отожествляетъ доброе съ цѣлесообразнымъ и полезнымъ, а злое—съ нецѣлесообразнымъ и вреднымъ [1]). Въ концѣ концовъ нравственность—не что иное, какъ *послушаніе нравамъ*; напротивъ, злое—то же, что непредвидѣнное, необычное [2]). Отсюда ясно, что уничтоженіе зла было бы равнозначительнымъ увѣковѣченію обычая, т.-е. прекращенію всякаго прогрессивнаго движенія. Великія эпохи нашей жизни начинаются съ того момента, когда у насъ хватаетъ мужества признать злое за лучшее, что въ насъ есть [3]). Все великое заключаетъ въ себѣ преступленіе; велико только то, что стоитъ внѣ морали [4]).

Полезно не только зло, полезно и страданіе; въ этомъ заключается опроверженіе той гедонистической морали, которая полагаетъ цѣль жизни въ устраненіи страданій и въ достиженіи возможно большей суммы удовольствій. „Вы хотите по возможности уничтожить страданія,—говоритъ Ницше,—и какъ безумно это „по возможности“; а мы, на-

---

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 4, B. V, 41—42.

2) Morgenröthe, § 9, B. IV, 16. Тутъ опять-таки противоположная утилитаризму точка зрѣнія высказывается въ произведеніи, относимомъ къ „серединному періоду“.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 116, B. VII, 101.

4) Der Wille zur Macht, § 428, B. XV, 447.

противъ, предпочитаемъ, чтобы оно было сильнѣе и хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Благополучіе, какъ вы его понимаете, вѣдь это съ нашей точки зрѣнія не цѣль, а конецъ. Это—то состояніе, которое тотчасъ дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ, достойнымъ презрѣнія, заставляетъ насъ желать его уничтоженія. Школа страданія, великаго страданія, развѣ вы не знаете, что только эта школа и создавала доселѣ всякое величіе человѣка? Изобрѣтательность, выносливость, мужество, все, что есть въ нашей душѣ таинственнаго и глубокаго, нашъ умъ и хитрость, все это воспитывается страданіемъ, несчастіемъ и опасностями [1]).

Отсюда вытекаетъ тотъ основной упрекъ, который Ницше дѣлаетъ современной морали: она принижаетъ и умаляетъ человѣка, задерживаетъ его ростъ, ибо основное ея побужденіе—страхъ передо всѣмъ тѣмъ, что выдается надъ общимъ уровнемъ посредственности. Въ этомъ именно и заключается тайна моднаго въ наши дни принципа „сочувствія къ ближнему“; вся задача современной морали сводится къ тому, чтобы отнять отъ жизни всю ту опасность, которая прежде была ей присуща. Съ этой точки зрѣнія понимаются какъ „добрыя“ только тѣ дѣйствія, которыя направлены къ цѣли общественной безопасности и общественнаго спокойствія. Устраняя такимъ образомъ изъ жизни всякія шероховатости и неровности, мы находимся на пути къ тому, чтобы превратить человѣчество въ песокъ, мелкій, круглый, мягкій и безконечный песокъ [2]).

Если мы покопаемся въ совѣсти современнаго европейца, то во всякомъ ея закоулкѣ, во всякой складкѣ современнаго нравственнаго сознанія мы найдемъ одинъ и тотъ же императивъ стадной боязливости: „мы хотимъ, чтобы когда-нибудь больше нечего было бояться!“ Стремленіе къ этой цѣли называется въ настоящее время прогрессомъ! А было время, когда люди думали иначе. Въ тѣ дни, когда закла-

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 225, B. VII, 180—181.
[2]) Morgenröthe, § 174, B. IV, 170—171.

дывались основы человѣческихъ обществъ, когда народамъ приходилось преодолѣвать множество внѣшнихъ опасностей, бороться противъ безчисленныхъ внѣшнихъ враговъ,—стадный инстинктъ побуждалъ цѣнить болѣе опасныя качества человѣческой природы, ибо въ тѣ дни ихъ полезность для стада была очевидна. Во времена римской республики, напримѣръ, почиталась какъ добродѣтель не любовь къ ближнему, а предпріимчивость, безумная отвага, жажда мести, коварство, алчность, властолюбіе; само собою разумѣется, что эти качества назывались тогда другими именами; но тѣмъ не менѣе именно они возвеличивались и прославлялись. Когда же основы человѣческихъ обществъ упрочились и внѣшняя опасность ослабла, страхъ передъ ближнимъ взялъ верхъ надо всѣмъ и открылъ новыя перспективы для нравственныхъ оцѣнокъ. Тогда общество ощутило опасность тѣхъ самыхъ человѣческихъ качествъ, которыя прежде цѣнились, и начало клеймить ихъ какъ безнравственныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошли въ почетъ и пріобрѣли значеніе добродѣтелей противоположныя качества: люди стали преклоняться передо всѣмъ тѣмъ, что только есть посредственнаго и безопаснаго въ человѣческихъ желаніяхъ, стремленіяхъ, мнѣніяхъ и даже дарованіяхъ. Теперь всякая умственная независимость, нежеланіе итти съ другими, даже выдающійся умъ ощущается какъ опасность. Отнынѣ все то, что возвышается надъ стадомъ и причиняетъ ближнему страхъ, называется злымъ; почетомъ въ современномъ обществѣ пользуются „ягнята и бараны“ [1]). Современная европейская мораль—не болѣе и не менѣе, какъ „мораль стадныхъ животныхъ“ [2]). Она превратила человѣка изъ дикаго животнаго въ „ручное, домашнее“; благодаря ей исчезаютъ въ наши дни послѣдніе слѣды прежняго величія, остатки того, чѣмъ былъ нѣкогда человѣкъ [3]).

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 201. B. VII, 132—134.
[2]) Ibid., § 202, стр. 135.
[3]) Ibid., § 52, стр. 77.

Въ настоящее время „добрымъ“ почитается тотъ, кто не насилуетъ, не оскорбляетъ, не нападаетъ на другого, не мститъ, а предоставляетъ месть Богу, кто прячется, уклоняется отъ встрѣчи со злыми и вообще мало требуетъ отъ жизни. Такъ поступаютъ всѣ „кроткіе, смиренные праведники“. Говоря безъ предубѣжденія, это значитъ иными словами: „мы слабы, и, разъ мы слабы, намъ лучше не дѣлать того, для чего мы недостаточно сильны“. Но не такъ ли точно поступаютъ тѣ насѣкомыя, которыя прикидываются мертвыми, когда приближается опасность, чтобы не брать на себя слишкомъ многаго! Такова ложь и фальшь безсилія, что оно изображаетъ себя какъ добродѣтель добровольнаго смиренія и самоотреченія [1]). Наклонность всѣхъ позднихъ цивилизацій, въ томъ числѣ и нашей европейской, выражается въ той пословицѣ, которая съ дѣтства внушается китайцамъ: „дѣлай твое сердце маленькимъ“ [2]).

Въ доброжелательныхъ стремленіяхъ выражается прежде всего поглощеніе личности обществомъ. Говоря языкомъ физіологіи, это значитъ, что одна клѣточка—личность—превратилась въ функцію болѣе могущественной клѣточки—общества: послѣдняя ассимилируетъ себѣ первую. Говорить по этому поводу о добрѣ и злѣ, о добродѣтели и порокѣ совершенно неумѣстно, ибо мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ естественной необходимости, которая подлежитъ не нравственной оцѣнкѣ, а физіологическому объясненію. Одна клѣточка подчиняется, другая же господствуетъ не потому, что одна изъ нихъ добра, другая же—зла, а потому, что какъ подчиненіе, такъ и господство вытекаетъ изъ природы обѣихъ [3]). Всѣ вообще наши нравственныя понятія и правила, всѣ скрижали нашихъ цѣнностей имѣютъ свою физіологическую подкладку, которая должна быть выяснена наукою [4]).

---

1) Zur Genealogie der Moral, § 7, B. VII, 328.
2) Jenseits von Gut und Böse, § 267, B. VII, 253.
3) Die fröhliche Wissenschaft, § 118, B. V, 157—158.
4) Zur Genealogie der Moral, § 17, B. VII, 338.

XIV.

Происхожденіе морали.

Мораль физіологически сильныхъ расъ существенно отличается отъ морали расъ слабыхъ и выродившихся. Въ этомъ заключается исходная точка ученія Ницше *о происхожденіи морали.*

Въ концѣ концовъ люди раздѣляются на животныхъ хищныхъ и домашнихъ,—орловъ и ягнятъ,—господствующихъ и подчиненныхъ. Есть расы, по природѣ предназначенныя къ господству: въ основѣ этихъ аристократическихъ расъ всегда лежитъ хищникъ, „бѣлокурая бестья", которая стремится къ побѣдѣ и добычѣ [1]). Другія человѣческія породы, напротивъ того, въ силу врожденныхъ своихъ качествъ неизбѣжно должны *стать добычею.* Этимъ двумъ основнымъ типамъ человѣческаго рода соотвѣтствуютъ два типа морали—*мораль господъ и мораль рабовъ.*

Среди смѣшанныхъ человѣческихъ обществъ, заключающихъ въ себѣ элементы аристократическіе и демократическіе, нравственныя понятія представляютъ собою нерѣдко смѣшеніе этихъ противоположныхъ типовъ. Тѣмъ не менѣе типы эти остаются первоначальными и основными. Всѣ вообще нравственныя оцѣнки возникли или въ средѣ господствующихъ, которые преисполнены сознаніемъ своего превосходства надъ низшими, или въ средѣ подчиненныхъ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. когда понятіе добра устанавливается господами, имъ обозначается все то, что отдѣляетъ высшихъ отъ низшихъ, всѣ тѣ состоянія души, которыя возвышаютъ надъ массою, установляютъ разстояніе, іерархическій порядокъ между людьми. Тутъ аристократія становится синонимомъ благородства, чернь—синонимомъ низости. Противоположность „хорошаго и дурного" сводится къ противоположности „благороднаго и достойнаго презрѣнія",—подлаго.

---

[1]) Ibid., I § 11, стр. 322.

Съ точки зрѣнія этой морали господъ клеймится презрѣніемъ все то, что считается свойствомъ „низшихъ“, напримѣръ,—трусость, мелочность, узкое пониманіе пользы; предметомъ отвращенія служитъ та собачья покорность, съ которою „низшій“ человѣкъ относится къ униженіямъ, лесть и нищенство, въ особенности же—ложь. Всѣ аристократы убѣждены въ лживости простого народа. „Мы—правдивые“,—такъ величали себя аристократы въ древней Греціи. Первоначальныя нравственныя оцѣнки относятся здѣсь собственно не къ дѣйствіямъ, а къ людямъ. Вся аристократическая мораль есть прославленіе опредѣленнаго класса людей, иначе говоря—самопрославленіе. Аристократія сознаетъ себя источникомъ всего добраго и цѣннаго; хорошими она признаетъ только себѣ равныхъ; дурнымъ она почитаетъ все то, что *для нея* дурно. Во всемъ ея настроеніи проявляется чувство полноты, избытка мощи, которая стремится прорваться наружу. Такому аристократическому пониманію нравственности чуждо состраданіе; зато ему присуща та щедрость, которая обусловливается избыткомъ богатства и могущества. Наиболѣе типическая и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе чуждая нашему вѣку черта аристократической морали заключается въ томъ, что она признаетъ обязанности только по отношенію къ равнымъ: по отношенію къ низшимъ существамъ она открываетъ безграничный просторъ усмотрѣнію и произволу.

Второй типъ морали—*мораль рабовъ*, во всемъ противоположенъ первому. Представимъ себѣ, что законодателями въ области нравственности становятся люди угнетенные, пришибленные, страждущіе, несвободные, неувѣренные въ себѣ и усталые. Въ чемъ будетъ заключаться нравственная оцѣнка, соотвѣтствующая ихъ положенію? По всей вѣроятности въ ней выразится пессимистическое настроеніе, разочарованіе во всей человѣческой жизни, осужденіе человѣка и его положенія въ мірѣ. Рабъ неблагопріятно судитъ о добродѣтели сильныхъ: онъ относится съ недовѣріемъ ко всему тому, что у нихъ почитается за добро; онъ хочетъ

увѣрить себя даже въ томъ, что у нихъ нѣтъ истиннаго счастія. Наоборотъ, онъ высоко цѣнитъ всѣ тѣ качества, которыя облегчаютъ существованіе страждущаго: это прежде всего—состраданіе, рука, готовая къ помощи, горячее сердце, терпѣніе, прилежаніе, смиреніе: все это—наиполезнѣйшія качества, безъ коихъ самая жизнь была бы нестерпимою.

Мораль рабовъ есть по существу *мораль пользы*. Здѣсь впервые возникаетъ противоположность добра и зла, которая, строго говоря, представляется чуждою аристократической морали. Зломъ тутъ почитается прежде всего сила, все опасное и страшное, все то, что не допускаетъ къ себѣ презрѣнія. Съ точки зрѣнія морали рабовъ „злой“ вызываетъ страхъ; напротивъ, мораль господъ считаетъ хорошимъ именно того, кто *внушаетъ* страхъ, а дурными тѣхъ, кто внушаетъ презрѣніе. Понятно, что морали рабовъ присуща любовь къ свободѣ, тогда какъ мораль господъ характеризуется, напротивъ того, почтеніемъ къ общественной іерархіи, преклоненіемъ передъ рангомъ [1]).

Мораль рабовъ есть именно та точка зрѣнія, которая господствуетъ въ наше время. Нравственное міровоззрѣніе нашихъ дней представляетъ собою историческій результатъ борьбы двухъ противоположныхъ идеаловъ, двухъ противоположныхъ оцѣнокъ жизни. Въ борьбѣ господъ и рабовъ Ницше видитъ основной мотивъ всей европейской исторіи. Этой борьбой онъ объясняетъ не только генезисъ нравственности, но и образованіе религіи, философскихъ системъ, идеаловъ соціальныхъ и политическихъ. Языческая древность для него—по существу воплощеніе аристократическаго идеала; напротивъ, іудейство и христіанство—олицетвореніе всего, что только есть рабскаго; въ этихъ міровыхъ религіяхъ, возвѣстившихъ „равенство людей передъ Богомъ“ выразилось, по его мнѣнію, „возстаніе рабовъ

[1]) Zur Genealogie der Moral, VII, 239—243. Первую попытку выяснить зависимость различныхъ типовъ морали отъ классовыхъ противоположностей мы находимъ уже въ Menschliches Allzumenschliches, § 45, B. II, 68—69.

противъ господъ". Крушеніе языческаго Рима, господство церкви въ средніе вѣка, побѣда реформаціи надъ языческимъ духомъ эпохи Возрожденія, паденіе имперіи Наполеона I и наступившее послѣ того господство демократическихъ тенденцій въ европейской жизни,—все это—различныя стадіи того историческаго процесса, который въ наши дни привелъ къ окончательному торжеству рабовъ—массы слабыхъ надъ меньшинствомъ сильныхъ.

Мнѣ нѣтъ надобности вдаваться въ подробное изложеніе чисто историческихъ воззрѣній Ницше; но для критической оцѣнки его міровоззрѣнія представляется существенно важнымъ отмѣтить основную тенденцію его философіи исторіи; тенденція эта заключается въ сведеніи историческаго процесса развитія Европы *къ процессу классовой борьбы*, при чемъ противоположность классовъ соотвѣтствуетъ физіологической, или, точнѣе говоря, антропологической противоположности слабыхъ и сильныхъ расъ.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить точку соприкосновенія ученія Ницше съ міровоззрѣніемъ Карла Маркса, который въ другихъ отношеніяхъ представляется совершеннымъ антиподомъ нашего философа. Философія исторіи Ницше есть своего рода „историческій матеріализмъ". Она сходится съ марксизмомъ въ отрицаніи абсолютныхъ нравственныхъ принциповъ, въ отрицаніи идей какъ перводвигателей исторіи, въ объясненіи морали—классовыми противоположностями. Ницше могъ бы подписаться подъ положеніемъ Маркса и Энгельса, что человѣческіе идеалы—нравственные, религіозные, соціальные и политическіе суть „отраженія классовой борьбы въ человѣческихъ головахъ", „рефлексы соціальныхъ отношеній".

Любопытнѣе всего, что эти общіе обоимъ мыслителямъ философско-историческіе принципы приводятъ ихъ къ діаметрально противоположнымъ оцѣнкамъ конкретной исторической дѣйствительности и къ оправданію діаметрально противоположныхъ практическихъ стремленій. Ницше ненавидитъ христіанство, главнымъ образомъ, какъ *оплотъ демо-*

кратизма, какъ классическое выраженіе религіозной вѣры и морали „рабовъ“. Напротивъ, Марксу христіанство ненавистно по другимъ причинамъ: онъ видитъ въ немъ прежде всего орудіе эксплоатаціи низшихъ высшими, оплотъ капитализма, „отображеніе товарнаго производства“; съ своей стороны онъ скорѣе могъ бы назвать христіанство „міровоззрѣніемъ господъ“. Сходныя во многомъ начала историческаго матеріализма служатъ у Маркса обоснованіемъ соціалистическаго идеала, у Ницше, напротивъ, — орудіемъ ниспроверженія демократіи. Для Маркса историческій матеріализмъ есть прежде всего „философія пролетаріата“; у Ницше онъ служитъ опорою аристократическаго идеала. Оба мыслителя видятъ въ исторіи проявленіе безсмысленной, слѣпой силы. Но на этомъ основаніи одинъ изъ нихъ вѣритъ въ грядущее торжество массоваго могущества пролетаріата; другой надѣется на побѣду меньшинства,—сильнѣйшихъ разновидностей человѣческаго рода — сверхчеловѣка.

XV.

Положительная задача человѣка.

Разрушая, Ницше хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ созидать. Вся его критика современной морали исходитъ изъ положительнаго идеала, изъ представленія объ „истинныхъ“ цѣнностяхъ жизни. Въ чемъ же заключаются эти истинныя цѣнности? Уже изъ отрицательныхъ сужденій Ницше о современномъ человѣчествѣ, о современной религіи и морали видно, что ему ненавистны прежде всего всякія проявленія безсилія: единственно истинная цѣнность для него—*сила*; только сила можетъ сообщить цѣнность человѣческому существованію.

Тутъ нравственное міровоззрѣніе Ницше связывается съ его метафизикой. Мы видѣли, что для него истинно сущее есть *сила*, или, что то же,—*воля могущества*. Отсюда вытекаетъ практическій выводъ: въ мірѣ, коего сущность есть стремленіе къ могуществу, альтруистическая мораль звучитъ

какъ сентиментальная ложь: она представляется верхомъ фальши и безвкусія [1]). Нельзя сочувствовать тому, что безсильно и ничтожно,—къ этому сводится у Ницше вся критика морали состраданія. Задача человѣка въ томъ, чтобы самому стать явленіемъ силы: только при этомъ условіи онъ можетъ быть полезнымъ и для другихъ какъ величественное и прекрасное зрѣлище. Вмѣсто того, чтобы вѣчно навязываться другимъ съ нашей неуклюжей и всегда поверхностной помощью, не лучше ли будетъ, если мы создадимъ изъ себя нѣчто такое, на что и другіе будутъ взирать съ наслажденіемъ: нѣчто вродѣ сада, прекраснаго, спокойнаго и замкнутаго въ себѣ, огражденнаго высокими стѣнами противъ бурь и уличной пыли, но вмѣстѣ съ тѣмъ —гостепріимнаго! [2]).

Цѣнное въ человѣкѣ — его возможное, будущее величіе, а не его жалкая дѣйствительность. „Въ человѣкѣ есть тварь и творецъ; въ немъ есть матерія, нѣчто недодѣланное (Bruchstück) излишество, глина, грязь, безсмыслица, хаосъ; но въ человѣкѣ есть также творецъ ваятель, твердость молота, божественность созерцанія и седьмой день отдохновенія; понимаете ли вы эту противоположность? Чувствуете ли вы, что ваше состраданіе относится къ твари въ человѣкѣ, къ тому, что должно быть оформлено, сломано, сковано, разорвано, сожжено, расплавлено и очищено, — къ тому, что неизбѣжно будетъ страдать и должно страдать“ [3]).

Сила не вѣдаетъ жалости. Чтобы создать новый могущественный типъ человѣка, не только не слѣдуетъ оказывать помощи ближнимъ, но должно даже стараться ускорить ихъ гибель. „Все нынѣшнее“,—говоритъ Заратустра,—падаетъ, приходитъ въ упадокъ; можетъ быть, кто-либо захочетъ остановить это паденіе; а я хочу ускорить его новымъ толчкомъ. Знакомо ли вамъ сладострастіе того, кто бросаетъ камни въ бездну? Посмотрите на нынѣшнихъ людей, какъ

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse § 186, VII, 115.
[2]) Morgenröthe, § 174, B 171.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 225, VII, 181.

они катятся въ мои бездны. Братья мои, я только прологъ: драму будутъ разыгрывать актеры получше меня. По моему примѣру! Слѣдуйте моему примѣру! И, если вы не научитесь летать, то научитесь скорѣе падать!“ [1])

Доселѣ гибель слабыхъ задерживалась религіей состраданія и милосердія; въ этомъ заключается, по Ницше, одно изъ важнѣйшихъ преступленій религіи противъ человѣчества: сохраняя въ жизни всѣхъ больныхъ и слабыхъ, религія тѣмъ самымъ ухудшила нашу европейскую расу: она составляетъ главную причину того, что человѣческій типъ доселѣ остается на столь низкой ступени развитія [2]). Въ такомъ пониманіи состраданія сказывается дурно понятая любовь: если мы дѣйствительно любимъ человѣка, то мы должны желать возвышенія его типа; мы должны любить его не въ его слабыхъ, а въ его сильныхъ, прекрасныхъ экземплярахъ. „Запомните это слово“,—говоритъ Заратустра, — „всякая великая любовь выше всякаго вашего состраданія ибо она хочетъ еще создать то, что она любитъ“. „Самому себѣ приношу я мою любовь и моимъ ближнимъ — тѣмъ, кто мнѣ подобенъ“, таковы слова всѣхъ зиждущихъ. Но всѣ зиждущіе—тверды“ [3]). „Таково требованіе моей любви къ отдаленному будущему: не щади твоего ближняго: человѣкъ есть нѣчто такое, что слѣдуетъ преодолѣть“ [4]).

Не мягкосердечіе, а жесткость сердца должна стать основнымъ правиломъ поведенія. „Почему вы такъ мягки, братья“,—говоритъ Заратустра, „почему вы такъ уклончивы и уступчивы? Почему такъ мало отрицанія и отреченія въ вашемъ сердцѣ и такъ мало рока въ вашемъ взорѣ? И, если вы не хотите быть неумолимыми какъ рокъ, то какъ можете вы побѣдить со мной? И если ваша твердость не хочетъ сверкать какъ молнія, раздѣляя и разсѣкая, то какъ можете вы творить со мною! Ибо всѣ творящіе тверды.

---

[1]) Also sprach Zarathustra, B. VI 305.
[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 62, B VII, 88—89.
[3]) Also sprach Zarathustra, VI, 130.
[4]) Ibid., 291.

И почитайте для себя блаженствомъ на тысячелѣтіяхъ отпечатлѣть вашу руку какъ на воскѣ, печатать на волѣ тысячелѣтій какъ на бронзѣ, тверже бронзы. Совершенно твердо только благороднѣйшее. Эту новую скрижаль ставлю я, братья, передъ вами: будьте тверды" [1]).

Такова „мораль силы". На свѣтѣ нѣтъ иного Божества, кромѣ силы [2]). Разъ вся жизнь есть воля могущества, цѣнность каждаго существа, слѣдовательно, каждаго человѣка и человѣческаго типа — измѣряется степенью его могущества [3]). „Я цѣню человѣка",—говоритъ Ницше,—„по количеству его могущества и по полнотѣ его воли". Могущество же каждой воли измѣряется ея силой сопротивленія, ея способностью переносить страданіе и пытку, утилизировать самое страданіе для своего возвышенія [4]). Степени могущества различны, а потому и цѣнности неодинаковы. Поэтому скрижали цѣнностей, тѣ новыя скрижали, которыми Ницше хочетъ замѣнить старыя, установляютъ извѣстный іерархическій порядокъ: онѣ представляютъ собою не болѣе, не менѣе, какъ *скалу силъ*. Всѣ прочія „цѣнности" суть плоды предразсудка, недоразумѣній, наивности. Повышеніе того или другого индивида въ лѣствицѣ силъ означаетъ для него увеличеніе цѣнности; напротивъ, уменьшеніе силы означаетъ и уменьшеніе цѣнности [5]).

Мы видѣли раньше, что въ глазахъ Ницше симпатическія влеченія служатъ признакомъ слабости, а себялюбіе, возведенное въ принципъ, напротивъ,—признакомъ силы. Но по его же ученію симпатія представляется лишь выраженіемъ утонченнаго эгоизма слабости; а разъ эгоизмъ можетъ воплощать и силу и слабость, онъ не можетъ быть мѣриломъ цѣнности: одинъ эгоизмъ не равноцѣненъ другому. „Эгоизмъ цѣненъ лишь настолько, насколько физіоло-

[1]) Ibid. 312.
[2]) Der Wille zur Macht, § 462, B. XV, 472.
[3]) Ibid., § 10, стр. 23.
[4]) Ibid., § 420, стр. 440.
[5]) Der Wille zur Macht, § 353, B XV, 368

гически цѣненъ тотъ, кто имъ обладаетъ. Всякій человѣкъ долженъ быть оцѣниваемъ въ зависимости отъ того, представляетъ ли онъ восходящую или нисходящую линію жизни. Если онъ представляетъ собою повышеніе линіи „человѣкъ", то онъ обладаетъ чрезвычайной цѣнностью, такъ какъ въ немъ *общая жизнь* человѣчества дѣлаетъ шагъ впередъ; поэтому самыя заботы о его сохраненіи и ростѣ должны быть необычайны: какъ представитель *типа будущаго*, онъ пользуется *особымъ правомъ* на эгоизмъ. Отдѣльный индивидъ не есть нѣчто обособленное отъ рода: онъ не можетъ существовать въ качествѣ замкнутаго въ себѣ міра, стоящаго внѣ общаго развитія; въ каждомъ человѣческомъ индивидѣ содержится все прошлое, вся линіи человѣка *до него*. Отсюда—необычайная цѣнность удачныхъ экземпляровъ человѣческаго рода. Напротивъ, если человѣкъ воплощаетъ въ себѣ *нисходящую* линію развитія, упадокъ, хроническую болѣзнь, то цѣнность его незначительна: элементарная справедливость требуетъ, чтобы онъ занималъ какъ можно меньше мѣста, отнималъ возможно меньше силы и солнечнаго свѣта у удачныхъ экземпляровъ. Въ этихъ случаяхъ общество обязано сдерживать эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ вырождающихся массъ, ибо такой эгоизмъ можетъ оказаться нелѣпымъ, болѣзненнымъ и мятежнымъ [1]). Извѣстная степень болѣзни влечетъ за собою утрату самаго права на жизнь: больной — всегда паразитъ общества, а потому есть и такіе больные, которымъ *неприлично жить*. Ницше совѣтуетъ подвергать отвѣтственности врачей за сохраненіе болѣзненныхъ существованій, которыя должны быть безпощадно устраняемы въ интересахъ самой жизни — восходящей жизни [2]).

Оцѣнка людей по степени могущества не имѣетъ ничего общаго съ ходячей оцѣнкой по степени полезности. Оцѣнивать человѣка въ зависимости отъ того, приноситъ ли

---

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 140; Der Wille zur Macht, § 227, B. XV, 225.
[2]) Götzen-Dämmerung, 143.

онъ другимъ людямъ пользу или вредъ, вѣдь это такъ же нелѣпо, какъ оцѣнивать художественное произведеніе по его практическимъ результатамъ! [1]). Такого рода оцѣнка приводитъ къ полному игнорированію и извращенію всѣхъ истинныхъ цѣнностей жизни. Такъ съ точки зрѣнія полезности получаетъ высокую оцѣнку добродѣтель; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, „добродѣтельные“ суть низшая разновидность человѣческаго рода: они не имѣютъ личности; все ихъ достоинство заключается въ томъ, чтобы походить на извѣстную схему „человѣкъ“, разъ навсегда установленную; вся ихъ цѣнность—не въ нихъ самихъ, а *въ родѣ*, которому они служатъ; они малоцѣнны, потому что не единственны въ своемъ родѣ и имѣютъ много себѣ подобныхъ. Если мы ихъ цѣнимъ, то виновата въ этомъ наша лѣнь и наша трусость, которая любитъ спокойствіе и безопасность [2]).

Въ глазахъ Ницше добрый человѣкъ есть декадентъ [3]). Мы видѣли, что съ его точки зрѣнія сила человѣка проявляется не въ добрѣ, а во злѣ, въ способности противостоять общепринятому, „преступать“ вѣковые обычаи. Всякій великій человѣкъ, который вноситъ что-нибудь новое въ жизнь, непремѣнно „преступаетъ“ старый законъ, слѣдовательно, является преступникомъ, но преступникомъ въ великомъ, а не въ жалкомъ стилѣ. Преступникъ прежде всего—типъ сильнаго человѣка, а потому онъ—самый цѣнный человѣческій типъ. Если онъ не раскаивается, не оплакиваетъ своего дѣянія въ угоду ходячей морали, то это служитъ признакомъ его душевнаго здоровья [4]).

Тотъ, кого люди обыкновенно называютъ „преступникомъ“, представляетъ собою типъ сильнаго человѣка, попавшаго въ неблагопріятныя условія. Въ такихъ условіяхъ окажется вообще всякій сильный человѣкъ въ изнѣженной и выро-

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 424, B. XV, 442—443.

[2]) Der Wille zur Macht, § 226, B. XV, 224.

[3]) Ibid, § 86, стр. 84.

[4]) Ibid, §§ 93, 332, 428, стр. 96, 355, 447; Die fröhliche Wissenschaft, § 4, B. V, 41—42.

дившейся средѣ современнаго общества. Онъ испытываетъ влеченіе къ болѣе свободнымъ и опаснымъ формамъ жизни, ко всему, что оправдываетъ употребленіе оружія и самозащиту. Всѣ его доблести въ глазахъ общества находятся въ опалѣ; всѣ его жизненныя стремленія составляютъ предметъ ужаса и клеймятся безчестьемъ. Если онъ недостаточно силенъ, чтобы бороться съ обществомъ, то онъ неизбѣжно долженъ выродиться въ типъ преступника въ общепринятомъ смыслѣ слова. Бываютъ, однако, случаи, когда сильный человѣкъ беретъ верхъ надъ обществомъ,—таковъ случай Наполеона; тогда онъ называется уже не преступникомъ, а великимъ человѣкомъ. Задатки „преступника“ заключаются во всѣхъ тѣхъ людяхъ, коихъ мы отличаемъ, которые возвышаются надъ общимъ уровнемъ,—въ великихъ изобрѣтателяхъ, артистахъ, ученыхъ, во всѣхъ вообще геніяхъ. Всякій великій новаторъ когда-либо носилъ на себѣ клеймо общественнаго осужденія и велъ существованіе Катилины, ибо онъ испытывалъ ненависть ко всему окружающему. „Катилина—вотъ предварительная форма существованія всякаго Цезаря“![1]) Ницше хвалитъ Достоевскаго за то, что тотъ въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ изобразилъ каторжниковъ, какъ самыхъ сильныхъ и лучшихъ русскихъ людей[2]); при этомъ, впрочемъ, остается незамѣченнымъ тотъ фактъ, что Достоевскій цѣнилъ въ каторжникахъ не только высокій уровень дарованій, но и тѣ зародыши добра, которые онъ въ нихъ открылъ: онъ цѣнилъ въ нихъ въ особенности то, что съ точки зрѣнія Ницше заслуживаетъ осужденія.

Въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ станетъ понятнымъ, что Ницше преклоняется передъ величайшимъ извергомъ эпохи возрожденія—знаменитымъ герцогомъ Романьи—Цезаремъ Борджіа. Извѣстно, что этотъ государь ознаменовалъ свое царствованіе настоящей оргіей жестокости: онъ терроризовалъ своихъ подданныхъ массовыми казнями, убивалъ

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 157—159.

[2]) Ibid.; ср. Der Wille zur Macht, §§ 93, 331, B. XV, 96, 354.

не только опасныхъ для него людей, но и ихъ дѣтей, чтобы некому было за нихъ мстить; наконецъ, онъ четвертовалъ своего вѣрнаго слугу, казнившаго по его приказанію, дабы народъ приписывалъ казни послѣднему, а не самому герцогу. И вотъ этого-то Цезаря Борджіа Ницше называетъ „великимъ виртуозомъ жизни". Это, говоритъ онъ, конечно, одинъ изъ тѣхъ, кого церковь посылаетъ въ адъ; но тамъ же сидятъ величайшіе изъ германскихъ императоровъ, да и всѣ вообще великіе люди. Извѣстно, что *на небѣ вообще нѣтъ интересныхъ людей* [1]).

Эпоха Возрожденія изобиловала подобнаго рода „интересными людьми", а потому въ глазахъ Ницше она является классическою эпохою расцвѣта человѣческой личности. По сравненію съ вѣкомъ Цезаря Борджіа нашъ вѣкъ съ его моралью альтруизма представляетъ собою шагъ назадъ. Мы думаемъ, что въ нравственномъ отношеніи наша эпоха безконечно выше эпохи Возрожденія. Конечно, мы даже въ мысляхъ не можемъ перенестись въ обстановку этой эпохи; наши нервы не выдержали бы такой дѣйствительности, не говоря уже о нашихъ мускулахъ. Но эта неспособность вовсе не доказываетъ какого-либо прогресса, а только другой складъ, болѣе поздній, а потому—болѣе слабый, изнѣженный, чувствительный; вотъ почва, на которой раждается мораль, изобилующая заботами о другихъ. Если мы отвлечемся отъ нашей запоздалости, изнѣженности и старости, то наша мораль „очеловѣченія" тотчасъ потеряетъ всякую цѣнность (сама по себѣ никакая мораль не имѣетъ цѣны), мы даже отнесемся къ ней съ пренебреженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, современники, съ нашей гуманностью, подбитой густымъ слоемъ ваты, чтобы не удариться ни о какіе камни, доставили бы современникамъ Цезаря Борджіа такое зрѣлище, отъ котораго они бы умерли со смѣху [2]).

---

[1]) Der Wille zur Macht, § 425, B. XV, 444.

[2]) Götzen-Dämmerung, VIII, 145—146.

Мораль Ницше, если только можно назвать его ученіе о поведеніи моралью, вообще признаетъ высшей цѣнностью все то, что отрицается христіанствомъ. Самъ онъ такъ опредѣляетъ содержаніе своего „противоположнаго идеала“: онъ возводитъ въ принципъ гордость, чувство разстоянія между высшими и низшими, великую отвѣтственность, высокомѣріе, великолѣпіе животной жизни (die prachtvolle Animalität), воинственные и завоевательные инстинкты, обожествленіе страсти, мести, коварства, гнѣва, сладострастія, жажды приключенія и познанія: это—аристократическій идеалъ прекраснаго, мудраго, могущественнаго и опаснаго человѣческаго типа—типа будущаго [1]).

Аристократизмъ лежитъ какъ въ основѣ нравственнаго ученія Ницше, такъ и въ основѣ его соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, съ которыми намъ предстоитъ познакомиться; но прежде, чѣмъ послѣдовать за нимъ въ эту область, попытаемся критически разобраться въ изложенномъ только что ученіи о нравственности.

XVI.

Нечего и говорить, что это ученіе, какъ и вся вообще философія Ницше, кишитъ противорѣчіями. Прежде всего оно хочетъ стоять внѣ нравственности, внѣ противоположности добра и зла, „быть безнравственнымъ какъ сама природа“ [2]). Но намъ предстоитъ лишній разъ убѣдиться, что этотъ имморализмъ у Ницше не выдержанъ. Внѣшняя природа, которая, по его мнѣнію, должна послужить для насъ образцомъ, дѣйствительно стоитъ внѣ противоположности добра и зла; но это значитъ, очевидно, что природа *равнодушна* къ добру и злу: если она неспособна къ состраданію, то она не вѣдаетъ и гнѣва и осужденія: ей чужды какія-либо представленія о должномъ и недолжномъ, о цѣнномъ и нецѣнномъ. Поэтому, если мы хотимъ

[1]) Der Wille zur Macht, § 143, B. XV, 138.
[2]) Ibid., § 428, стр. 446.

быть подобны природѣ, мы должны отказаться отъ всякихъ предпочтеній, отъ какихъ бы то ни было оцѣнокъ и цѣнностей. Послѣдовательный имморализмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ *совершенный индиферентизмъ*. Такова была точка зрѣнія Спинозы, который училъ, что надо „не смѣяться, не плакать, а понимать".

Для всякаго видно, что философія Ницше съ ея „новыми скрижалями цѣнностей" не имѣетъ ничего общаго съ такимъ индиферентизмомъ. Въ ней есть и радость и грусть и смѣхъ и слезы, восхищеніе и негодованіе. По поводу вышеприведенныхъ словъ Спинозы самъ Ницше замѣчаетъ, что каждое наше сужденіе выражаетъ собою *оцѣнку* дѣйствительности: все наше пониманіе существующаго есть результатъ нѣкотораго компромисса между осмѣяніемъ, жалобой и проклятіемъ [1]).

Разъ философія Ницше признаетъ силу *добромъ*, а слабость—зломъ, очевидно, что она не стоитъ внѣ противоположности понятій добра и зла, а только пытается вложить въ эти понятія *новое содержаніе*, отличное отъ общепринятаго. Ницше часто повторяетъ, что его негодованіе противъ современнаго человѣчества не имѣетъ значенія нравственнаго осужденія, что оно *свободно отъ морали*. На самомъ дѣлѣ, оно *свободно отъ господствующей морали*, т.-е. отъ морали альтруистической, христіанской; но это еще не значитъ, чтобы оно было свободно отъ всякой вообще нравственной оцѣнки: ибо всякое негодованіе или осужденіе возможно только съ точки зрѣнія какого-нибудь опредѣленнаго представленія о добрѣ и злѣ. Самъ Ницше признаетъ, что его лозунгъ „по ту сторону добра и зла", послужившій заглавіемъ для одного изъ его сочиненій, еще не значитъ „по ту сторону хорошаго и дурного" [2]).

Повидимому, Ницше полагаетъ отличіе своего ученія отъ всего, называемаго „моралью", въ томъ, что въ немъ нѣтъ *ни-*

---

[1]) Die fröhliche Wisschenschaft, § 333, B. V, 252.

[2]) Zur Genealogie der Moral, VII, 338: «Jenseits von Gut und Böse».... Die heisst zum Mindesten nicht «Jenseits von Gut und Schlecht».

какихъ безусловныхъ принциповъ поведенія, между тѣмъ какъ всякая мораль покоится на представленіи *безусловно обязательнаго, безусловно должнаго.* И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что онъ не признаетъ „единой спасительной" морали, такихъ принциповъ поведенія, которые имѣли бы всеобщее значеніе. Безконечному разнообразію человѣческихъ характеровъ и дарованій должно соотвѣтствовать разнообразіе предписаній, множественность моралей.

Если стать на эту точку зрѣнія, то всякая критика въ области морали становится невозможною. Если нѣтъ ничего *безусловно должнаго,* то выборъ того или другого поведенія становится дѣломъ личнаго усмотрѣнія и вкуса: тогда—добро для каждаго—то, что онъ почитаетъ добромъ. Но если такъ, то какое право мы имѣемъ утверждать, что одинъ принципъ поведенія лучше, а другой—хуже? Какое право имѣетъ Ницше утверждать, что себялюбіе лучше состраданія и безкорыстной любви къ ближнему? Если надъ нашей жизнью нѣтъ никакихъ безусловныхъ критеріевъ, то мы не имѣемъ основаній предпочитать одинъ человѣческій типъ другому. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть никакой вообще скàлы цѣнностей; если такъ, то разумѣется, представляется несостоятельною христіанская оцѣнка милосерднаго самарянина и жестокосердаго левита; но въ такой же мѣрѣ несостоятельно и положеніе Ницше, что сильный *лучше* слабаго.

Въ основѣ нравственнаго ученія Ницше лежитъ такое противорѣчіе: съ одной стороны онъ отрицаетъ существованіе такихъ цѣнностей, которыя могли бы имѣть значеніе безусловныхъ, всеобщихъ нормъ поведенія; съ другой стороны, онъ учитъ, что *единственная истинная цѣнность есть сила, могущество:* всѣ прочія цѣнности, признаваемыя людьми, суть „плодъ предразсудка и наивности". Самая попытка „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей", иначе говоря, вся нравственная философія Ницше предполагаетъ то самое, что онъ отрицаетъ,—существованіе *единственно истинной,*—слѣдовательно, *безусловной и всеобщей цѣнности,* въ противополож-

ность тѣмъ мнимымъ цѣнностямъ, которыя доселѣ признавались.

Съ одной стороны намъ говорятъ, что самое понятіе цѣнности есть частью фикція, вымыселъ человѣка, частью же „заблужденіе органическаго міра"; самая наша жизнь есть нѣчто *противное природѣ*, ибо она вноситъ въ природу чуждое ей представленіе цѣнности [1]); съ другой стороны, мы сталкиваемся съ утвержденіемъ, что *истинныя цѣнности* коренятся въ строѣ вселенной: онѣ даны самой природой.

Съ этимъ противорѣчіемъ связывается типическое для Ницше колебаніе въ его критическихъ сужденіяхъ; съ одной стороны, онъ отвергаетъ и осуждаетъ *всякую мораль, какъ такую;* съ другой стороны онъ сочувствуетъ тому, что онъ называетъ „здравою моралью", т.-е.—*натурализму въ морали.* Здравымъ, съ его точки зрѣнія, представляется то нравственное ученіе, которое руководствуется жизненнымъ инстинктомъ это—та мораль, которая возводитъ въ *канонъ должнаго* все, что только способствуетъ возрастанію жизни и клеймитъ какъ *недолжное* все то, что для нея гибельно. Напротивъ, противоестественная мораль есть та, которая обращается противъ жизненнаго инстинкта, отрицаетъ жизнь: сюда относятся почти всѣ тѣ нравственныя ученія, которыя доселѣ проповѣдовались.

Въ основѣ этого противоположенія двухъ моралей лежитъ противорѣчивое отношеніе Ницше къ природѣ. Съ одной стороны, природа для него—все, и постольку *не можетъ быть ничего противоположнаго природѣ.* Съ этой точки зрѣнія, казалось бы, нельзя говорить о противоположности естественнаго и противоестественнаго въ человѣкѣ: вся наша психика, всѣ наши инстинкты и сужденія суть *проявленія природы* и, слѣдовательно,—*все въ насъ одинаково естественно.* Съ другой стороны, однако, человѣкъ представляется какъ что-то чуждое природѣ, является какимъ-то диссонансомъ въ ней. *Все въ немъ противоестественно*, и Ницше

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 9, B. VII, 17

требуетъ *возвращенія человѣка къ природѣ*. Для этого человѣкъ долженъ отказаться отъ цѣнностей воображаемыхъ, мнимыхъ, и принять тѣ цѣнности, которыя даются самой природой.

Но тутъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: можетъ ли природа послужить критеріемъ для различенія цѣнностей истинныхъ отъ цѣнностей мнимыхъ? Все, что Ницше говоритъ по этому поводу, въ корнѣ противорѣчиво: съ одной стороны, у него природа получаетъ значеніе высшаго мѣрила цѣнностей, которымъ должна руководствоваться *правильная* оцѣнка; съ другой стороны оказывается, что природа установляетъ всѣ вообще скрижали нашихъ цѣнностей какъ истинныхъ, такъ и ложныхъ. Мораль альтруизма продиктована инстинктами нашей жизни, точно такъ же, какъ и противоположная ей мораль эгоизма. Когда мы цѣнимъ все то, что служитъ сохраненію нашей личности и возрастанію нашего могущества, въ насъ говоритъ инстинктъ жизни повышающейся, *восходящей*; напротивъ, когда мы проповѣдуемъ мораль самоотреченія и самоотрицанія, мы слѣдуемъ инстинкту жизни вырождающейся, *нисходящей* [1]).

Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго натурализма всѣ наши инстинкты должны признаваться одинаково естественными и, слѣдовательно, одинаково цѣнными: сама по себѣ „природа“ не можетъ дать намъ никакихъ логическихъ основаній для предпочтенія однихъ инстинктовъ другимъ. Между тѣмъ, у Ницше инстинкты подвергаются далеко не одинаковой оцѣнкѣ. Онъ признаетъ, что „все доброе въ насъ есть инстинктъ“; но онъ далекъ отъ того, чтобы считать всякій инстинктъ добрымъ: человѣкъ, въ особенности современный, есть для него *существо съ извращенными инстинктами*. Если бы нынѣшнее человѣчество, говоритъ онъ, было предоставлено собственнымъ инстинктамъ, то это могло бы имѣть для него роковое значеніе. „Эти инстинкты противорѣчатъ одинъ другому, парализуютъ и разрушаютъ другъ

[1]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 88—89.

друга; я опредѣляю современность, какъ физіологическое самопротиворѣчіе“ [1]).

Отсюда очевидно, что у Ницше двоится самый критерій цѣнности: съ одной стороны, онъ склоненъ отождествлять цѣнное съ естественнымъ; съ другой стороны, оказывается, что не все естественное цѣнно; инстинкты нуждаются въ верховномъ контролѣ сознанія; цѣнно въ нихъ только то, что выдерживаетъ критику разума, только то, что разумъ признаетъ сильнымъ и могущественнымъ.

Самое отождествленіе цѣнности съ могуществомъ у Ницше не выдержано: культъ силы или „воли могущества“ не мирится съ индивидуализмомъ его философіи. Въ самомъ дѣлѣ, родъ всегда могущественнѣе индивида; стадо, какъ цѣлое, всегда *сильнѣе* отдѣльной особи. Если мы отвлечемся отъ всѣхъ прочихъ соображеній и будемъ цѣнить *только силу, какъ такую*, то мы всегда отдадимъ предпочтеніе роду, проявленіямъ его коллективнаго могущества. Культъ личности независимой, отрѣшенной отъ общества, у Ницше въ корнѣ противорѣчитъ его культу силы: если скáла цѣнностей—то же, что скáла силъ, то мы должны цѣнить не тѣ человѣческія качества, которыя возвеличиваютъ личность въ ущербъ обществу, а, напротивъ, тѣ, которыя превращаютъ личность въ *орудіе цѣлаго*, усиливаютъ общество, хотя бы въ ущербъ личности; съ этой точки зрѣнія „стадная мораль“ заслуживаетъ всякаго предпочтенія передъ моралью эгоизма; то, что Ницше называетъ „вырожденіемъ“, „упадкомъ“ личности, цѣннѣе того, въ чемъ онъ видитъ ея процвѣтаніе. Двойственность масштаба цѣнностей у Ницше какъ нельзя болѣе наглядно обнаруживается въ томъ, что онъ осуждаетъ всякія проявленія могущества общества, государства, видитъ въ нихъ *зло*. По поводу торжества нѣмцевъ надъ французами и объединенія Германіи онъ прямо говоритъ, что „могущество одуряетъ“ [2]): успѣхъ нѣмцевъ, какъ націи, вреденъ, потому что онъ дѣлаетъ личность глупою.

[1]) Ibid, 153—154
[2]) Ibid., 108—109.

Съ этимъ связана отмѣченная уже выше противорѣчивая оцѣнка человѣческаго разума. Двойственность этическаго ученія Ницше заключается именно въ томъ, что онъ безпрестанно колеблется между предпочтеніемъ разума и силы. Когда онъ становится на біологическую точку зрѣнія, разумъ представляется ему *орудіемъ* органической жизни, чѣмъ-то весьма поверхностнымъ и ничтожнымъ по сравненію съ этой жизнью какъ цѣлымъ. Но, съ другой стороны, въ Ницше есть остатки идеалистической *вѣры въ разумъ*.

Мы видѣли, что для него познаніе—самое дорогое въ жизни,—*то, что дѣлаетъ жизнь цѣнною:* оно выше счастія, цѣннѣе спокойствія. Та высшая цѣль, къ которой стремится разумъ, есть познаніе истины. И вотъ, *въ оцѣнкѣ этой цѣли* мы находимъ у Ницше то же типическое колебаніе. Становясь на біологическую точку зрѣнія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что „предпочтеніе истины лжи—чистѣйшій предразсудокъ", ибо заблужденіе въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ познаніе, способствуетъ возрастанію могущества человѣка. Мало того, разумъ со своимъ исканіемъ истины *опасенъ для жизни,* ибо онъ разрушаетъ необходимыя для нея предположенія, тѣ иллюзіи, на которыхъ она покоится [1]). Онъ убиваетъ животную энергію: люди, живущіе сознательною жизнью, суть по сравненію съ другими созданія болѣзненныя, сосуды болѣе хрупкіе и нѣжные [2]); заблужденіе намъ необходимо какъ кожа, которая предохраняетъ насъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній [3]).

Однако въ Ницше есть нѣчто лучшее, чѣмъ эта „біологическая" точка зрѣнія, нѣчто такое, что заставляетъ его возводить исканіе истины въ верховный принципъ поведенія. Казалось бы, съ біологической точки зрѣнія, не лучше ли та безотчетная вѣра, которая даетъ намъ силу переносить страданія и служитъ для насъ источникомъ жизненной

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 111, B. V, 152—153.
[2]) Ibid., § 154, стр. 181.
[3]) Ibid., § 307, стр. 236.

энергіи! И, однако, Ницше прославляетъ правдолюбіе, „добросовѣстность мысли“, какъ высшее качество человѣка, какъ священную „обязанность“, отъ которой недозволительно уклоняться даже имморалисту! Его главный упрекъ противъ современной религіи—упрекъ въ недобросовѣстности. Какъ бы ни было „спасительно для жизни“ то или другое ученіе, Ницше считаетъ достойннымъ презрѣнія того, кто принялъ бы его безъ всякой умственной провѣрки [1]). Ибо отречься отъ мысли значитъ отречься отъ того, что оправдываетъ человѣческое существованіе.

Съ біологической точки зрѣнія Ницше цѣнитъ все то, что способствуетъ „возрастанію великолѣпія животной жизни, все то, что воспитываетъ въ человѣкѣ „прекрасный экземпляръ животнаго“. Онъ не можетъ простить христіанству въ особенности того, что оно своимъ аскетизмомъ убило въ человѣкѣ энергію животной жизни. Но таковы противорѣчія его мысли, что рядомъ съ этимъ онъ особенно дорожитъ именно тѣмъ, что отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ: это—независимость личности свободной отъ стаднаго инстинкта. „На человѣка“,—говоритъ онъ,—„было наложено множество цѣпей, чтобы онъ отучился вести себя какъ звѣрь, и въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ мягче, духовнѣе, радостнѣе, разумнѣе, чѣмъ всѣ животныя. Но теперь онъ страдаетъ еще и отъ того, что онъ слишкомъ долго носилъ свои цѣпи, что ему такъ долго недоставало чистаго воздуха и свободы движеній. Эти цѣпи, я повторяю, суть тяжкія и многозначительныя заблужденія нравственныхъ, религіозныхъ и метафизическихъ представленій. Только послѣ преодолѣнія это болѣзни цѣпей будетъ достигнута первая великая цѣль — *отдѣленіе человѣка отъ животныхъ*“ [2]).

---

[1]) Die fröhliche Wissenchaft, §§ 2, 319, B. V, 37—38, 243. Какъ видно изъ предыдущихъ цитатъ, обѣ противоположныя оцѣнки разума встрѣчаются въ одномъ и томъ же сочиненіи Ницше и, слѣдовательно, не могутъ быть относимы къ различнымъ эпохамъ его дѣятельности.

[2]) Der Wanderer und sein Schatten, § 350, B. III, 371.

Таковы тѣ противоположныя стремленія, которыя борются въ нравственной философіи Ницше: онъ хочетъ одновременно и воспитать въ человѣкѣ звѣря, и вырыть пропасть между человѣкомъ и животнымъ [1]). Тѣ же противоположности и тѣ же противорѣчія лежатъ въ основѣ его соціальныхъ и политическихъ воззрѣній.

XVII.

Соціальныя и политическія воззрѣнія Ницше.

Мы уже видѣли, что нравственныя воззрѣнія съ точки зрѣнія Ницше суть отраженія общественныхъ отношеній. Альтруистическая мораль представляетъ собою выраженіе демократическаго строя жизни и демократическихъ тенденцій общества. Напротивъ того, та мораль, которую Ницше называетъ „здравою“, „натуралистическою“, „господскою“, есть созданіе высшихъ слоевъ общества,—завоевателей господъ,—аристократіи.

Поэтому оцѣнка той или другой морали для Ницше есть вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка того или другого общественнаго типа, общественнаго строя, создавшаго каждую данную мораль. За его ненавистью къ морали альтруизма скрывается глубокое презрѣніе ко всему, что носитъ на себѣ печать демократизма. Всѣ его соціальныя и политическія воззрѣнія отъ начала до конца построены на аристократическихъ началахъ.

Мы уже видѣли, что іерархіи цѣнностей у него соотвѣтствуетъ іерархія силъ въ человѣческомъ обществѣ. Люди не равны по природѣ, а, слѣдовательно, и неравноцѣнны; поэтому было бы верхомъ безумія и несправедливости—

---

[1]) Что мы имѣемъ здѣсь противорѣчіе, а не двѣ различныя тенденціи, соотвѣтствующія различнымъ эпохамъ творчества Ницше, видно изъ слѣдующаго. Извѣстно, что прославленіе «великолѣпія животной жизни» относится къ эпохѣ «Заратустризма»; оно нашло себѣ особенно яркое выраженіе въ посмертномъ сочиненіи Ницше Der Wille zur Macht, B. XV, 138. Однако, въ ту же эпоху Ницше продолжалъ мечтать объ отдѣленіи человѣка отъ животнаго: онъ видѣлъ въ человѣкѣ переходную форму, «канатъ, протянутый между животнымъ и сверхчеловѣкомъ». См. Also sprach Zarathustra, B. VI, 16, 418.

уравнивать ихъ въ правахъ. Истинная справедливость выражается въ неодинаковомъ отношеніи къ неодинаковымъ величинамъ, слѣдовательно, въ неравенствѣ [1]), въ преобладаніи высшаго типа.

Вытекая изъ элементарныхъ требованій справедливости, аристократическій строй вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимымъ условіемъ высшаго культурнаго развитія. „Всякое возвышеніе человѣческаго типа было доселѣ дѣломъ аристократическаго общества. Такъ оно будетъ и впредь, ибо для этой цѣли необходимо такое общество, которое признаетъ множество іерархическихъ ступеней, вѣритъ въ различную цѣнность различныхъ людей и нуждается въ рабахъ въ томъ или другомъ значеніи этого слова“ [2]). Чтобы человѣкъ непрестанно росъ въ вышину, привычка господствовать должна войти въ его плоть и кровь: онъ долженъ быть окруженъ рабами—орудіями его воли; его должно отдѣлять отъ низшихъ чувство разстоянія. Высшее не должно унижать себя до степени орудія низшихъ: пафосъ разстоянія долженъ навѣки раздѣлить самыя задачи людей. Высшіе люди имѣютъ въ тысячу разъ больше правъ на существованіе, чѣмъ низшіе: это преимущество колокола съ полнымъ звукомъ передъ колоколомъ разстроеннымъ и надтреснутымъ: въ высшихъ людяхъ—залогъ будущаго; они одни связаны обязательствами по отношенію къ будущему человѣчества [3]).

Въ чемъ же заключаются признаки высшаго типа, тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, въ отличіе отъ тѣхъ, которые должны повиноваться? Мы уже видѣли, что по Ницше въ основѣ противоположности господъ и рабовъ лежитъ контрастъ животныхъ хищныхъ и домашнихъ, ягнятъ и орловъ; всякая высшая культура начиналась всегда съ завоеванія: какое-нибудь племя хищниковъ—варваровъ въ полномъ смыслѣ этого слова—бросалось на мирное пасту-

---

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 161—162.

[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 257; B. VIII, 235.

[3]) Zur Genealogie der Moral, 436.

шеское или земледѣльческое населеніе или на какое-нибудь общество съ разлагающейся культурой; послѣ завоеванія варвары превращались въ господъ, завоеванное населеніе— въ рабовъ. Такова историческая основа всякой аристократіи. Господа первоначально превосходили рабовъ не физическою силою, а своими психическими свойствами: они были болѣе цѣлостными людьми, или, что то же—„болѣе цѣлостными бестіями“ [1]).

Въ этомъ и заключается оправданіе ихъ господства. Нечего удивляться тому, что ягнята ненавидятъ орловъ и находятъ ихъ злыми; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ винить орловъ за то, что они добываютъ себѣ въ пищу нѣжныхъ и вкусныхъ ягнятъ [2]). Такъ всегда было, и такъ всегда будетъ. Существуетъ множество различныхъ формъ, различныхъ типовъ господства и рабства. Самые способы эксплоатаціи человѣка человѣкомъ исторически мѣняются, но сущность остается неизмѣнною. Въ наши дни весьма распространено мнѣніе, будто въ будущемъ наступитъ такое общественное состояніе, при которомъ эксплоатація вовсе не будетъ имѣть мѣста. По мнѣнію Ницше, устроить общество такимъ образомъ столь же немыслимо, какъ создать жизнь безъ всякихъ органическихъ функцій. „Эксплоатація вовсе не есть особенность общества испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго: она составляетъ существенное свойство жизни, служитъ основною ея, органической функціей“: она выражаетъ собою ту „волю могущества, которая составляетъ сущность всего существующаго [3]).

Поэтому высшіе, лучшіе люди не должны стыдиться эксплоатаціи. Сущность хорошей и здоровой аристократіи заключается въ томъ, чтобы видѣть въ себѣ самой *не функцію* общества, а его оправданіе и смыслъ: поэтому она должна со спокойной совѣстью принимать жертву безчи-

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 257, B. VII, 235—236.
[2]) Zur Genealogie der Moral, B. VII, 326.
[3]) enseits von Gut und Böse, § 259, B. VII, 238.

сленнаго множества людей, которые ради нея становятся неполными людьми, рабами, орудіями. Она должна проникнуться убѣжденіемъ, что общество должно существовать не ради самого общества, а единственно въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ высшій родъ существъ могъ бы подняться къ высшей своей задачѣ. Таковы жадныя до свѣта вьющіяся растенія на островѣ Явѣ, извѣстныя подъ названіемъ Sipo Matador; они своими вѣтвями обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распустятъ своего вѣнца, выставляя на показъ свое счастіе [1]).

XVIII.

Не такова господствующая тенденція нашего времени. Характеристическая черта нашей эпохи—необыкновенно быстро совершающаяся демократизація общества. Всѣ сословныя различія стираются и уничтожаются; люди становятся совершенно *подобными* другъ другу; въ борьбѣ за существованіе человѣкъ обыкновенный, тотъ, который ничѣмъ не отличается отъ прочихъ, беретъ верхъ; напротивъ, люди утонченныхъ дарованій, выдающіеся, рѣдкіе экземпляры, остаются непонятыми, изолированными и гибнутъ въ своемъ одиночествѣ. Нужны чудовищныя силы, чтобы задержать этотъ естественный процессъ уподобленія (progressus in simile), превращеніе человѣчества во что-то обыкновенное, посредственное, стадообразное и пошлое! [2]) Въ общемъ, тутъ ничто не помогаетъ: человѣчество не можетъ двигаться вспять подобно раку; оно должно шагъ за шагомъ итти впередъ по пути упадка,—въ этомъ заключается сущность современнаго „прогресса“; всякія попытки воспрепятствовать этому движенію могутъ привести только къ тому, что оно, подобно запруженной рѣкѣ, скопитъ и сосредоточитъсвои силы, чтобы потомъ прорваться съ еще большейэнергіей [3]).

1) Jenseits von Gut und Böse, § 258, B. VII, 236—237.
2) Ibid., § 268, стр. 255.
3) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 153.

Перебирая всѣ возможные слои современнаго общества, Ницше всюду видитъ одну и ту же безотрадную картину всеобщаго упадка. Рабочій классъ совершенно обезличенъ: рабочіе не почитаютъ для себя стыдомъ играть роль винтиковъ машины и какъ бы восполнять собою пробѣлы человѣческой изобрѣтательности: имъ не внушаетъ отвращенія мысль, будто сущность ихъ страданій, ихъ безличное рабство можетъ быть уничтожено повышеніемъ платы. Мало того, они слушаются тѣхъ теоретиковъ, которые учатъ, что позоръ рабства можетъ быть обращенъ въ добродѣтель путемъ увеличенія этой безличности въ машинномъ производствѣ современнаго общества. Ихъ низость доходитъ до того, что они соглашаются за опредѣленное вознагражденіе перестать быть личностями и превратиться въ винтики. Между тѣмъ, никакая плата не въ состояніи вознаградить рабочаго за утрату его внутренней цѣнности.

Надежды на соціалистическій строй будущаго безумны и безсмысленны, ибо въ тотъ день, когда рабочій перестанетъ быть рабомъ капиталистовъ, онъ все-таки будетъ рабомъ революціонной партіи, рабомъ новаго государства, машины [1]). Значеніе труда сводится къ тому, что онъ *убиваетъ личность въ рабочемъ*. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ современное прославленіе труда: въ основѣ его лежитъ страхъ *передъ личностью*. Въ сущности теперь всѣ чувствуютъ, что тяжелый, изнурительный трудъ, продолжающійся съ утра до вечера, дѣйствительнѣе всякой полиціи, такъ какъ онъ служитъ уздою для каждаго: онъ сдерживаетъ развитіе разума, потребностей, чувства независимости, ибо онъ затрачиваетъ огромное количество нервной силы, отвлекая ее отъ размышленія, думъ, мечтаній, заботъ, любви и ненависти. Онъ не ставитъ передъ человѣкомъ никакой цѣли, доставляетъ ему дешевое и постоянное удовлетвореніе. Поэтому въ обществѣ, гдѣ идетъ постоянный, усиленный трудъ, живется безопасно; а безопасность и

---

[1]) Morgenröthe, § 206, B. IV, 203—205.

есть то божество, на которое молится современный человѣкъ! И вдругъ, о ужасъ! Какъ разъ рабочій сталъ опаснымъ! Опасныя личности кишмя кишатъ. И за ними скрывается величайшая изъ всѣхъ опасностей, *индивидуальность* [1]).

Рабочій вопросъ, который во всемъ своемъ грозномъ величіи стоитъ въ настоящее время передъ человѣчествомъ, есть результатъ господствующей тенденціи нашей эпохи—стремленія ко всеобщей нивеллировкѣ и безсословности. Чтобы сохранить существующій общественный строй, слѣдовало бы воспитать въ рабочемъ китайскій темпераментъ—типъ трудолюбиваго и невзыскательнаго муравья. Вмѣсто того, что же сдѣлало современное общество: оно стерло сословныя грани и въ корнѣ уничтожило всѣ тѣ инстинкты, въ силу коихъ рабочій становится возможнымъ какъ классъ, становится возможнымъ для себя самого въ этомъ качествѣ. Рабочіе были призваны къ военной службѣ, имъ было дано право ассоціацій, политическое право голоса. Что же удивительнаго, если въ настоящее время рабочій видитъ въ своемъ состояніи бѣдствіе, или, выражаясь нравственнымъ языкомъ, — *неправду*. „Но опять-таки спрашивается, чего же мы, наконецъ, хотимъ? Если мы желаемъ цѣли, то мы должны желать и средствъ; если мы хотимъ имѣть рабовъ, то мы будемъ дураками, если станемъ воспитывать въ нихъ господъ“ [2]).

Сами господа въ настоящее время врядъ ли многимъ лучше рабовъ. Если мы заглянемъ въ среду людей обезпеченныхъ, образованныхъ, то здѣсь точно такъ же мы увидимъ картину упадка, приниженія умственныхъ интересовъ и всеобщаго измельчанія личности. Современное общество заѣдено американизмомъ; есть что-то дикое въ той алчности къ золоту, которая характеризуетъ современныхъ американцевъ и все въ большей степени заражаетъ современную Европу. Все

---

1) Morgenröthe, § 173, B. IV, 169—170.
2) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 153.

чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться типъ человѣка, поглощеннаго всецѣло денежными дѣлами: въ погонѣ за наживой онъ не знаетъ покоя; онъ стыдится отдыха, испытываетъ угрызенія совѣсти, когда мысль отвлекаетъ его отъ текущихъ заботъ дня. Мы постепенно привыкаемъ думать съ часами въ рукахъ; мы завтракаемъ съ биржевымъ листкомъ передъ глазами; мы живемъ, какъ будто боимся упустить минуту для какого-либо важнаго дѣла. Страхъ передъ бездѣльемъ, безпрерывная тревога накопленія богатствъ и заботы о хлѣбѣ насущномъ грозятъ убить всякое образованіе и высшій вкусъ. Мы постепенно утрачиваемъ чувство формы, чутье къ мелодіи и ко всему прекрасному. Въ отношеніяхъ между людьми господствуетъ дѣловитость и разсудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаемъ за добродѣтель „сдѣлать возможно больше въ возможно меньшее время“. Когда мы тратимъ время на прогулку, бесѣду съ друзьями или на наслажденіе искусствомъ, мы уже считаемъ нужнымъ оправдаться „необходимостью отдыха“ или „потребностями гигіены“. Скоро самая наклонность къ созерцательной жизни войдетъ въ презрѣніе. Насколько возвышеннѣе было настроеніе древнихъ! Древніе греки полагали цѣль жизни въ созерцаніи; только война и созерцательная жизнь считались у нихъ достойными свободнаго; напротивъ, трудъ признавался занятіемъ рабскимъ, достойнымъ презрѣнія [1]).

Нашъ вѣкъ ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать человѣка возможно полезнымъ; для этого нужно прежде всего надѣлить его добродѣтелями непогрѣшимой машины: онъ долженъ выше всего цѣнить минуты „машинально полезнаго труда“. Главнымъ камнемъ преткновенія при этомъ служитъ, конечно, скука, связанная съ подобнаго рода дѣятельностью. Чтобы превратить человѣка въ „полезную машину“, надо пріучить его къ скукѣ, сообщить ей даже особую прелесть; въ этомъ и заключалась доселѣ задача современной школы.

---

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 329, B. V, 249—250.

Эта школа заставляетъ насъ учиться именно тому, что насъ вовсе не касается, видѣть въ этой якобы „объективной“ дѣятельности нашъ долгъ, цѣнить долгъ независимо отъ удовольствія,—въ этомъ ея „неоцѣненная заслуга!“ Поэтому филологъ былъ доселѣ воспитателемъ по преимуществу, ибо его дѣятельность являетъ собою классическій образецъ монотонности, доходящей до грандіозныхъ размѣровъ. У него юношество научается тому машинальному исполненію обязанностей, которое является необходимымъ качествомъ будущаго чиновника, супруга, раба какого-нибудь бюро, читателя газетъ и солдата [1]).

XIX.

Наши умственныя способности истощены: немудрено, что нашъ вѣкъ характеризуется отсутствіемъ какого бы то ни было оригинальнаго стиля. Въ нашемъ безсиліи создать что-либо новое, самобытное въ области искусства, философіи и морали, мы обращаемся къ прошлому, заботливо собирая обломки отжившихъ культуръ. Отсюда-то *преобладаніе историзма*, историческаго интереса, которое отличаетъ современность. Прежнія эпохи—древность, средніе вѣка, эпоха возрожденія,—обладали своеобразнымъ стилемъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, во всей вообще ихъ умственной жизни; напротивъ, современность есть по преимуществу эпоха подражанія и сравненія всѣхъ возможныхъ стилей, нравовъ, міровоззрѣній, культуръ [2]). Она представляетъ собою какой-то пестрый карнавалъ—смѣшеніе костюмовъ всѣхъ возможныхъ временъ, символовъ вѣры, моралей и религій [3]). Современный человѣкъ подобенъ тѣмъ планетамъ, которыя заимствуютъ свой свѣтъ не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ свѣтилъ; въ нашей дѣятельности господствуетъ не одна, а нѣсколько различныхъ моралей: оттого наши дѣйствія окра-

[1]) Der Wille zur Macht, § 406, B. XV, 431—432.
[2]) Menschliches, Allzumenschliches, § 23, B. II, 40—41.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 223, B. VII, 176.

шиваются въ разнообразныя краски, и мы нерѣдко совершаемъ пестрые поступки [1]).

Нѣтъ той духовной пищи, которую бы не переваривалъ современный человѣкъ: въ этомъ заключается его гордость; но онъ принадлежалъ бы къ высшему разряду существъ, если бы онъ былъ лишенъ этой способности: *человѣкъ всеядный* вовсе не есть самая утонченная разновидность человѣка [2]). Все это смѣщеніе разнородныхъ культуръ, весь нашъ „историческій смыслъ", которымъ мы такъ хвалимся, составляетъ послѣдствіе того полуварварскаго состоянія, въ которое погрузилась Европа вслѣдствіе демократическаго смѣшенія сословій и расъ. Впервые въ девятнадцатомъ столѣтіи историческій смыслъ сталъ чѣмъ-то вродѣ „шестого чувства" образованнаго человѣка: этотъ смыслъ означаетъ собою чутье и вкусъ ко всему на свѣтѣ или, что то же,—отсутствіе изысканнаго и благороднаго вкуса, плебейскую любознательность. Что такое богъ современнаго искусства, Шекспиръ, какъ не сочетаніе всѣхъ возможныхъ вкусовъ: это—такое соединеніе испанскаго съ мавританскимъ и саксонскимъ, отъ котораго древніе аѳиняне—современники Эсхила—умерли бы со смѣха. А мы, напротивъ, наслаждаемся этой дикой пестротой, этой смѣсью нѣжнаго, грубаго и искусственнаго какъ высшимъ родомъ искусства; мы не гнушаемся дышать однимъ воздухомъ съ англійскою чернью—той атмосферой, которою живетъ творчество Шекспира. Недостатокъ вкуса составляетъ оборотную сторону нашей воспріимчивости и отзывчивости [3]).

Будучи смѣшаннымъ существомъ, современный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то недодѣланное, обрывокъ и начатокъ чего-то. Наше время какъ никакое другое характеризуется развитіемъ спеціальностей: вслѣдствіе колоссальнаго роста разнообразныхъ отраслей знанія образованіе становится все менѣе и менѣе общимъ: оно получаетъ ха-

[1]) Ibid., § 215, стр. 170.
[2]) Morgenröthe, § 171, B. IV, 168.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 224, B. VII, 176—179.

рактеръ отрывочный; природы богатыя и глубокія уже не находятъ себѣ подходящихъ воспитателей. Человѣкъ-дробь, односторонній наблюдатель съ высокомѣрными претензіями,—вотъ современный культурный типъ. Нынѣшніе университеты стали настоящею школою приниженія умственнаго уровня [1]).

Не одни только ученые спеціалисты,—большинство людей представляютъ собою какъ бы обломки, части человѣка: чтобы получить человѣка *цѣлостнаго*, надо сочетать ихъ воедино. Цѣлыя эпохи, цѣлые народы являютъ собою образцы такого односторонняго развитія; всѣ эти низшіе человѣческіе типы суть какъ бы предваренія и прелюдіи къ высшему: они въ своей совокупности подготовляютъ появленіе тѣхъ синтетическихъ личностей, которыя, подобно верстовымъ столбамъ, показываютъ, насколько человѣчество ушло впередъ въ своемъ движеніи [2]).

Въ „Заратустрѣ“ мы находимъ ту же мысль въ слѣдующемъ образномъ выраженіи. Однажды, будучи окруженъ калѣками и увѣчными, Заратустра обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „У одного нѣтъ глаза, у другого — уха, у третьяго—ноги; иные потеряли языкъ, носъ или голову. Но это еще далеко не худшее изъ того, что я видѣлъ у людей“.

„Я вижу и видѣлъ нѣчто худшее и подчасъ до того ужасное, что не обо всемъ могу говорить, а кое о чемъ долженъ молчать; я видѣлъ людей, коимъ недостаетъ рѣшительно всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ *чего-нибудь одного* у нихъ слишкомъ много, напримѣръ, такихъ людей, которые суть только огромный глазъ, или огромная морда, или огромное брюхо, вообще, что-нибудь огромное,—такихъ я называю калѣками навыворотъ“.

„Поистинѣ, мои братья, я брожу среди людей, какъ среди частей и органовъ человѣка. Всего страшнѣе для моего

---

[1]) Götzen-Dammerung, VIII, 111.

[2]) Der Wille zur Macht, § 475, B. XV, 482.

взора то, что я вижу человѣка раздробленнымъ на куски и разбросаннымъ словно на полѣ сраженія или на бойнѣ“ [1]).

Слова эти относятся къ самымъ разнообразнымъ человѣческимъ типамъ—къ современнымъ художникамъ и ремесленникамъ, односторонне развившимъ въ себѣ какую-нибудь одну способность, къ спеціалистамъ всѣхъ отраслей, но въ особенности—къ ученымъ. Въ каждомъ „спеціалистѣ“,—говоритъ Ницше,—поражаетъ нѣкоторая ограниченность точки зрѣнія, преувеличенная оцѣнка того уголка, гдѣ онъ сидитъ, и—его горбъ—такой есть у каждаго спеціалиста. Во всякой ученой книгѣ отражается кривая душа, ибо всякое ремесло искривляетъ! Всякое мастерство на свѣтѣ пріобрѣтается дорогою цѣною: кто хочетъ въ совершенствѣ владѣть своимъ ремесломъ, тотъ долженъ въ концѣ концовъ стать его жертвою. Такова именно участь ученыхъ спеціалистовъ: они врастаютъ въ свой уголъ, теряютъ равновѣсіе, становятся тощими, угловатыми во всемъ, кромѣ чего-нибудь одного [2]). Ихъ исключительно кабинетная жизнь влечетъ за собою утрату воспріимчивости и умственной свѣжести. „Если притронуться къ нимъ руками,—говоритъ Заратустра,—то они испускаютъ пыль, подобно мѣшкамъ съ мукою; и кто бы могъ подумать, что эта пыль происходитъ отъ хлѣбнаго зерна, отъ благодати и золота полей“. „Они—хорошіе часовые механизмы; только надо заводить ихъ во-время; тогда они безъ обмана показываютъ время и при этомъ скромно постукиваютъ. Они работаютъ подобно мельницамъ и ступкамъ, только надо подбрасывать имъ зерно! Они прекрасно умѣютъ размалывать зерно на мельчайшія части и превращать его въ бѣлую пыль“ [3]).

Всѣ эти качества ученаго выдаютъ въ немъ типъ неблагородный, демократическій: у него нѣтъ доблестей власть имѣющихъ, господствующихъ, самодовлѣющихъ людей. Его добродѣтели—прилежаніе, терпѣніе, усидчивость, покор-

[1]) Also sprach Zarathustra, VI, 204—205.
[2]) Die fröhliche Wissenschaft, § 366, B. V, 318—320.
[3]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 184.

ность дисциплинѣ, привычка считаться съ другими — *себѣ равными*, изобличаютъ въ немъ существо зависимое и стадное [1]). Оттого-то Заратустра не выноситъ ученыхъ. „Слишкомъ долго, — говоритъ онъ, — моя душа голодала за ихъ трапезою; для меня познаніе не есть какъ для нихъ—щелканье орѣховъ [2]).

Въ современномъ развитіи спеціальныхъ знаній въ ущербъ общимъ философскимъ интересамъ Ницше видитъ проявленіе вульгарныхъ тенденцій вѣка. „Объявленіе независимости ученымъ человѣкомъ, его освобожденіе отъ философіи представляетъ собою одно изъ тончайшихъ проявленій демократическаго склада и нескладицы". „Долой всякихъ господъ!" такъ хочетъ и здѣсь плебейскій инстинктъ; послѣ того, какъ наука перестала быть „рабою богословія", высокомѣріе и неразумѣніе ученаго человѣка хочетъ въ свою очередь диктовать законы философіи, господствовать надъ нею. Мало того, ученые сами хотятъ быть философами. Всего чаще у ученыхъ можно замѣтить пренебрежительное отношеніе ко всякой вообще философіи въ связи съ рабскою зависимостью отъ *какого-либо одного философскаго ученія*, которое служитъ для ученаго предметомъ безотчетной, наивной вѣры.

Такому разочарованію въ философіи въ значительной мѣрѣ способствовали сами современные философы съ ихъ отсутствіемъ творчества и пониманія великихъ синтетическихъ задачъ мысли. Въ особенности тѣ „смѣшанные люди", которые называютъ себя позитивистами или „философами дѣйствительности", способны вселить опасное недовѣріе въ душу молодого ученаго. Въ лучшемъ случаѣ эти философы суть сами „спеціалисты", ученые: не будучи на то способны, они взялись за царственныя задачи философіи. И вотъ, они теперь мстятъ за свое безсиліе, проповѣдуютъ словомъ и дѣломъ недовѣріе къ философіи [3]).

Демократизація и связанное съ нею опошленіе мысли ска-

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 206, B. VII, 148—149.

[2]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 183.

[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 204, B. VII, 143—146.

зывается не только въ упадкѣ современныхъ философскихъ системъ, но и въ искаженіи самой научной мысли, ибо въ основныхъ своихъ опредѣленіяхъ положительныя науки находятся въ неизбѣжной зависимости отъ философіи. Ницше указываетъ слѣды демократизма въ соціологіи [1]), біологіи [2]) и даже въ физикѣ [3]).

Словомъ, во всѣхъ сферахъ умственной и нравственной жизни съ неимовѣрной быстротой совершается одинъ и тотъ же процессъ — паденія культуры. Чѣмъ оно обусловливается? Въ частности, что способствуетъ паденію культуры нѣмецкой? Прежде всего—то, что высшее образованіе потеряло значеніе привилегіи, — въ этомъ состоитъ демократизмъ образованія общедоступнаго, всеобщаго. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что привилегіи по воинской повинности прямо вынуждаютъ переполненіе высшихъ школъ, иначе говоря,—ихъ гибель. Теперь въ современной Германіи никто не можетъ давать своимъ дѣтямъ аристократическаго воспитанія: всѣ высшія школы съ ихъ учителями, учебными планами и цѣлями, приспособлены къ самой двусмысленной посредственности“ [4]).

XX.

Обыкновенно, въ опроверженіе всякихъ толковъ объ упадкѣ культуры указываютъ на колоссальный прогрессъ государственнаго начала. Въ глазахъ Ницше, какъ разъ наоборотъ, именно ростъ государства служитъ частью симптомомъ, частью же причиной упадка, ибо государство выражаетъ собою коллективное, *стадное* начало. Культура и государство суть антагонисты: государство можетъ преуспѣвать только въ ущербъ культурѣ, культура же — въ ущербъ государству. Все великое въ культурномъ смыслѣ

---

[1]) Götzen—Dämmerung, VIII, 148.
[2]) Genealogie der Moral, VII, 371—372.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, § 22, B VII, 35.
[4]) Götzen—Dämmerung, VIII, 113.

чуждо политикѣ; наоборотъ, государство, достигши могущества, перестаетъ быть центромъ культурной жизни. Умственная жизнь процвѣтала въ Германіи въ началѣ XIX столѣтія, когда послѣдняя была политически ничтожна; послѣ политическаго объединенія Германіи центръ культурнаго движенія перенесся въ побѣжденную Францію [1]). Съ этой точки зрѣнія Заратустра учитъ, что государство есть „смерть народовъ", учрежденіе для „лишнихъ людей": типъ истиннаго, „не лишняго" человѣка начинается тамъ, гдѣ кончается государство [2]).

Какова общественная жизнь, таковы и политическія теоріи. Онѣ даютъ формулы извращеннымъ инстинктамъ выродившагося европейскаго общества. Въ чемъ заключаются основныя стремленія соціализма? Это—во всѣхъ отношеніяхъ фантастическій младшій братъ отживающаго деспотизма. Онъ требуетъ для себя такой полноты государственнаго могущества, которое оставляетъ далеко за собой все прошлое деспотизма; онъ стремится прямо къ уничтоженію индивидуальности: послѣдняя представляется ему какою-то неумѣстною роскошью въ природѣ; и вотъ, соціализмъ хочетъ превратить индивида въ цѣлесообразный органъ общежитія. Самое могущество цезарей оказалось бы далеко недостаточнымъ для этой цѣли, ибо соціализмъ требуетъ небывалаго еще доселѣ вѣрноподданическаго преклоненія всѣхъ гражданъ передъ неограниченною властью государства [3]).

Въ основѣ ученій либеральныхъ лежитъ та же сущность. Либеральныя учрежденія „подкапываютъ" стремленіе личности къ могуществу; они возводятъ въ принципъ всеобщую нивеллировку, уравниваютъ холмы и долины, дѣлаютъ людей маленькими, трусливыми и жадными къ наслажденіямъ: въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ—не что иное, какъ превращеніе въ стадо. Народы, которые чего-нибудь стоятъ и стоили, никогда не достигали своего ве-

---

[1]) Götzen—Dämmerung, B. VIII, 111—112.

[2]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 69—72.

[3]) Menschliches, Allzumenschliches, § 473, B. II, 350—351.

личія при либеральныхъ учрежденіяхъ: великая опасность вырабатывала изъ нихъ нѣчто достойное уваженія,—та опасность, въ которой пробуждается наша сила, наша воинственная доблесть и нашъ умъ: либеральныя учрежденія, разъ они достигнуты, губятъ высшія качества человѣческой природы именно потому, что они создаютъ атмосферу всеобщей безопасности [1]). Всѣ современныя политическія учрежденія, конституціи и теоріи, отъ либерализма до анархизма, выражаютъ собою различныя стороны одного и того же упадка; всѣ они сближаются между собою въ общей приверженности къ идеалу „автономнаго стада“ и въ общей враждѣ противъ всякаго другого общественнаго устройства, покоющагося на противоположности рабовъ и господъ [2]).

Общая мечта демагоговъ есть счастіе зеленаго пастбища для всѣхъ, со спокойствіемъ, безопасностью, удобствомъ и облегченіемъ жизни для каждаго; ихъ любимое ученіе—„равенство правъ“ и „состраданіе ко всѣмъ страждущимъ“; самое страданіе съ ихъ точки зрѣнія есть нѣчто такое, что слѣдуетъ уничтожить. А мы, говоритъ Ницше, напротивъ, думаемъ, что растеніе „человѣкъ“ всего сильнѣе растетъ ввысь при противоположныхъ условіяхъ: для этого опасность его положенія должна возрости до чрезвычайности. Жестокость, насиліе, рабство, опасность на улицѣ и въ сердцѣ, стоицизмъ, искусство искушенія и чертовщина всякаго рода, хищное и змѣиное въ человѣкѣ—вотъ тѣ качества, которыя по преимуществу служатъ возвышенію человѣческаго рода [3]).

Въ основѣ политическихъ идеаловъ новаго времени, какъ и въ основѣ морали состраданія, лежитъ по Ницше все тотъ же источникъ—возстаніе рабовъ противъ господъ. Въ его глазахъ демагогія новаго времени какъ нельзя лучше олицетворяется образомъ Руссо, который былъ идеалистомъ

1) Götzen—Dämmerung, VIII, 149—150.
2) Jenseits von Gut und Böse, § 202, B. VII, 136.
3) Ibid., § 44, B. VII, 64—65.

и вмѣстѣ съ тѣмъ — канальей, проповѣдникомъ равенства изъ злобы и зависти ко всему, что выдается надъ общимъ уровнемъ [1]).

Въ концѣ концовъ весь этотъ демократизмъ представляетъ собою историческое продолженіе той идеализаціи слабыхъ, „немощныхъ міра сего", которая началась еще въ христіанствѣ. Христіанство впервые возвѣстило равенство всѣхъ передъ Богомъ! „Первый и послѣдній христіанинъ",— говоритъ Ницше,—„возстаетъ въ угоду низшему инстинкту противъ всего привилегированнаго: онъ живетъ и борется изъ-за равныхъ правъ" [2]). Христіанинъ и анархистъ—въ одинаковой мѣрѣ — декаденты. Христіанинъ осуждаетъ и хулитъ міръ подъ давленіемъ того же инстинкта, который заставляетъ соціалистическаго рабочаго хулить, клеветать и осуждать современное общество. Самый „страшный судъ" есть услада ожидаемой мести; это—та же революція, о которой мечтаетъ соціалистическій рабочій, хотя и отодвинутая въ мысли на срокъ болѣе отдаленный" [3]).

Измельчаніе и вырожденіе въ современной Европѣ дошло до того, что самый типъ человѣка независимаго, повелителя, мало-по-малу исчезаетъ. Европа находится подъ обояніемъ общераспространеннаго предразсудка, будто человѣкъ стадный, *послушный* есть единственный дозволенный типъ человѣка. Поэтому сами правители, вынужденные повелѣвать другимъ, испытываютъ при этомъ угрызенія совѣсти: чтобы быть въ состояніи повелѣвать, они должны прибѣгать къ самообману. Въ этомъ и заключается то, что Ницще называетъ „лицемѣріемъ повелѣвающихъ". Давая приказанія, правители притворяются, будто они приказываютъ не отъ своего имени, будто они сами при этомъ подчиняются велѣніямъ болѣе древнимъ, напримѣръ, завѣтамъ предковъ, предписаніямъ конституціи, закона, права и даже— Бога: они хотятъ всѣхъ увѣрить, будто и сами они слѣду-

[1]) Götzen—Dämmerung, B. VIII, 161—162.
[2]) Der Wille zur Macht, § 46, B. VIII, 280.
[3]) Götzen—Dämmerung, B. VIII, 142.

ютъ правиламъ стадной мудрости въ качествѣ „первыхъ слугъ народа“ или „орудій общаго блага“. Самый конституціонный образъ правленія нынѣшнихъ государствъ проникнутъ тѣмъ же духомъ: нынѣшній парламентаризмъ представляетъ собою попытку замѣнить истинныхъ, врожденныхъ повелителей коллективною мудростью многихъ стадныхъ людей [1]).

XXI.

Соціальная философія Ницше, какъ и его нравственное ученіе, проникнута отвращеніемъ къ человѣку. Чѣмъ объясняется это отвращеніе, спрашиваетъ онъ себя, „вѣдь безо всякаго сомнѣнія мы страдаемъ о человѣкѣ? Причиною тутъ служитъ не страхъ, а скорѣе то, что *намъ уже нечего боятся* отъ человѣка: человѣкъ—червь занялъ весь первый планъ и кишмя кишитъ; человѣкъ ручной и безнадежно посредственный уже научился видѣть въ себѣ человѣка высшаго, конечную цѣль, вершину и смыслъ исторіи [2]).

Въ этомъ мрачномъ освѣщеніи Ницше видитъ не только настоящее, но и прошлое человѣка. „Когда мой взоръ обращается отъ настоящаго къ прошлому“,—говоритъ Заратустра,—„онъ находитъ тамъ все то же самое: разрозненные части, органы человѣка, но людей онъ не видитъ. Настоящее и прошлое на землѣ, братья мои, это для меня самое невыносимое; я не зналъ бы, какъ мнѣ и жить, если бы я не былъ ясновидцемъ будущаго“ [3]).

Утѣшеніемъ для Ницше служитъ то, что онъ видитъ въ настоящемъ переходъ къ лучшему будущему. „Ясновидецъ, хотящій, человѣкъ будущаго и какъ бы мостъ къ будущему, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увы, какъ бы калѣка на этомъ мосту,—таковъ Заратустра“ [4]). Залогъ того лучшаго будущаго, ко-

---

[1]) Jenseits von Gut und Böse, § 199, B. VII, 130; ср. Nachträge zum Zarathustra, § 714, B. XII, 367; Die fröhliche Wissenschaft, § 174, B. V, 186.

[2]) Zur Genealogie der Moral; B. VII, 324.

[3]) Also sprach Zarathustra. B. VI, 205.

[4]) Ibid.

торое предвидитъ Заратустра, заключается въ самомъ процессѣ вырожденія современнаго человѣчества. Этотъ ужасающій упадокъ представляетъ собою необходимое предшествующее того великаго роста, который предстоитъ человѣчеству. Когда старое крошится и погибаетъ, это значитъ, что нарождается новая, высшая форма существованія. Самыя страданія, симптомы упадка предзнаменуютъ эпохи усиленнаго движенія впередъ. Когда растетъ высшій человѣкъ, то должна расти вмѣстѣ съ тѣмъ и оборотная его сторона, человѣкъ обыденный, низшій: для возвышенія рѣдкихъ, исключительныхъ экземпляровъ человѣчества необходимъ контрастъ [1]). Съ этой точки зрѣнія вырожденіе человѣчества должно представиться въ новомъ освѣщеніи. Паденіе, упадокъ, вырожденіе, не есть что-либо заслуживающее осужденія; это — необходимое послѣдствіе самой жизни и ея роста. Явленіе „декаденства“ такъ же необходимо, какъ и всякое восхожденіе жизни, всякое поступательное движеніе: не въ нашихъ силахъ его остановить. Напротивъ, разумъ хочетъ его оправданія [2]).

Оправданіе заключается въ томъ, что для высшаго рода существъ необходимы низшіе — въ качествѣ орудій и пьедестала: точнѣе говоря, для господъ необходимы рабы. Умаленіе человѣка въ теченіе долгаго времени должно считаться единственною цѣлью исторіи: только этимъ путемъ можетъ создаться тотъ широкій и прочный фундаментъ, на которомъ будетъ красоваться болѣе сильная разновидность человѣка [3]).

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ не задерживать, а, напротивъ того, ускорять происходящій въ Европѣ процессъ всеобщаго уравненія. Какъ только этотъ процессъ придетъ къ концу, измельчавшее человѣческое стадо само собою попадетъ въ руки сильныхъ людей—его естественныхъ господъ и повелителей. Ибо, чѣмъ больше мельчаетъ масса

---

1) Der Wille zur Macht, §§ 71, 475, B. XV, 70, 481.

2) Ibid., § 72, стр. 71.

3) Ibid., § 388, стр. 415.

чѣмъ больше возрастаетъ пропасть между нею и высшею разновидностью человѣка; тѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, становится перевѣсъ силы на сторонѣ послѣдней.

Оправданіе толпы заключается въ ея служеніи высшему роду властителей, которые безъ нея не могли бы исполнить своей задачи. Задача господствующей расы заключается вовсе не въ томъ только, чтобы править: ея цѣль — не въ управляемыхъ, не въ низшихъ, а въ ней самой, въ ея собственной жизненной сферѣ: здѣсь она должна быть явленіемъ избытка силы, красоты, мужества, высшей культуры и манеры. Это—самоутверждающаяся и жизнерадостная порода людей, которая можетъ позволить себѣ всякую роскошь, достаточно сильная, чтобы не нуждаться въ тиранніи нравственныхъ заповѣдей, достаточно богатая, чтобы не быть бережливою и педантичною,— по ту сторону добра и зла. Это — какъ бы оранжерея, наполненная рѣдкими и изысканными растеніями [1]).

Такимъ образомъ, современное развитіе человѣчества приводитъ къ двоякому результату: оно готовитъ типъ человѣка-машины: оно стремится превратить человѣчество въ необозримую систему колесъ и рычаговъ, прилаженныхъ другъ къ другу и приспособленныхъ къ общей цѣли производства. Готовя, такимъ образомъ, прекрасныя орудія эксплоатаціи, современная цивилизація тѣмъ самымъ подготовляетъ условія существованія для новаго типа эксплоататоровъ. Современное машинное производство доводитъ эксплоатацію человѣка человѣкомъ до максимума: эта эксплоатація не исчезнетъ, а найдетъ себѣ оправданіе въ будущемъ, когда народится новая знать, достойная господствовать надъ низшими [2]).

Между „господами“ и „рабами“ найдутъ себѣ мѣсто и люди среднихъ дарованій: высшая культура можетъ стоять только на широкомъ основаніи крѣпко сплоченной посред-

---

[1]) Ibid., § 386, B. XV, 414.
[2]) Ibid., § 390, B. XV, 420—421.

ственности. Для нея прежде всего необходимы ученые; наука же никогда не была занятіемъ аристократическимъ: она не мирится съ исключительными дарованіями генія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть и дѣло массы: она—какъ разъ по плечу среднему типу людей. Чтобы вести торговлю и ворочать капиталами, опять таки нужны люди съ буржуазными наклонностями, иначе говоря,—люди среднихъ дарованій [1]).

Разъ высшая культура не можетъ обойтись безъ рабовъ, представляется необходимою и желательною та мораль, которая воспитываетъ въ человѣкѣ качества орудія. Я объявилъ войну христіанскому идеалу, говоритъ Ницше, вовсе не съ тѣмъ, чтобы его уничтожить, а для того, чтобы положить конецъ его тиранніи и очистить мѣсто для другихъ, болѣе могущественныхъ идеаловъ. Само по себѣ дальнѣйшее существованіе христіанскаго міровоззрѣнія даже въ высшей степени желательно. „Намъ имморалистамъ нужна сила морали: наше стремленіе къ самосохраненію требуетъ, чтобы противники остались при своихъ силахъ; оно только хочетъ — господствовать надъ ними“ [2]). Съ точки зрѣнія Ницше правило является необходимымъ условіемъ существованія исключеній [3]). Чтобы высшіе люди были совершенными господами, необходимо, чтобы масса была совершеннымъ стадомъ.

XXII.

Послѣ всего того, что было уже сказано о внутреннихъ противорѣчіяхъ нравственной философіи Ницше, критика его соціальнаго и политическаго ученія можетъ свестись къ немногимъ замѣчаніямъ. Здѣсь мы находимъ тѣ же противорѣчія, тотъ же двойственный масштабъ цѣнностей.

Двойственнымъ представляется прежде всего то понятіе „упадка“, подъ которое Ницше подводитъ все современное

---

1) Ibid., § 389, B. XV, 418—419.

2) Ibid, § 409, стр. 434.

3) Ibid., § 404, стр. 431.

ему общественное развитіе. „Упадокъ“ въ его устахъ означаетъ то отпаденіе отъ извѣстной нормы біологическаго совершенства, достигнутой когда-то въ прошломъ, въ эпоху процвѣтанія „бѣлокурой бестьи“, то отклоненіе отъ идеала высшей разумности, достижимой только въ будущемъ. Вслѣдствіе этого одни и тѣ же факты понимаются у Ницше то какъ признаки упадка, то какъ проявленія новой восходящей жизни, высшей культуры.

Таково, напримѣръ, *его отношеніе къ сознательной жизни.* Развитіе сознанія всегда связано съ усиленнымъ развитіемъ нервной системы: усиленная мозговая дѣятельность обыкновенно идетъ въ ущербъ развитію мускуловъ. Будучи орудіемъ общенія между людьми, сознаніе вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ потребность въ такомъ общеніи. Жить сознательно—значитъ жить въ атмосферѣ, общей всѣмъ людямъ. На этомъ основаніи Ницше видитъ въ сознаніи *проявленіе стаднаго начала.* „Въ концѣ концовъ“,—говоритъ онъ,—возростающее сознаніе есть опасность: кто живетъ среди сознательныхъ европейцевъ, тотъ понимаетъ, что оно—болѣзнь“[1]). Съ другой стороны въ глазахъ Ницше—*высшая сознательность есть печать генія*, то, что возвышаетъ личность надъ состояніемъ вырожденія и упадка. Сознаніе, такимъ образомъ, есть для нашего философа то признакъ зависимости и слабости, то проявленіе избытка силы и превосходства: съ одной стороны оно возводитъ человѣка въ достоинство личности; съ другой стороны, оно есть именно то, что обезличиваетъ.

Противоположности упадка и возвышенія жизни, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ у Ницше противоположность аристократизма и демократизма. Нетрудно убѣдиться, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ понятіями по существу противорѣчивыми и двусмысленными. Демократизмъ у нашего писателя является то синонимомъ слабонервности, дряблости, вообще физіологическаго вырожденія, то синонимомъ умствен-

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 354, B. V, 290—294.

наго ничтожества. Точно такъ же и аристократизмъ означаетъ то превосходство расы, болѣе крѣпкой нервами и мускулами, то превосходство людей, исключительно одаренныхъ. Самое нѣмецкое слово „vornehm“, которое Ницше употребляетъ для обозначенія всего аристократическаго,— слово, не поддающееся точному переводу,—есть терминъ двусмысленный по существу: оно можетъ означать и знатность рода и всякое другое превосходство человѣка надъ человѣкомъ. Тотъ общественный типъ, который служитъ у Ницше мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ существующихъ формъ человѣческаго общенія, соединяетъ въ себѣ противоположныя черты аристократіи расовой и аристократіи умственной, культурной. Въ его изображеніи „знать будущаго“ соединяетъ въ себѣ качества хищнаго звѣря, который пожираетъ „ягнятъ“ и мудреца, который законодательствуетъ по праву разума.

Съ этимъ связывается у Ницше двойственность правовыхъ понятій. Владычество аристократіи у него оправдывается требованіями „истинной справедливости“, при чемъ эта „справедливость“ то отождествляется съ правомъ силы, то, напротивъ, противополагается ему. Когда идетъ рѣчь объ эксплоатаціи низшихъ высшими, Ницше находитъ, что она справедлива, ибо она естественна: она составляетъ результатъ физіологической необходимости. Тутъ, слѣдовательно, *право сильнѣйшаго признается безо всякихъ ограниченій*. Напротивъ, когда государство пожираетъ личность, когда чернь ниспровергаетъ меньшинство господъ *по праву силы*, это вызываетъ въ Ницше негодованіе и отвращеніе. Тутъ, слѣдовательно, *справедливость понимается какъ что-то противоположное силѣ*: „равнымъ равное“, говоритъ онъ, неравнымъ неравное, вотъ истинное требованіе справедливости [1]).

Однимъ словомъ, въ своихъ сужденіяхъ о человѣческомъ обществѣ, дѣйствительномъ и идеальномъ, Ницше становится

---

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 2.

то на точку зрѣнія *чистаго натурализма*, исключающую нравственную оцѣнку, то на точку зрѣнія *нормативную, нравственную*. Господство знати представляется ему то какъ *фактъ*, имѣющій наступить въ будущемъ въ силу непреодолимой естественной необходимости, то какъ повелительная норма, идеалъ, которому *долженъ* слѣдовать человѣкъ. Въ своемъ соціальномъ ученіи Ницше хочетъ стоять по ту сторону добра и зла; однако, онъ предъявляетъ, если не ко всему обществу, то, по крайней мѣрѣ, къ „высшимъ людямъ“ рядъ этическихъ требованій: они не должны довольствоваться ролью винтиковъ соціальной машины: они не должны жертвовать интересами умственными для интересовъ матеріальныхъ; они не должны стыдиться господства надъ низшими; они не должны предаваться узкой спеціальности: имъ подобаетъ стремиться къ всестороннему гармоническому развитію всѣхъ ихъ силъ и способностей.

Соціальная философія Ницше, какъ и вся вообще его философія, является одновременно и исканіемъ и отрицаніемъ высшаго смысла человѣческаго существованія. Съ одной стороны, весь его протестъ противъ того, что онъ называетъ „демократизмомъ“ или „вырожденіемъ“ покоится на томъ предположеніи, что цѣль человѣчества — не въ сытости, не во всеобщемъ довольствѣ: никакое матеріальное благосостояніе не можетъ вознаградить человѣка за утрату тѣхъ духовныхъ благъ, которыя обусловливаютъ его достоинство какъ личности, составляютъ его преимущество передъ животными. Съ другой стороны, оказывается, что нѣтъ той цѣли, которая могла бы приподнять человѣка надъ животнымъ міромъ. Безсмысленная сила, слѣпая, безцѣльная воля могущества есть высшее и безусловное въ мірѣ! Человѣкъ — одно изъ проявленій этой слѣпой стихій: поэтому высшее, что ему доступно, есть *максимумъ могущества*, максимумъ эксплоатаціи, максимумъ господства надъ другими. Та пропасть между человѣкомъ и животнымъ, которую имѣлось въ виду воздвигнуть, снова исчезаетъ, и высшій человѣкъ оказывается въ высшей мѣрѣ животнымъ, страшнѣйшимъ и

злѣйшимъ экземпляромъ животнаго. А низшіе должны довольствоваться болѣе скромною ролью—животныхъ домашнихъ, орудій сверхчеловѣка.

XXIII.

Ученіе о сверхчеловѣкѣ.

Мы подошли къ центральной идеѣ Ницше. Для него мысль о „сверхчеловѣкѣ" олицетворяетъ собою оправданіе его жизни и весь смыслъ его философствованія. Присмотримся же внимательнѣе къ этой мысли.

Прежде всего замѣтимъ, что она находится въ тѣснѣйшей связи съ изложеннымъ уже выше ученіемъ о безцѣльности всего существующаго.—Въ мірѣ нѣтъ цѣли, нѣтъ смысла; а между тѣмъ, вся жизнь человѣка построена на предположеніи какой-то конечной цѣли, которая оправдываетъ его существованіе. Отсюда слѣдуетъ, что это представленіе „цѣли" есть выраженіе человѣческой прихоти и произвола. Отдѣльные люди и цѣлые народы создаютъ себѣ цѣли по своему усмотрѣнію и вкусу. „До сего времени,—говоритъ Заратустра,—существовали тысячи цѣлей, ибо существовали тысячи народовъ. Но доселѣ не существуетъ еще тѣхъ оковъ, которыя бы сковывали вмѣстѣ эти тысячи: нѣтъ *единой* цѣли. Человѣчество еще не имѣетъ цѣли. Но скажите, братья мои, если у человѣчества еще нѣтъ цѣли, *не значитъ ли это, что доселѣ еще нѣтъ самаго человѣчества*" [1])?

Существо, лишенное цѣли, по тому самому мелко, ничтожно и недостойно носить имя человѣка. Если всѣ тѣ цѣли, которыя до сего времени ставило себѣ человѣчество, оказались призрачными, то необходимо поставить передъ человѣкомъ новую цѣль. До сихъ поръ цѣль человѣчества опредѣлялась моралью. Но нравственныя воззрѣнія, ложныя въ своемъ основаніи, не спасали личности отъ ничтожества. Крушеніе морали, предстоящее въ непосредственномъ бу-

[1]) Also sprach Zarathustra, VI, 87.

дущемъ, должно вызвать въ обществѣ дальнѣйшій процессъ разложенія, слѣдовательно, дальнѣйшее измельчаніе и паденіе личности. Поэтому человѣчество болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ новой цѣли и въ новой любви. Уничтоженіе человѣка должно быть остановлено новымъ актомъ творчества [1]).

Въ этомъ смыслѣ Заратустра обращается къ народу: „Настало время, чтобы человѣкъ поставилъ передъ собою свою цѣль. Настало время человѣку насадить зерно высшей своей надежды. Теперь еще почва для этого достаточно плодородна. Но она станетъ когда-нибудь скудною, тощею, и никакое высокое дерево не возможетъ возрасти на ней". „Увы, наступаетъ время, когда человѣчество уже не будетъ въ состояніи родить изъ себя никакой звѣзды? Увы, наступаетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который уже не будетъ въ состояніи презирать самого себя" [2])!

Та новая цѣль, которую Ницше хочетъ поставить передъ человѣкомъ, не есть что-либо трансцендентное самому человѣку, ибо надъ человѣкомъ нѣтъ иной, высшей дѣйствительности. Если надъ человѣкомъ нѣтъ Бога,—это значитъ, что самъ человѣкъ долженъ стать для себя высшимъ, божественнымъ. Единый Богъ долженъ быть замѣненъ множествомъ человѣческихъ боговъ; смерть Бога есть вмѣстѣ съ тѣмъ воскрешеніе политеизма. „Божественное состоитъ именно въ томъ, что есть боги, но нѣтъ Бога" [3]). Но обожествленный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ преображенный, всецѣло отличный отъ нынѣшняго человѣка-карлика: должно народиться нѣчто, „что превзойдетъ величіемъ бурю, горы и море и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сыномъ человѣческимъ" [4]).

Новою цѣлью для человѣка мажетъ быть только новый человѣческій, точнѣе говоря, новый сверхчеловѣческій типъ.

---

[1]) Nachträge zum Zarathustra, §§ 673—674, XII, 357—358.
[2]) Also sprach Zarathustra; VI, 19.
[3]) Ibid., VI, 296: Der Wille zur Macht, § 480, B. XV, 485—486.
[4]) Nachträge zum Zarathustra, § 682, B. XII, 361.

„Слушайте, я возвѣщаю вамъ сверхчеловѣка,—говоритъ Заратустра.—Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли. Пусть ваша воля скажетъ: сверхчеловѣкъ да будетъ смысломъ земли“ [1]). Разъ сверхчеловѣкъ становится для насъ высшею цѣлью, онъ наполняетъ для насъ смысломъ не только міръ человѣческій, но и „всю землю“, т.-е. всю жизнь природы; если сверхчеловѣкъ есть для насъ цѣнное по преимуществу, то все существующее должно быть оцѣниваемо въ отношеніи къ нему. Вся наша жизнь должна быть приноровлена къ этой цѣли: мы должны работать и изобрѣтать, чтобы построить жилище для сверхчеловѣка; мы должны готовить для него землю, животныхъ и растенія; ради него мы должны желать собственной нашей погибели [2]).

„Новая цѣль“ разомъ мѣняетъ освѣщеніе всей окружающей насъ дѣйствительности, всего нашего настоящаго и прошлаго. Для человѣка она олицетворяетъ собою его задачу и вмѣстѣ съ тѣмъ—его оправданіе. Въ процессѣ міровой эволюціи каждая ступень органическаго міра служитъ переходомъ отъ низшаго къ высшему: всѣ существа доселѣ производили изъ себя нѣчто высшее; въ человѣкѣ это восхожденіе жизни должно продолжаться: онъ также долженъ родить изъ себя высшую форму существованія—сверхчеловѣка. „Что такое обезьяна въ отношеніи къ человѣку: посмѣшище или мука стыда! Тѣмъ же самымъ долженъ быть и человѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мукою стыда. Вы прошли путь отъ червя къ человѣку и въ васъ еще остается многое отъ червя. Нѣкогда вы были обезьянами, да и сейчасъ еще человѣкъ—больше обезьяна, чѣмъ всякая другая обезьяна“ [3])!

Человѣкъ—во всѣхъ отношеніяхъ промежуточное звено, „канатъ, протянутый между животнымъ и сверхчеловѣкомъ и висящій надъ бездною“. Велико и достойно любви въ человѣкѣ—именно то, что онъ не есть окончательная цѣль,

---

1) Also sprach Zarathustra, VI, 13.
2) Ibid., VI, 16.
3) Ibid., 13.

а только *мостъ* къ сверхчеловѣку, переходная, а потому—преходящая форма жизни [1]). Даже высшіе люди нашего времени—не болѣе, какъ такіе мосты и переходы, отцы и предки имѣющаго народиться сверхчеловѣка [2]). Переходъ къ лучшему будущему сказывается въ томъ отвращеніи, которое современность внушаетъ высшимъ людямъ, въ ихъ отчаяніи и презрѣніи къ настоящему: ибо въ этомъ отчаяніи обнаруживается ихъ влеченіе „къ берегамъ инымъ“ [3]).

Что же долженъ дѣлать человѣкъ, который видитъ въ самомъ себѣ только подготовительную ступень къ будущему? Онъ долженъ посвятить этому будущему всю свою мысль и волю; онъ не долженъ заботиться вмѣстѣ съ прочими людьми о возможно долгомъ сохраненіи и наибольшемъ благополучіи человѣка; вмѣсто того онъ долженъ видѣть свою основную задачу въ вопросѣ Заратустры: „*какъ преодолѣть человѣка?*“ Маленькая добродѣтель, мелкая житейская мудрость, мелочныя заботы, муравьиная суета, жалкое довольство и „счастіе большинства“,—вотъ что предстоитъ преодолѣть высшимъ людямъ [4])!

Отсутствіе конечной цѣли въ мірѣ равнозначительно отсутствію добра и зла въ немъ. Но тотъ, кто создаетъ человѣку цѣль, тѣмъ самымъ возвращаетъ землѣ ея смыслъ и ея будущее. Только этимъ творческимъ подвигомъ человѣкъ можетъ вновь содѣлать, чтобы добро различалось отъ зла [5]). Создать цѣль—значитъ внести смыслъ не въ одно только будущее. Созидая изъ человѣческаго матеріала сверхчеловѣка, мы тѣмъ самымъ создаемъ посмертное оправданіе всѣмъ уже умершимъ; мы сообщаемъ смыслъ и цѣль ихъ жизни и всему вообще прошедшему. Мы пересоздаемъ все бывшее въ желанное [6]), долженствовавшее быть. Вмѣстѣ

---

[1]) Ibid., 16, 418.
[2]) Ibid., 411, 123.
[3]) Ibid., 418, 16.
[4]) Ibid., 16, 419.
[5]) Ibid., 288.
[6]) Ibid., 206; Nachträge zum Zarathustra, § 677, B. XII, 360.

съ тѣмъ мы даемъ человѣку счастіе творчества, — то единственное счастіе, которое имѣетъ цѣну: всѣ люди должны участвовать въ созиданіи сверхчеловѣка и въ этомъ находить свое счастіе [1]).

„Сверхчеловѣкъ“ олицетворяетъ собою нашу новую и высшую любовь, единственный предметъ, достойный нашей любви и могущій удовлетворить нашу потребность въ ней [2]). Достойно любви не настоящее и не прошедшее, а только будущее: слѣдуетъ любить не ближнихъ, а дальнихъ [3]). Мы можемъ любить истинною любовью только *нашихъ дѣтей*, то лучшее, высшее человѣчество, которое имѣетъ отъ насъ родиться. Мы хотимъ создать новое существо, участвовать въ его рожденіи, любить его, носить его въ нашемъ чревѣ; въ сверхчеловѣкѣ мы имѣемъ цѣль, ради которой мы можемъ любить и уважать другъ друга: всякія другія цѣли достойны уничтоженія. Въ сверхчеловѣкѣ самое наше себялюбіе находитъ себѣ оправданіе, ибо оно служитъ признакомъ беременности: нынѣшнее человѣчество чревато будущимъ; его муки суть муки рожденія [4]).

XXIV.

Въ чемъ же заключаются тѣ качества сверхчеловѣка, которыя дѣлаютъ его для насъ цѣлью? Если бы онъ былъ существомъ, всецѣло отъ насъ отличнымъ, безусловно намъ чуждымъ, мы не могли бы составить о немъ никакого представленія. Но, съ точки зрѣнія Ницше, *сверхчеловѣкъ есть продолженіе человѣка*. Его качества уже таятся въ насъ въ зародышѣ; мы можемъ судить о немъ по тому человѣческому матеріалу, изъ коего онъ имѣетъ быть созданъ. „Когда я создавалъ сверхчеловѣка, — говоритъ Ницше, — я не могъ откинуть отъ него ничего человѣческаго. Вся ваша злоба

---

[1]) Nachträge zum Zarathustra, § 685, B. XII, 361

[2]) Ibid., § 680, стр. 360.

[3]) Also sprach Zarathustra, VI, 291.

[4]) Ibid., 177, 236, 424; Nachträge zum Zarathustra, § 687, B. XII, 362.

и фальшь, вся ваша ложь и невѣжество, все это таится въ его сѣмени“ [1]). Сверхчеловѣкъ есть „синтетическій человѣкъ“ по преимуществу: его образъ получается путемъ сведенія въ одно цѣлое того, что есть въ отдѣльныхъ людяхъ частичнаго и отрывочнаго [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ нѣтъ мѣста для того, что̀ представляется въ человѣкѣ мелкимъ и ничтожнымъ: онъ олицетворяетъ совокупность всего, что есть великаго въ человѣкѣ, тотъ океанъ, въ которомъ должно потонуть наше презрѣніе [3]).

Присматриваясь внимательнѣе къ тѣмъ качествамъ, въ которыхъ Ницше видитъ признаки величія, зародыши сверхчеловѣчества, мы увидимъ, что это—большею частью опредѣленія, полученныя *путемъ отрицанія* средняго, обыденнаго человѣка. Обыденный человѣкъ во всемъ покоренъ обычаю; напротивъ, великое въ человѣкѣ есть всегда „необычное“, „рѣдкое“; великъ тотъ, кто непохожъ на другихъ; но, такъ какъ эти „другіе“, т.-е. человѣческая толпа, въ различныя историческія эпохи обладаютъ далеко не одинаковой физіономіей, то и признаки величія въ различныя времена различны. Въ наши дни господства демократическаго идеала признакомъ величія является аристократизмъ: великъ тотъ, кто не идетъ со всѣми, кто уединяется отъ толпы, живетъ для себя, а не для другихъ, тотъ, кто отклоняется отъ общей нормы. Если отличительнымъ признакомъ обыденнаго человѣка является послушаніе господствующей морали, то „великій“ человѣкъ стоитъ „внѣ противоположности добра и зла“: онъ—„преступникъ“ по существу, ибо онъ разбиваетъ всѣ существующія скрижали цѣнностей: вся его жизнь есть непрерывное нарушеніе всѣхъ тѣхъ законовъ, коими управляется масса; зародышъ сверхчеловѣческаго въ немъ есть по преимуществу его „злоба“. Въ противоположность „стадному человѣчеству“—великіе суть „отшельники“, „одинокіе“; изъ нихъ со временемъ выростетъ

---

[1]) Nachträge, § 692, B. XII, 362.

[2]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 206.

[3]) Ibid., 14.

тотъ избранный народъ, который создастъ изъ себя сверхчеловѣка.

Въ своемъ „Заратустрѣ“ Ницше между прочимъ изображаетъ рядъ типовъ „высшихъ людей“ нашего времени. Они еще носятъ на себѣ печать упадка—характерное отличіе всего современнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они уже содержатъ въ себѣ зародыши имѣющаго родиться сверхчеловѣка: они—его предшественники и предки. Всѣ они—прежде всего отрицатели, бѣглецы, ушедшіе отъ современнаго общества, отрѣшившіеся отъ современныхъ вѣрованій, „люди великаго презрѣнія и отчаянія“. Это—прежде всего самъ Заратустра—безбожникъ изъ безбожниковъ: онъ не знаетъ себѣ равнаго, ибо онъ отвергъ всякій законъ кромѣ собственной своей воли; всякое человѣческое общество служитъ для него предметомъ отвращенія; онъ спасается отъ людей въ уединеніи своей пещеры, расположенной на высочайшей горной вершинѣ, подъ снѣгомъ и льдомъ, среди недоступныхъ скалъ. Онъ—врагъ всякаго состраданія—хочетъ быть твердымъ какъ алмазъ; но онъ все-таки представляетъ собою только пророческое явленіе, подготовительную ступень къ сверхчеловѣку, ибо онъ не преодолѣлъ еще въ себѣ послѣдняго своего грѣха, послѣдняго остатка человѣчности—жалости къ лучшимъ, „высшимъ людямъ“.

Въ пещеру Заратустры стекаются посѣтители,—тоже „высшіе люди“, но, однако, стоящіе ступенью ниже его; они ищутъ у него поученія и требуютъ помощи. Первымъ является прорицатель, „проповѣдникъ великой усталости“, типъ современнаго пессимиста. Онъ учитъ, что „все въ мірѣ безразлично, всякое стремленіе суетно, міръ не имѣетъ смысла, знаніе давитъ какъ кошмаръ, исканіе безплодно, и нѣтъ острововъ блаженныхъ“. За нимъ идутъ цари, пресытившіеся властью; имъ тошно господствовать надъ чернью, быть первыми среди сволочи; имъ противно занимать высшее положеніе, не будучи высшими по природѣ; въ самихъ себѣ и въ своихъ подданныхъ они видятъ только типъ человѣка выродившагося: они ищутъ того высшаго

человѣка, который достоенъ властвовать на землѣ. За царями слѣдуетъ „добросовѣстный духа"—ученый, разочаровавшійся въ своемъ знаніи. Его добросовѣстность не мирится съ диллетантизмомъ: онъ хочетъ знанія безусловно достовѣрнаго, точнаго и предпочитаетъ ничего не знать, нежели знать многое наполовину; и онъ подавленъ ничтожествомъ того, что доступно человѣческому знанію. Онъ посвятилъ свою жизнь изученію мозга піявки: это—его міръ, внѣ коего онъ ничего не знаетъ въ совершенствѣ. Другой типъ высшаго человѣка — волшебникъ — художникъ, разочаровавшійся въ своемъ искусствѣ. Онъ обладаетъ даромъ очаровывать, обманывать другихъ, но онъ не въ состояніи обмануть самого себя: передъ людьми онъ является въ роли великаго мага, но самъ онъ удрученъ сознаніемъ своего ничтожества и лжи своего творчества; все въ немъ ложь; онъ правдивъ только въ своемъ отвращеніи къ себѣ и другимъ, въ своей тоскѣ по недосягаемому идеалу человѣка великаго и правдиваго.

Далѣе Ницше изображаетъ „послѣдняго папу"; этотъ святитель утратилъ вѣру „изъ благочестія", потому что его религіозная потребность не нашла себѣ удовлетворенія въ его собственной религіи; и вотъ онъ странствуетъ безъ дѣла, безъ служенія и безъ радости, ошеломленный извѣстіемъ о смерти Бога. То же разочарованіе и та же печаль является намъ во образѣ „безобразнѣйшаго изъ людей"—„убійцы Бога". Для него Богъ прежде всего—„свидѣтель человѣческой немощи" и какъ бы ея олицетвореніе. Богъ видѣлъ всю глубину человѣческаго безобразія и позора: его состраданіе проникало всюду, не щадило человѣческаго стыда, давало чувствовать человѣку всю бездну его ничтожества. „Безобразнѣйшій изъ людей" не вынесъ такого свидѣтеля: онъ умертвилъ Бога; это было для него актомъ мести.

Слѣдующій посѣтитель Заратустры—добровольный нищій, такъ же какъ и другіе—одинъ изъ отверженныхъ обществомъ. Онъ нѣкогда обладалъ большимъ состояніемъ, но устыдил-

ся своего богатства и проникся отвращеніемъ къ нынѣшнимъ богатымъ, этой „позлащенной черни“, которая хочетъ извлекать выгоды изъ всякаго сора. Отвернувшись отъ богатыхъ, „добровольный нищій“ обратился къ бѣднымъ отъ полноты своего сердца: но и они его не приняли: они также оказались „чернью“, мелкими, завистливыми людьми, возставшими рабами. Онъ удалился отъ бѣдныхъ и сталъ проповѣдовать коровамъ.

Послѣднимъ посѣтителемъ является тѣнь самого Заратустры, олицетвореніе всего его отрицанія и скорби. „Съ тобою,—говоритъ ему тѣнь,—я стремился ко всему запрещенному, худшему, отдаленнѣйшему: моя единственная добродѣтель—въ томъ, что я не страшился никакихъ запретовъ. Съ тобою я разбилъ все то, что почитало мое сердце; я отбросилъ всѣ пограничные камни и иконы; я побѣжалъ навстрѣчу опаснѣйшимъ желаніямъ, поднялся надо всякимъ преступленіемъ. Съ тобою я разучился вѣрить въ слова, цѣнности и великія имена“. Это—призракъ, который бродитъ безъ радости и безъ цѣли, и Заратустра бѣжитъ отъ своей мрачной тѣни.

Въ итогѣ всѣ тѣ „высшіе люди“, которые стекаются въ пещерѣ Заратустры, сближаются между собою *въ отрицаніи*; все это—люди, отчаявшіеся въ Богѣ и въ современномъ человѣкѣ: выраженіемъ ихъ общаго настроенія служитъ обрядъ „поклоненія ослу“, кощунственная пародія на богослуженіе, которую они всѣ вмѣстѣ совершаютъ въ пещерѣ Заратустры. Само по себѣ отрицаніе не можетъ быть идеаломъ и цѣлью, а потому Ницше неудовлетворенъ своими „высшими людьми“: они представляютъ собою только подготовительную ступень и предзнаменованіе грядущаго поколѣнія „сверхчеловѣковъ“. Заратустра ждетъ другихъ, болѣе могущественныхъ, побѣдоносныхъ, прекрасныхъ душою и тѣломъ: они должны быть „смѣющимися львами“. Только такихъ людей Заратустра можетъ назвать своими дѣтьми и наслѣдниками. „Вы, для меня недостаточно прекрасны и благородны,—говоритъ онъ высшимъ людямъ.—Мнѣ нужны

чистыя, гладкія зеркала для моихъ ученій; на вашей поверхности еще искажается мой собственный образъ!"

Ницше пытается возвыситься надъ отрицательными опредѣленіями и наполнить идею „сверхчеловѣка" положительнымъ содержаніемъ; но всѣ эти положительныя черты разлетаются какъ дымъ при первомъ прикосновеніи анализа. Въ основѣ всего ученія о сверхчеловѣкѣ лежитъ частью прикрашенное образами отрицаніе, частью безысходное противорѣчіе несовмѣстимыхъ стремленій.

То положительное качество, которое Ницше прежде всего цѣнитъ въ сверхчеловѣкѣ, есть сила: мы видѣли, что онъ признаетъ степень могущества единственнымъ мѣриломъ цѣнности. Если стать на эту точку зрѣнія, то станетъ очевиднымъ, что вся цѣнность сверхчеловѣка сводится *единственно къ контрасту* съ людьми болѣе слабыми, съ массою, съ толпою. Между тѣмъ мы видѣли, что масса людей, съ точки зрѣнія Ницше, не только не обладаетъ никакой цѣнностью, но напротивъ того, есть нѣчто заслуживающее презрѣнія и отвращенія. Если „сверхчеловѣкъ" цѣненъ лишь по сравненію съ тѣмъ, что никакой цѣны не имѣетъ, то очевидно, что и самъ онъ—цѣнность только воображаемая, мнимая. Съ космической точки зрѣнія онъ—одно изъ ничтожнѣйшихъ явленій, песчинка на земной корѣ, которая немного выше нѣкоторыхъ другихъ песчинокъ.

Все значеніе сверхчеловѣка сводится къ контрасту. Самъ по себѣ онъ—ничто: чтобы быть чѣмъ нибудь, для него небоходимо возвышаться, красоваться *надъ другими*: ему нуженъ человѣческій пьедесталъ, „чернь", надъ которой онъ могъ бы куражиться и зрители, передъ которыми онъ могъ бы позировать. Неужели въ этомъ заключается „смыслъ земли" и „цѣль человѣческаго существованія"!

Самъ Ницше смутно чувствуетъ фальшь собственной точки зрѣнія. Для него „сверхчеловѣкъ" есть высшая форма существованія. Но что можетъ значить „высшее" и „низшее" въ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа, гдѣ отсутствуетъ самый масштабъ для опредѣленія превосходства од-

нѣхъ формъ надъ другими! Современные эволюціонисты изображаютъ развитіе органическаго міра какъ прогрессивное движеніе, какъ переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. На этой гипотезѣ покоятся и надежды Ницше на возможный переходъ человѣчества въ высшій типъ сверхчеловѣка. Но вдругъ онъ спрашиваетъ себя, не лежитъ ли въ основѣ всей гипотезы развитія фальшивая и произвольная іерархія цѣнностей? Кто намъ сказалъ, что переходъ отъ одной формы къ другой есть переходъ къ лучшему и высшему? Вѣдь въ сущности можно такъ же убѣдительно доказать противоположное, т.-е. что весь процессъ міровой эволюціи, до человѣка включительно, есть безпрерывный упадокъ: человѣкъ и какъ разъ мудрѣйшій человѣкъ есть крайній предѣлъ самопротиворѣчія и заблужденія природы, ибо онъ—наиболѣе страждущее существо; самый органическій міръ есть продуктъ вырожденія міра неорганическаго [1]).

Стать „по ту сторону добра и зла“, какъ этого хочетъ Ницше, значитъ отрѣшиться отъ всякихъ цѣнностей: съ этой точки зрѣнія одинъ человѣкъ не выше и не цѣннѣе другого, ибо всѣ люди, какъ и всѣ вообще явленія природы, одинаково безцѣнны. Казалось бы, если такъ, о „сверхчеловѣкѣ“ не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, „сверхчеловѣкъ“ есть центральное понятіе философіи Ницше: онъ—именно то, что придаетъ красоту, смыслъ и привлекательность всей картинѣ міровой жизни. Какъ же, спрашивается, могло произойти это превращеніе безразличнаго въ прекрасное, цѣнное.

Самъ Ницше разоблачилъ свою тайну въ слѣдующемъ поэтическомъ образѣ.

„Эта гора сообщаетъ красоту и значеніе всей мѣстности, надъ которой она господствуетъ. Сказавши это себѣ въ сотый разъ, мы имѣемъ неблагоразуміе и неблагодарность думать, что именно она, источникъ этого очарованія,

---

[1]) Nachträge zum Zarathustra, § 676, B. XII, 359.

должна быть очаровательнѣйшею частью мѣстности; мы свершаемъ восхожденіе и испытываемъ разочарованіе. Внезапно для насъ исчезаетъ волшебство, украшавшее какъ гору, такъ и мѣстность! Мы забыли, что многое благое и великое представляется таковымъ только съ извѣстнаго разстоянія, притомъ непремѣнно снизу, а не сверху,—только при этомъ условіи оно можетъ на насъ дѣйствовать. Быть можетъ, среди окружающихъ ты знаешь людей, которые должны смотрѣть на себя съ извѣстнаго разстоянія, чтобы находить себя вообще сносными или привлекательными и дающими силу“ [1])

Въ этихъ строкахъ, написанныхъ за два года до составленія „Заратустры“, Ницше не имѣлъ въ виду „сверхчеловѣка“; и, однако, въ нихъ—весь секретъ послѣдняго. Если посмотрѣть на него сверху, то онъ разоблачится передъ нами во всей своей пустотѣ и безсодержательности. Чтобы видѣть въ немъ „красу и смыслъ жизни“,—для этого нужно смотрѣть на него снизу, въ извѣстномъ отдаленіи и искусственной перспективѣ. „Сверхчеловѣкъ“ представляетъ собою бьющее на нервы и эффектное зрѣлище; но нетрудно убѣдиться, что весь эффектъ достигается путемъ оптическаго обмана.

Общій смыслъ цѣлаго ряда опредѣленій „сверхчеловѣка“ сводится къ отрицанію человѣка и человѣчности. Признавая въ Наполеонѣ I воплощеніе своего идеала, Ницше прямо говоритъ, что онъ былъ „синтезомъ сверхчеловѣка и нечеловѣка“ [2]). Сочетаніе такихъ качествъ—какъ необычайная мощь и необычайная безчеловѣчность—заставляетъ его видѣть „сверхчеловѣка“ и въ Цезарѣ Борджіа [3]). Спрашивается, что же можетъ быть привлекательнаго въ человѣкѣ хищникѣ, эксплоататорѣ, жестокомъ, не вѣдающемъ жалости?! Сама по себѣ безчеловѣчность можетъ внушать только отвращеніе; но въ извѣстной обстановкѣ она можетъ

[1]) Die fröhliche Wissenschaft, § 15, B. V, 54—55.
[2]) Zur Genealogie der Moral, B. VII, 337.
[3]) Götzen-Dämmerung, B. VIII, 145—148.

произвести на насъ нѣкоторый театральный эффектъ: по контрасту съ мелкими воришками и стадными животными, носящими человѣческій образъ, крупный хищникъ можетъ показаться намъ львомъ; жестокость, если мы будемъ постоянно сопоставлять ее съ дряблостью, слабонервностью и изнѣженностью, сойдетъ въ концѣ концовъ за „твердость алмаза“; безжалостность будетъ рано или поздно принята нами за „силу воли“, мѣдный лобъ за благородный металлъ, а красивыя слова—за философію. Самъ Ницше говоритъ: un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux [1]).

Философія Ницше представляетъ собою протестъ противъ измельчанія и вырожденія современнаго человѣка; но именно въ этомъ вырожденіи кроется одинъ изъ источниковъ ея колоссальной популярности. Намъ наскучили „хмурые люди“, безконечной вереницей проходящіе передъ нами. Наши нервы утомлены однообразною картиной окружающей насъ житейской пошлости, и нашъ выродившійся вкусъ жаждетъ сильныхъ ощущеній! „Сверхчеловѣкъ“ доставилъ намъ зрѣлище, которое насъ развлекло и какъ будто наполнило на время одинъ изъ пробѣловъ нашего существованія. Но теперь мы довольно развлеклись, и пора сорвать съ него маску.

Одно изъ основныхъ положеній Ницше заключается въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, что было бы цѣннымъ само по себѣ. Отсутствіе абсолютныхъ цѣнностей должно быть восполнено творчествомъ: иначе жизнь становится невыносимою [2]). „Сверхчеловѣкъ“ съ точки зрѣнія самого Ницше—не болѣе, какъ поэтическій вымыселъ, цѣнность выдуманная, сочиненная для того, чтобы скрасить жизнь. Его Заратустра говоритъ, что онъ не могъ бы помириться со своимъ человѣческимъ существованіемъ, если бы человѣкъ не былъ поэтомъ и гадателемъ [3]). Но поэзія по Ницше есть атмосфера лжи; всѣ поэты лгутъ, ибо они привносятъ въ

[1]) De Wille zur Macht, §§ 16, B. XV, 32.
[2]) Nachträge zum Zarathustra, § 675, B. XII, 358.
[3]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 206.

міръ несуществующую красоту; въ качествѣ поэта лжетъ и самъ Заратустра. „Поистинѣ,—говоритъ онъ,—насъ (поэтовъ) вѣчно влечетъ кверху — въ царство облаковъ; на облака сажаемъ мы наши пестрыя чучела и называемъ ихъ тогда богами и сверхчеловѣками. Они какъ разъ достаточно легки для этихъ стульевъ, всѣ эти боги и сверхчеловѣки". И нѣсколько далѣе: „усталъ я отъ поэтовъ" [1]).

Кажется, трудно злѣе посмѣяться надъ той завѣтною мечтою Ницше, которая олицетворяла для него смыслъ его существованія: и, однако, мы имѣемъ здѣсь его подлинное изреченіе. За невозможностью наполнить жизнь дѣйствительнымъ содержаніемъ ему оставалось только *казаться*, позировать передъ другими и любоваться самимъ собою. Его „Заратустра" игралъ для него роль зеркала, украшеннаго изображенія его собственной личности. Въ немъ Ницше хотѣлъ воплотить идеалъ своего собственнаго величія; но самъ же онъ и развѣнчалъ это величіе: отъ него самого мы узнаемъ, что въ великомъ человѣкѣ онъ видитъ „всегда только актера своего идеала" [2]). И въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Заратустры чувствуется, что онъ разыгрываетъ роль, въ которую самъ онъ плохо вѣритъ.

Прежде всего онъ—*творецъ, учитель и законодатель*. Мы уже видѣли, что, какъ творецъ, онъ не вѣритъ въ собственное свое творчество, ибо въ концѣ концовъ оно сводится къ созданію иллюзій, лживыхъ призраковъ красоты, добра и

---

[1]) Ibid.; 188; ср. вообще 186—196. Въ Menschliches Allsumenschliches, § 164, B. II, 171—174, Ницше говоритъ о „религіозномъ или наполовину религіозномъ" суевѣріи, приписывающемъ генію сверхчеловѣческія качества; такое суевѣріе онъ считаетъ отчасти полезнымъ для массы, но гибельнымъ для самого генія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ заключать, будто неодинаковое отношеніе къ „сверхчеловѣку" составляетъ грань между „серединнымъ" и послѣднимъ періодомъ дѣятельности нашего философа. Приведенный только-что текстъ изъ «Заратустры» показываетъ, что и здѣсь проповѣдь «сверхчеловѣка» уживается съ отрицательнымъ къ нему отношеніемъ и даже—съ насмѣшкой надъ нимъ.

[2]) Jenseits von Gut und Böse, § 97, B. VII, 98.

величія, однимъ словомъ, *мнимыхъ цѣнностей*. Онъ „учитель“, которому учить нечему, ибо онъ не вѣритъ въ истину: для него всякое человѣческое сужденіе есть ложь. „Я уже ни во что не вѣрю,—говоритъ Ницше,—таковъ правильный образъ мысли творческихъ личностей“ [1]). На этомъ основаніи Заратустра смѣется надъ тѣми учениками, которые въ него вѣрятъ. „Вы говорите, что вѣрите въ Заратустру,—вѣщаетъ онъ имъ.—Но что значитъ Заратустра! Вы—мои вѣрующіе, но что могутъ значить всѣ вѣрующіе! Вы еще не искали самихъ себя и поэтому нашли меня. Такъ поступаютъ всѣ вѣрующіе, и потому-то всякая вѣра такъ мало значитъ. Теперь я взываю къ вамъ, чтобы вы утратили меня и нашли самихъ себя; и только тогда я возвращусь къ вамъ, когда всѣ вы отречетесь отъ меня“ [2]). Слова эти не суть только предостереженіе противъ вѣры въ авторитетъ, но отрицаніе самаго учительства: Заратустра не имѣетъ сообщить своимъ ученикамъ *никакихъ истинъ* [3]). Онъ проповѣдуетъ имъ сверхчеловѣка и побуждаетъ ихъ къ его исканію; но „сверхчеловѣкъ“ для него—не истина, а только поэтическая греза.

Также фиктивно и „законодательство“ Заратустры. Мы уже видѣли, что философія Ницше отрицаетъ возможность какого бы то ни было *всеобщаго* законодательства, какихъ бы то ни было предписаній, обязательныхъ для *всѣхъ* людей. Соотвѣтственно съ этимъ Заратустра заявляетъ, что его законодательство обращается *не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ*, не къ народу, а къ избраннымъ. Онъ ищетъ себѣ не стада, а *спутниковъ*, которымъ онъ могъ бы показать сіяніе радуги и всѣ ступени сверхчеловѣчества [4]). Но воз-

---

[1]) Aus der Zeit des Zarathustra, § 68, B. VIII, 250.

[2]) Also sprach Zarathustra, B. VI. 187, 115.

[3]) Ср. выше, § X; ср. также приведенное уже изреченіе объ „истинномъ учителѣ“. Jenseits von Gut und Böse, § 63, B. VII, 92.

[4]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 28. Впрочемъ, какъ мы видѣли, въ Заратустрѣ и другихъ сочиненіяхъ Ницше есть множество текстовъ, гдѣ „сверхчеловѣкъ является въ роли единой цѣли, коей всѣ люди должны служить

можно ли, съ точки зрѣнія философіи Ницше, какое бы то ни было объективное законодательство, хотя бы только для избранныхъ? Вѣдь „избранные“ суть именно тѣ, которые не признаютъ для себя ничего обязательнаго, отрицаютъ самую идею обязанности!

Законодательство, по Ницше, есть признакъ господства надъ другими; но „господствовать,—говоритъ онъ,—значитъ, навязывать мой типъ. Вѣдь это ужасно! Развѣ мое счастіе не состоитъ именно въ созерцаніи множества другихъ типовъ“ [1]). Въ концѣ концовъ ученіе о „сверхчеловѣкѣ“ есть доведенный до крайнихъ предѣловъ индивидуализмъ, который исключаетъ возможность связать волю индивида какими бы то ни было правилами. Поэтому все законодательство Заратустры для самого Ницше связывается съ вопросительнымъ знакомъ. За невозможностью создать единое законодательство, онъ прямо заявляетъ, что „Заратустра есть герольдъ, который вызываетъ многихъ законодателей“ [2]). Но множество законодателей, изъ коихъ каждый законодательствуетъ только для себя, означаетъ въ сущности отсутствіе какого бы то ни было законодательства. Чувствуя это затрудненіе, Ницше дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующую обмолвку: цѣль законодательства заключается въ томъ, чтобы вызвать духъ противорѣчія. „Отъ меня долженъ исходить законъ, какъ будто я всѣхъ хочу пересоздать по моему образу, дабы въ борьбѣ противъ меня личность познала себя и окрѣпла“ [3]). Въ концѣ концовъ Ницше такъ и умеръ съ неразрѣшеннымъ вопросомъ: „какой смыслъ заключается вообще въ изданіи законовъ“ [4]).

Выше мы видѣли, что по Ницше образъ сверхчеловѣка

частью какъ матеріалъ, частью какъ орудія, сознательныя или слѣпыя. Но это—одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми вообще изобилуетъ ученіе Ницше.

[1]) Nachträge zum Zarathustra, § 706, B. XII, 365.

[2]) Nachträge zum Zarathustra, § 707, B. XII, 365.

[3]) Ibid, § 705.

[4]) Ibid., § 707.

получается путемъ сведенія воедино всего великаго, что есть въ отдѣльныхъ людяхъ. Теперь оказывается, что всѣ признаки человѣческаго величія обладаютъ характеромъ фиктивнымъ. Спрашивается, какая же величина можетъ получиться въ результатѣ синтеза множества нулей!

Въ числѣ признаковъ сверхчеловѣчества мы оставили пока въ сторонѣ одинъ; это—веселость, смѣхъ, радостность существованія, побѣдившаго въ себѣ страданія и достигшаго высшей своей цѣли. Но и тутъ Заратустра является прежде всего и больше всего актеромъ своего идеала. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что веселость у Ницше есть маска, способъ сокрытія страданій. Разъ предметомъ всей этой радости служатъ мнимыя цѣнности, *вымышленная* цѣль жизни, веселость не можетъ не быть напускною, театральною. Въ самомъ смѣхѣ Заратустры чувствуется не радость, а горькая насмѣшка надъ человѣкомъ и его философскимъ исканіемъ, попытка *высмѣять жизнь*! Попытка эта, однако, не всегда удается. „Ты потерялъ твою цѣль,—говоритъ Заратустра своей тѣни;—горе тебѣ, какъ сможешь ты переболѣть и вышутить эту потерю. Вѣдь тѣмъ самымъ ты потерялъ твой путь". И тотчасъ вслѣдъ затѣмъ Заратустра приглашаетъ тѣнь въ пещеру со словами: „сегодня вечеромъ у меня будутъ танцы" [1]).

Мы уже ознакомились съ посѣтителями, собирающимися въ этой пещерѣ. Въ отвѣтъ на запросы всѣхъ этихъ страждущихъ и неудовлетворенныхъ жизнью Заратустра предлагаетъ имъ пуститься въ плясъ. „Вознеситесь сердцемъ, братья мои, и не забудьте ноги. Дайте волю ногамъ, вы, искусные танцоры, а еще лучшее—станьте на голову! Этотъ вѣнецъ смѣха, этотъ вѣнецъ изъ розъ, я самъ возложилъ его себѣ на голову. Въ наши дни никто, кромѣ меня, не оказался для этого достаточно сильнымъ!" [2]).

Проповѣдуя любовь къ жизни, Заратустра, однако, самъ

---

[1]) Also sprach Zarathustra, B. VI, 399.
[2]) Ibid, 428.

убѣжденъ въ безуміи этой любви: „во всякой любви,— говоритъ онъ,—есть безуміе; но во всякомъ безуміи есть доля разума. И мнѣ, при всемъ моемъ расположеніи къ жизни, кажется, что бабочки, мыльные пузыри и всѣ тѣ люди, которые имъ подобны, всѣхъ лучше знаютъ, что такое счастіе“ [1]). Самому Заратустрѣ, однако, не дается счастіе бабочки и смѣхъ въ немъ не въ состояніи пересилить грусть. Въ прекрасный лѣтній вечеръ онъ любуется пляской дѣвушекъ на лѣсной полянѣ. Но танцы кончились, дѣвушки удалились и имъ овладѣла грусть. „Солнце уже давно закатилось,—молвилъ онъ, наконецъ;—на лугу стало сыро, изъ лѣсовъ повѣяло прохладою. Что-то неизвѣстное надвигается на меня и смотритъ вопросительно. Какъ, ты еще живешь, Заратустра? Почему, для чего, какою силою, зачѣмъ, какимъ образомъ! Развѣ не безумно продолжать жизнь! Друзья мои, вѣдь это вечеръ такъ во мнѣ вопрошаетъ! Простите мнѣ мою грусть! То было вечеромъ: простите мнѣ, что былъ вечеръ“ [2]).

Въ эти минуты скорби Ницше словно забываетъ роль, тщеславіе уступаетъ мѣсто искренности, маска сверхчеловѣка отпадаетъ, и въ его рѣчахъ звучитъ симпатичная, человѣческая нота. Въ страданіяхъ своихъ онъ, конечно, не является актеромъ. Но вся его душевная жизнь есть безпрерывная смѣна противоположныхъ состояній, рядъ скачковъ изъ крайности въ крайность. Въ борьбѣ съ безысходною тоскою, которая поднимается изъ глубины его души, онъ живетъ въ вѣчно взвинченномъ настроеніи; бредъ величія постоянно беретъ въ немъ верхъ надъ сознаніемъ его человѣческой немощи. Его самомнѣніе не знаетъ предѣла. „Я хочу создать вещи,—говоритъ онъ,—противъ которыхъ безсильно время, создать для себя по формѣ и по существу маленькое безсмертіе; я никогда не былъ достаточно скроменъ, чтобы мечтать о меньшемъ“. Своего „Зара-

---

[1]) Ibid., 57—58.
[2]) Ibid., 159.

тустру“ онъ называетъ „глубочайшею книгою, какою когда-либо обладало человѣчество“ [1]). Со дня „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“, т.-е. со дня появленія его собственнаго ученія, онъ предлагаетъ начать новое лѣтосчисленіе [2]). Его alter ego—Заратустра обставленъ у него символами мудрости и могущества: надъ головою Заратустры паритъ орелъ, „горделивѣйшее изъ животныхъ“, шею орла обвиваетъ змѣя — „мудрѣйшее изъ животныхъ“ [3]). Къ этимъ вѣстникамъ мудрости присоединяется еще и левъ—знаменіе грядущаго поколѣнія „сверхчеловѣковъ“, „дѣтей Заратустры“. Онъ ласкается къ Заратустрѣ и отгоняетъ отъ его пещеры посѣтителей, дряблую породу „высшихъ людей“ нашего времени. Въ своемъ ученіи Ницше видитъ начало всемірнаго кризиса, всеобщей революціи, имѣющей наступить не позже 1890 года. „Я—рокъ для человѣчества,—пишетъ онъ своему другу—Брандесу—за годъ до своего умопомѣшательства“ [4]).

Впрочемъ, въ ясныя минуты Ницше судитъ о себѣ болѣе правильно. Въ предисловіи къ статьѣ о Вагнерѣ онъ пишетъ между прочимъ: „Я такой же сынъ моего времени, какъ и Вагнеръ, т.-е. декадентъ, съ той разницей, что я это понялъ и возсталъ противъ этого“ [5]). Подъ этимъ сужденіемъ и мы подпишемся.

XXV.

Заключеніе.

Что ученіе Ницше носитъ на себѣ печать упадка философской мысли, въ этомъ мы убѣдимся, какъ только попытаемся подвести ему итоги. Во всѣхъ его произведеніяхъ чувствуется крупное философское и въ особенности художественное дарованіе. Въ отдѣльныхъ его афоризмахъ насъ

---

[1]) Götzen-Dämmerung, VIII, 165.
[2]) Der Wille zur Macht, § 62, VIII, 314.
[3]) Also sprach Zarathustra, VI, 29.
[4]) Brandes, Menschen und Werke, 223.
[5]) Der Fall Wagner, VIII, 1.

поражаетъ глубина постановки философскихъ вопросовъ, тонкость наблюденія и критики, фейерверкъ остроумія, богатство и яркость художественныхъ образовъ. Но въ цѣломъ философія Ницше производитъ впечатлѣніе чего-то необычайно нестройнаго и нескладнаго: она изумляетъ отсутствіемъ логическаго единства и скудостью своихъ результатовъ.

Въ ней замѣчается необычайная пестрота, анархія разнородныхъ началъ, несогласованныхъ другъ съ другомъ и не продуманныхъ до конца. Рядомъ съ некритическимъ отрицаніемъ метафизики мы находимъ здѣсь столь же некритическія утвержденія о сущемъ,—метафизику наивную въ своемъ безотчетномъ догматизмѣ; элементы позитивизма въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ нашего философа сталкиваются съ глумленіемъ надъ позитивизмомъ и монистическимъ ученіемъ о сущемъ. Теорія познанія Ницше, которая, точнѣе говоря, представляетъ собою отрицаніе познанія, есть сознательное возвращеніе къ досократовской точкѣ зрѣнія древнихъ софистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это—полное ниспроверженіе всѣхъ прочихъ отдѣловъ изложеннаго ученія, ибо все это ученіе представляетъ собою беззастѣнчивое примѣненіе категорій разсудка, отвергнутыхъ теоріей познанія нашего философа. Далѣе, въ нравственномъ ученіи Ницше мы находимъ, съ одной стороны, ту же софистику, отрицаніе какихъ бы то ни было объективныхъ цѣнностей и нормъ поведенія, а съ другой стороны—ученіе объ объективномъ масштабѣ цѣнностей, который коренится въ самой природѣ сущаго; къ тому же масштабъ этотъ оказывается двойственнымъ. Въ соціальной философіи Ницше мы находимъ доведенный до анархической крайности индивидуализмъ, исключающій возможность какого бы то ни было законодательства, и рядомъ съ этимъ—вѣру въ философа—законодателя будущаго, который переустроитъ соціальный бытъ человѣчества на новыхъ началахъ. Наконецъ, во образѣ сверхчеловѣка—*полузвѣря, полуфилософа*, мы находимъ какъ бы сводъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій ученія Ницше и его настроенія.

Въ концѣ концовъ философія Ницше перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ и начинаетъ рычать по звѣриному: послѣдній отвѣтъ Заратустры на философскіе запросы современнаго человѣчества есть львиный ревъ, который разгоняетъ всѣхъ ищущихъ и вопрошающихъ. Дальше, кажется, трудно итти по пути одичанія и вырожденія мысли. А между тѣмъ, въ качествѣ „знаменія будущаго" этотъ пророческій левъ показываетъ, чего мы еще можемъ ждать отъ „дѣтей" Заратустры!

Намъ уже неоднократно приходилось указывать на важность той основной задачи, которую поставилъ себя Ницше, а также на глубину и серьезность его умственнаго исканія. Между тѣмъ, окончательные выводы его философіи граничатъ съ пошлостью! Чѣмъ объясняется это колоссальное несоотвѣтствіе между затраченными силами и достигнутымъ результатомъ? Самая необычайность дарованій Ницше доказываетъ, что его неудача обусловливается главнымъ образомъ причинами, не отъ него зависящими. Въ этой неудачѣ сказывается общее ослабленіе и утомленіе мысли, которое составляетъ характеристическую черту всей нашей эпохи.

Въ той умственной атмосферѣ, которою мы дышемъ, есть что-то, что подрѣзываетъ крылья философіи. Въ дни высшаго процвѣтанія философіи ее одушевляла вѣра въ разумъ, вѣра въ мысль, лежащую въ основѣ существующаго. Въ эпоху расцвѣта древней философіи Сократъ опредѣлялъ сущее какъ *понятіе*, Платонъ видѣлъ въ немъ *идею*. Аристотель вѣрилъ въ *форму всѣхъ формъ*, всеобъемлющій міровой разумъ. Въ дни классической нѣмецкой философіи Кантъ училъ, что *разсудокъ есть законодатель природы*, что весь міръ явленій обусловленъ формами мысли; Фихте понималъ вселенную какъ *откровеніе абсолютнаго „я"*; Шеллингъ и Гегель пытались понять міровой процессъ какъ *процессъ развитія „абсолютнаго духа"*.

Для величайшихъ мыслителей древности и новаго времени вѣрить въ мысль значило признавать въ ней не только наше субъективное состояніе, а *объективное опредѣленіе су-*

цѣію. Мы уже видѣли, что въ этомъ состоитъ предположеніе не только всякой философіи, но и всякаго вообще познанія, болѣе того,—всякаго акта нашего сознанія. Еслибы бытіе было безусловно чуждо мысли, оно не только было бы абсолютно непознаваемо, оно не могло бы и являться намъ, ибо все то, что намъ является, тѣмъ самымъ становится мыслью, *являетъ себя какъ мысль*. Если бы мысль была только нашимъ субъективнымъ состояніемъ, если бы она не выражала собою объективную дѣйствительность сущаго, она была бы потому самому призракомъ безъ реальнаго содержанія: мы не могли бы познавать ни сущаго, ни явленій. Въ концѣ концовъ познаніе покоится на томъ предположеніи, что мысль есть универсальная, всеобъемлющая форма существующаго.

Предположеніе это не можетъ быть доказано, ибо оно лежитъ въ основѣ нашего сознанія, обусловливаетъ собою всякую нашу мысль и, слѣдовательно,—всякое наше доказательство: прежде, чѣмъ доказывать что бы то ни было, мы уже предполагаемъ всеобщность и необходимость самыхъ формъ мысли, приложимость этихъ формъ къ сущему: всякое доказательство уже исходитъ изъ того предположенія, что мысль можетъ служить выраженіемъ бытія и что, слѣдовательно, она составляетъ его опредѣленіе.

Съ вѣрою въ мысль, универсальную и всеобщую, тѣсно связано другое предположеніе нашего сознанія, столь же необходимое и столь же недоказуемое, *предположеніе универсальной и всеобщей цѣли*, лежащей въ основѣ всего существующаго. Все наше сознаніе и вся наша жизнь представляются въ видѣ *ряда цѣлей*, при чемъ разнообразію отдѣльныхъ проявленій нашаго сознанія и нашей дѣятельности соотвѣтствуетъ множественность цѣлей; но все это разнообразіе цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ, предполагаетъ, какъ уже было выше сказано, *единую безусловную цѣль*, ради которой вообще стоитъ жить, дѣйствовать и мыслить, такую цѣль, которая *желательна сама по себѣ*, а не ради чего-нибудь другого. Иначе—все въ нашей жизни безцѣльно,

нелогично, безсмысленно: все въ ней ложь и весь нашъ разумъ—иллюзія. Эта цѣль не можетъ быть продуктомъ, *результатомъ* нашей мысли, ибо она обусловливаетъ всякую мысль. Поэтому самому она не можетъ быть и доказана нами, ибо всякое доказательство уже предполагаетъ, что *есть* безусловная цѣль, ради которой вообще стоитъ мыслить, доказывать. Словомъ, въ основѣ нашего сознанія лежитъ предположеніе такой цѣли, которая не обусловлена, а, напротивъ того, обусловливаетъ и оправдываетъ насъ самихъ,—предположеніе цѣли *универсальной, всеобщей.*

Великаго можетъ достигнуть только та философія, которая вѣритъ въ свои предположенія, въ тѣ необходимые постулаты, которые обусловливаютъ всякое вообще сознаніе. Отрекаясь отъ того, чѣмъ жива всякая мысль, чѣмъ дышетъ разумъ, философія отрекается отъ самой себя, осуждаетъ себя на неизбѣжное вырожденіе.

Это и есть то самое, что наблюдается въ главнѣйшихъ теченіяхъ философской мысли второй половины XIX столѣтія. При всей своей разнородности ученія наиболѣе популярныя въ эту эпоху,—пессимизмъ, матеріализмъ и позитивизмъ сближаются между собою въ общемъ невѣріи въ мысль, въ общей реакціи противъ идеализма, господствовавшаго раньше. Въ основѣ пессимизма Шопенгауэра лежитъ непримиримый дуализмъ міра какъ воли и міра какъ представленія. Весь міръ представленій есть ложь, иллюзія; сущее безусловно чуждо мысли, оно въ корнѣ безсмысленно, неразумно и безцѣльно. Съ точки зрѣнія матеріализма, точно такъ же, все существующее есть проявленіе безсмысленной, неразумной силы; самая мысль—не болѣе какъ частное проявленіе слѣпой стихіи, *функція мозга.* Точно такъ же ученіе позитивистовъ и агностиковъ различныхъ оттѣнковъ *о непознаваемости сущаго* значитъ въ концѣ концовъ, что *сущее безусловно чуждо мысли.* Въ дальнѣйшей стадіи своего развитія эта точка зрѣнія должна перейти въ совершенный иллюзіонизмъ. Кто отвергаетъ познаваемость сущаго, тотъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ от-

вергнуть въ концѣ концовъ и *познаваемость явленій* сущаго. Къ этому результату, какъ мы видѣли, дѣйствительно пришелъ Ницше, который отвергъ самое понятіе явленія.

Утративъ вѣру въ разумъ, философія должна была отчаяться и въ человѣкѣ; ибо, если разумъ, то что составляетъ отличіе человѣка отъ животнаго, есть ложь, то нѣтъ уже ничего, что оправдывало бы вѣру въ человѣческое достоинство. Софистическое ученіе Ницше представляетъ собою завершеніе упадка новѣйшей философской мысли и, надо надѣяться, крайній его предѣлъ. Но это ученіе, какъ и многія другія, даетъ только теоретическую форму тому, что переживаетъ цѣлое общество, его умственнымъ стремленіямъ, чаяніямъ и надеждамъ. Въ упадкѣ философіи отразился общій упадокъ современнаго человѣчества.

Что въ наши дни личность обезличилась, вкусы выродились, интересы измельчали, и творчество изсякло, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ницше вѣрно подмѣтилъ явленіе; но онъ не съумѣлъ дать ему сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія. Прежде всего очевидно, что вырожденіе личности не можетъ быть объяснено демократизаціей современнаго общества. Развѣ демократія породила „американизмъ“, обуявшій современное общество? Она ли виновата въ преобладаніи матеріальныхъ интересовъ надъ умственными? Скорѣе наоборотъ, страсть къ наживѣ связана съ ничѣмъ не ограниченной конкуренціей, съ неравенствомъ состояній, съ безпредѣльною возможностью накоплять богатства и сосредоточивать ихъ въ немногихъ рукахъ: она есть неизбѣжное сопровождающее *капиталистическаго строя*. Если современный рабочій играетъ роль колеса, винтика общественнаго механизма, то виновата въ этомъ опять таки не демократія: какъ разъ наоборотъ, именно демократическое движеніе нашихъ дней задается цѣлью обезпечить рабочему „человѣческія условія существованія“, сократить его рабочее время, дабы дать ему досугъ для умственной дѣятельности, саморазвитія и самообразованія. Рабочее законодательство XIX столѣтія уже

много сдѣлало для того, чтобы положить предѣлъ эксплоатаціи труда и ослабить „безличное рабство“ рабочаго класса.

Обезличеніе личности коренится вовсе *не въ существѣ* демократіи какъ такой; напротивъ того, демократическое движеніе заключаетъ въ себѣ сильно выраженный элементъ индивидуализма; въ немъ сказывается стремленіе личности стать независимою, освободиться отъ классоваго рабства. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что сами по себѣ ни демократическія учрежденія, ни вообще какія бы то ни было соціальныя преобразованія не могутъ спасти личность отъ вырожденія и измельчанія: послѣднее зависитъ не отъ однихъ только внѣшнихъ условій, слѣдовательно,— не отъ одного соціальнаго строя. Человѣкъ, для котораго матеріальныя средства и матеріальныя условія жизни замѣняютъ ея цѣль, возможенъ при всякомъ общественномъ строѣ; и при всякомъ общественномъ строѣ *такой человѣкъ* будетъ мелкимъ и пошлымъ. Человѣкъ тогда только возвышается надъ стаднымъ началомъ, тогда только освобождается отъ ига пошлости, когда онъ полагаетъ средоточіе своей жизни не въ томъ, что умираетъ, не въ томъ, что живетъ одинъ день, а въ вѣчномъ и безусловномъ.

Корень упадка заключается въ утратѣ человѣкомъ той *цѣли,* которая возноситъ его надъ областью матеріальнаго; будничнаго и полагаетъ грань между нимъ и животнымъ.

Философія Ницше какъ нельзя лучше показываетъ намъ, что значитъ эта утрата. Вся эта философія есть отрицаніе смысла жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ—безпрерывная тревога и мука исканія, борьба между отчаяніемъ въ человѣкѣ и потребностью надежды, между отрицаніемъ разума и вѣрою въ разумъ. Въ положительныхъ построеніяхъ Ницше мы находимъ рядъ слабыхъ, искаженныхъ отраженій того самаго, что онъ отрицаетъ, понятіе цѣли, цѣнности, идеалъ разумнаго, „истиннаго“ человѣка. Все это по собственному его признанію *тѣни Бога.* И вотъ оказывается, что онъ шагу не можетъ сдѣлать безъ этихъ тѣней. Мысль его прико-

вана къ тому самому, что онъ отрицаетъ. Отвергнутый Богъ тѣмъ не менѣе остается центромъ его философіи, и въ этомъ заключается религіозность его исканія.

Во множествѣ своихъ сочиненій Ницше твердитъ на всѣ лады: „Богъ умеръ, Богъ умеръ“: объ этомъ онъ говоритъ устами „безумнаго“, Заратустры, бывшаго папы и много разъ—отъ собственнаго своего имени. Въ результатѣ этихъ безчисленныхъ повтореній получается впечатлѣніе, словно Ницше хочетъ отдѣлаться отъ преслѣдующаго его кошмара, увѣрить себя и другихъ, что это только бредъ, а не дѣйствительность. Но всѣ его усилія напрасны: онъ отрицаетъ то самое, чѣмъ онъ живетъ!

Въ итогѣ мы должны признать за Ницше немаловажную заслугу. Вся его философія есть необычайно краснорѣчивое свидѣтельство о силѣ и жизненности той самой религіозной идеи, которую онъ проповѣдуетъ. Если религіозныя предположенія лежатъ въ основѣ всей нашей жизни и дѣятельности, нашей вѣры въ прогрессъ, въ основѣ проистекающихъ отсюда идеаловъ—этическихъ и соціальныхъ, не значитъ ли это, что эти предположенія суть нѣчто неустранимое, неотдѣлимое отъ человѣка! Одна только вѣра въ смыслъ жизни даетъ намъ силу жить. И, пока мы живемъ, отрицаніе не проникаетъ вглубь, а остается на поверхности нашего сознанія.

Ницше хотѣлъ возвѣстить человѣчеству новый источникъ надежды и радости. Вся его философія есть попытка преодолѣть отчаяніе, возвыситься надъ пессимизмомъ, къ которому неудержимо влекла его логика его мысли. Удалась ли ему эта попытка, достигъ ли онъ цѣли своихъ странствованій? Мы видѣли, что онъ потерпѣлъ крушеніе, и самъ онъ говоритъ о себѣ: „я вѣчный жидъ съ той только разницей, что я и не жидъ, и не вѣчный“.

Въ одномъ изъ своихъ классическихъ афоризмовъ Ницше говоритъ между прочимъ: „наше солнце уже закатилось и, хотя мы его уже не видимъ, небо нашей жизни все еще сіяетъ надъ нами, все еще свѣтится его отблескомъ“. Въ

этихъ словахъ какъ бы заключается разгадка той тайны современнаго человѣка, которую стремился постигнуть Ницше: наша вѣра въ добро, въ человѣка и его разумъ, всѣ наши цѣнности, все это—отблески того солнца, которое теперь на время закатилось, но когда-то ярко свѣтило надъ нами.

Если эти цѣнности не умираютъ, если онѣ продолжаютъ владѣть нашей мыслью и нашей волей, то это доказываетъ, что, вопреки Ницше, мы еще не отдѣлили нашу землю отъ ея солнца, что въ насъ живъ еще вѣчный источникъ нашей надежды. Но если такъ, то пессимизмъ утрачиваетъ для насъ свое смертоносное жало! Мы можемъ ждать новой зари; намъ не страшенъ мракъ вѣчной ночи!

